This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 2A66 J

HARVARD LAW LIBRARY

Received JUL 2 1931

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ

БЕСѢДЫ

О

ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКѢ РОССІИ.

С. С. ТАТИЩЕВА.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

1889.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39)
1890.

JUL 2 1981

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ

о

ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКѢ РОССІИ.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Внѣшняя политика Императора Николая I. Введеніе въ исторію внѣшнихъ сношеній Россіи въ эпоху Севастопольской войны.

Рекомендовано Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

Императоръ Николай и иностранные дворы. Историческіе очерки.

Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи.

ОТЪ АВТОРА.

О внѣшней политикѣ существуютъ два представленія:

Одни полагаютъ, что она есть нѣчто случайное, зависящее отъ произвола, если не отъ прихоти, что въ ней можно дѣйствовать по усмотрѣнію, и вести ее въ томъ или другомъ направленіи, не стѣсняясь ни указаніями опыта, ни уроками исторіи; что орудовать ею способенъ всякій, кто только располагаетъ властью, давая въ ней волю личнымъ предпочтеніямъ, симпатіямъ и антипатіямъ, въ состояніи одушевленія, раздраженія, вообще аффекта. Тѣ, кто разсуждаютъ такъ, не обратятъ на предлагаемую книгу ни малѣйшаго вниманія. Авторъ ея не у дѣлъ, не причастенъ къ власти и лишенъ всякаго вліянія на ходъ и направленіе политическихъ событій.

Другіе придерживаются иного взгляда на внѣшнюю политику. Имъ ясно, что она, въ сущности, призвана примѣнять къ дѣлу естественные законы развитія государства, истекающіе изъ его исторіи. Отсюда необходимость тщательнаго изученія отечественнаго прошлаго для соображенія съ нимъ современнаго положенія. Мало того: въ международныхъ отношеніяхъ пользы и нужды родины—въ постоянномъ столкновеніи съ стремленіями и потребностями чужихъ странъ, а потому, для доставленія имъ возможно полнаго удовлетворенія, необходимо также прилежно изучить и вѣрно понять прошлое иностранныхъ государствъ, въ связи съ ихъ настоящимъ состояніемъ.

Для успѣшнаго разрѣшенія этой двойной задачи нужно много труда въ разслѣдованіи событій, сообразительности въ ихъ оцѣнкѣ. Основательно знать, правильно понять ихъ и тогда уже дѣйствовать твердо и неуклонно въ выясненномъ направленіи—таковы три послѣдующія сту-

пени дипломатической дѣятельности. При этихъ условіяхъ, въ ней нѣтъ мѣста предпочтенію или произволу; она является дѣломъ безстрастнаго разсчета, ограничивается здравымъ смысломъ и исторіей.

Вести политику во второмъ направленіи, разумѣется, несравненно труднѣе, чѣмъ въ первомъ, и чтобы вести ее съ успѣхомъ недостаточно располагать властью, нужны еще познанія и дарованія, о которыхъ мы только что упоминали.

Авторъ надѣется, что для тѣхъ немногихъ, что придерживаются послѣдняго взгляда, книга его будетъ не безъинтересною и не безполезною. Она составлена изъ ряда политическихъ обозрѣній, появившихся въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ въ минувшемъ 1889 году и представляетъ плодъ личной дипломатической опытности автора и многолѣтнихъ его историческихъ изысканій. Въ продолженіе четверти столѣтія онъ всѣ умственныя свои силы направилъ къ изученію и выясненію внѣшнихъ политическихъ вопросовъ, сначала на дѣйствительной службѣ, въ живомъ общеніи съ государственными дѣятелями, русскими и иностранными, потомъ въ тиши архивовъ и библіотекъ, занимаясь извлеченіемъ изъ нихъ неизданныхъ источниковъ исторіи русской политики, далеко еще не выдѣлившейся у насъ въ самостоятельную науку. Такимъ образомъ, каждый день, можно сказать каждый часъ его жизни былъ и остается посвященъ посильному исканію истины въ одной изъ важнѣйшихъ отраслей государственной жизни Россіи.

Насколько авторъ приблизился къ ней—судить не ему. Но объ одномъ еще считаетъ онъ долгомъ предупредить читателей. При производствѣ сложныхъ вычисленій надъ безчисленными политическими дробями онъ принялъ за правило, предварительно всякаго вывода, приводить ихъ къ одному, неизмѣнному знаменателю и знаменатель этотъ—Россія.

Татищевъ.

С.-Петербургъ
28 февраля (12 марта)
1890 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Отъ автора. VII

I. Русская точка зрѣнія на иностранную политику.—Общее положеніе дѣлъ въ Европѣ.—Взглядъ князя Бисмарка на отношенія Германіи къ Австро-Венгріи.—Виды его на сближеніе съ Франціею.—Лига Мира и ея замыслы.—Внутреннее положеніе Франціи.—Сочувствіе ея къ Россіи.—Россія и Востокъ.—Болгарія.—Историческія основы восточной политики русскаго двора 1

II. Избраніе генерала Буланже въ депутаты города Парижа.—Буланжистское движеніе.—Обвинительный актъ по дѣлу Гефкена.—Бисмаркъ о возстановленіи державныхъ правъ Россіи на Черномъ Морѣ.—Броженіе въ Италіи и Венгріи.—Насильственная смерть кронпринца Рудольфа.—Англія и тройственный союзъ.—Восточная политика Россіи.—Столкновеніе болгарскаго министерства съ Синодомъ. — Значеніе православія на Востокѣ 17

III. Катастрофа въ Сагалло.—Красное море и Абиссинія.—Экспедиція г. Ашинова.—Отношеніе къ ней русской дипломатіи и французскаго правительства.—Обсужденіе вопроса во французской палатѣ депутатовъ.—Тяготѣніе Франціи къ Россіи.—Происхожденіе австро-нѣмецкаго союза.—Упадокъ русскаго вліянія на Востокѣ.—Взаимодѣйствіе правительства и общества 37

IV. Внутреннее и внѣшнее положеніе Германіи.—Вооруженія ея.—Отношенія къ Россіи.—Волненія въ Австро-Венгріи.—Италія.—Англія.—Смуты во Франціи.—Перемѣна царствованія въ Сербіи.—Сербскія политическія партіи.—Значеніе переворота 55

V. Всемірная выставка въ Парижѣ.—Упадокъ Буланжизма.—Отношенія Франціи къ Россіи въ до-революціонный періодъ.—Внѣшняя политика третьей республики.—Конференція о Самоа.—Вопросъ о русскихъ вооруженіяхъ въ средне-европейской печати.—Наступательный характеръ тройственнаго союза.—Экономическіе вопросы въ политикѣ.—Восточная академія въ Вѣнѣ.—Отдѣленіе торговой политики въ австро-венгерскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.—Программа нашихъ дипломатическихъ экзаменовъ.—Пробужденіе народнаго самосознанія въ Румыніи и Сербіи.—Бездѣятельность русской дипломатіи на Востокѣ 69

VI. Король Гумбертъ въ Берлинѣ. — Внѣшняя политика современной Италіи.—Отношенія ея къ Франціи.—Подчиненіе руководству князя Бисмарка.—Миролюбивое настроеніе французскаго правительства и общества.—Рабочее движеніе въ Западной Европѣ.—Связь Россіи

стр.

съ Востокомъ.—Восточная политика русскаго двора.—Греція.—Румынія. — Сербія. — Болгарія. — Неизбѣжность столкновенія между Западомъ и Востокомъ. 85

VII. Высочайшій тостъ въ честь князя Николая Черногорскаго.—Очеркъ русско-черногорскихъ отношеній. — Сближеніе князя Николая съ Россіей.—Австро-венгерскій взглядъ на самостоятельность балканскихъ государствъ.—Рѣчь императора Франца-Іосифа при открытіи делегацій.—Объясненія графа Кальноки.—Отношенія Австро-Венгріи къ Румыніи, Сербіи и Болгаріи.—Боснія и Герцеговина.—Враждебное Россіи направленіе австро-венгерской политики.—Столкновеніе Германіи съ Швейцаріей 101

VIII. Политическое затишье.—Взгляды высшихъ нѣмецкихъ круговъ на Россію. — Обзоръ дѣйствій нѣмецкой дипломатіи. — Историческое обозрѣніе отношеній Россіи и Пруссіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.—Князь Бисмаркъ о Восточной войнѣ 1877 — 78 годовъ.—Исповѣдь его графу Сенъ-Валье объ австро-германскомъ союзѣ 1879 года.—Попытки привлечь Турцію къ тройственному союзу.—Образованіе Лиги Мира равносильно распаденію европейскаго концерта.—Вопросъ о франко-русскомъ союзѣ. — Возстановленіе внутренняго порядка во Франціи 119

IX. Поѣздка Вильгельма II въ Лондонъ.—Сближеніе Англіи съ Германіей.—Приступленіе лондонскаго двора къ тройственному союзу.—Бездѣйствіе русской дипломатіи.—Дѣятельность графа С. Р. Воронцова въ Лондонѣ въ 1790 году.—Печать какъ орудіе дипломатическаго вліянія. — Причины неразрывности австро-нѣмецкаго соглашенія.—Взглядъ князя Бисмарка на Австро-Венгрію.—Печальное будущее монархіи Габсбурговъ. 133

X. Парламентскіе выборы во Франціи.—Положеніе французскихъ политическихъ партій. — Признаніе республики консерваторами. — Призывъ къ примиренію президента Карно.—Сочувствіе Франціи къ Россіи.—Враждебныя отношенія къ ней средне-европейской печати.—Вооруженія Лиги Мира.—Усиленная дѣятельность нѣмецкой дипломатіи.—Пріѣздъ Государя Императора въ Берлинъ . . . 149

XI. Посѣщеніе Государемъ Императоромъ берлинскаго двора.—Значеніе заздравныхъ рѣчей Вильгельма II. — Путешествіе его на Востокъ.—Отношенія Германіи къ Греціи и Турціи.—Восточная политика князя Бисмарка. — Европейскій концертъ въ дѣлахъ Востока.—Россія въ правѣ не признавать обязательной силы Берлинскаго трактата.—Источники самостоятельной политики Россіи . . 163

XII. Рѣчь Государя Императора на пятисотлѣтнемъ юбилеѣ русской артиллеріи.—Миролюбіе Россіи.—Два способа сохраненія мира: безусловная уступчивость притязаніямъ четвернаго союза или борьба съ нимъ на дипломатической почвѣ.—Посредничество Германіи въ Болгарскомъ вопросѣ.—Устраненіе недоразумѣній въ Болгаріею путемъ прямаго объясненія съ нею. — Историческій опытъ—основаніе разумной дипломатической дѣятельности.—Внутреннее положеніе Германіи, Австро-Венгріи, Италіи и Англіи.—Возрожденіе Франціи.—Броженіе на Востокѣ.—Приближающаяся развязка Восточнаго вопроса 181

I.

Русская точка зрѣнія на иностранную политику.—Общее положеніе дѣлъ въ Европѣ.—Взглядъ князя Бисмарка на отношенія Германіи къ Австро-Венгріи.—Виды его на сближеніе съ Франціею.—Лига Мира и ея замыслы.—Внутреннее положеніе Франціи.—Сочувствіе ея къ Россіи.—Россія и Востокъ.—Болгарія.—Историческія основы восточной политики русскаго двора.

С.-Петербургъ, 20 декабря 1888 г. (1 января 1889 г. нов. ст.).

«*Для насъ, русскихъ съ душою, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ. Все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе*».

Эти слова Карамзина какъ нельзя лучше опредѣляютъ ту точку зрѣнія, съ коей, по нашему убѣжденію, подобаетъ русскому человѣку судить и рядить о политическихъ событіяхъ, совершающихся за предѣлами нашего отечества и которой мы и намѣрены держаться твердо и неуклонно въ нашихъ бесѣдахъ о нихъ. Разсматривая сложныя политическія отношенія иностранныхъ государствъ, намъ, русскимъ людямъ, трудно и даже невозможно разобраться въ нихъ по существу, отличить правыхъ отъ виноватыхъ и, оправдавъ первыхъ, изречь послѣднимъ строгій обвинительный приговоръ во имя высшей отвлеченной справедливости. Такая непосильная задача была бы крайне неблагодарна и для насъ самихъ совершенно безполезна. Не предъявляя ни малѣйшаго притязанія на роль «судей вселенной», мы, въ нашихъ бесѣдахъ, будемъ преслѣдовать единственную цѣль: стараться изучить и постигнуть виды и намѣренія чужеземныхъ правительствъ по отношенію къ Россіи и установить на почвѣ не предположеній, а фактовъ, чего ей слѣдуетъ ожидать отъ нихъ или чего опасаться.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, Западная Европа встрѣчаетъ новый 1889-й годъ. Если мы окинемъ взо-

ромъ современную совокупность великихъ державъ, то въ соотношеніяхъ ихъ не замѣтимъ ни малѣйшей перемѣны. Политическія созвѣздія предстанутъ предъ нами въ прежнихъ, давно знакомыхъ очертаніяхъ.

Въ центрѣ Европы—все тотъ же тройственный союзъ, ядромъ коего служитъ единая Германія, наложившая одну руку на Австро-Венгрію, другую—на Италію. Вокругъ этого громаднаго центральнаго тѣла вращаются, повинуясь закону политическаго тяготѣнія, меньшіе государственные организмы Бельгіи и Испаніи съ одной стороны, Швеціи, Румыніи и Турціи—съ другой. Нѣсколько поодаль отъ него стоитъ дружественно къ нему расположенная владычица морей—Англія. Совершенно одиноко воздвигаются на двухъ противуположныхъ окраинахъ европейскаго материка—Франція на Западѣ, и Россія на Востокѣ.

Еще недавно русская и французская печать легковѣрно относилась къ слуху о несогласіяхъ между Берлиномъ и Вѣною, грозящихъ, будто бы, самому существованію австро-германскаго союза. Поводомъ къ этому слуху послужила довольно крупная перебранка между нѣмецкими и австрійскими газетами, изъ которыхъ послѣднія требовали для Австро-Венгріи полной равноправности съ Германіею, тогда какъ первыя грубо указывали на естественную подчиненность слабѣйшаго союзника сильнѣйшему. Рѣзкій тонъ полемики оправдывалъ до извѣстной степени заблужденіе, но обоимъ правительствамъ не большаго труда стоило разсѣять его обнародованіемъ телеграммъ, коими императоры Вильгельмъ и Францъ-Іосифъ обмѣнялись по случаю празднованія сороковой годовщины восшествія на престолъ австро-венгерскаго монарха. Телеграммы эти не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что союзныя обязательства двухъ сосѣднихъ государствъ остаются въ прежней силѣ и что, при нынѣшнемъ состояніи Европы, нечего и думать объ ослабленіи узъ, связывающихъ ихъ правительства.

Да иначе и быть не можетъ, если принять во вниманіе, что австро-германскій союзъ, какъ и всякое значительное международное сочетаніе, явился не результатомъ мимолетной прихоти или случайности, а послѣдствіемъ цѣлаго ряда событій, видоизмѣнившихъ политическую поверхность европейскаго материка и направленныхъ въ желанномъ смыслѣ смѣлою и искусною рукою князя Бисмарка. Поколебать его въ основаніяхъ

могутъ только потрясенія, не менѣе могучія, чѣмъ тѣ, что́ вызвали его къ жизни. Дабы убѣдиться въ томъ, достаточно оглянуться на его происхожденіе.

Когда четверть вѣка назадъ нынѣшній нѣмецкій канцлеръ вступилъ въ завѣдываніе внѣшними сношеніями Пруссіи, ближайшею цѣлью его политики было вытѣсненіе Австріи изъ Германскаго Союза и объединеніе Германіи подъ главенствомъ дома Гогенцоллерновъ. Цѣли этой онъ достигъ при содѣйствіи какъ Россіи, такъ и Франціи. Но лишивъ Австрію преобладающаго значенія въ Германіи, онъ тотчасъ всѣ усилія направилъ къ тому, чтобы не только примириться съ нею, а даже обратить ее въ вѣрную и постоянную союзницу вновь образованнаго Сѣверо-Германскаго Союза. Отсюда забота его о сохраненіи территоріальной цѣлости габсбургской монархіи и предложеніе ей союза чрезъ баварскаго дипломата, графа Тауфкирхена, въ 1867 году. То же предложеніе было возобновлено послѣ французскаго погрома 1870—71 годовъ. Въ обнародованной въ прошедшемъ году докладной запискѣ императору Вильгельму I, относящейся къ этой же эпохѣ, Бисмаркъ указывалъ, почему для Германіи важно поддержать существованіе Австріи. Того требуютъ-де высшіе интересы германизма.

«Въ Австріи»,—читаемъ мы въ означенной запискѣ,—«нѣмцы—дѣйствительные носители культуры и прогресса. Задача имъ тамъ предстоящая значительно превосходитъ подобную же задачу, выпадающую на долю имъ въ Россіи, такъ какъ до отдаленнѣйшихъ своихъ предѣловъ габсбургское царство болѣе или менѣе пропитано нашимъ народнымъ элементомъ, до чего далеко еще въ Россіи. Даже въ австрійской столицѣ говорятъ исключительно по-нѣмецки. Нѣмецкій языкъ служитъ въ то же время преимущественнымъ посредникомъ въ духовномъ общеніи всего государства. Сама печать включенныхъ въ Австрію чужеземныхъ народностей пользуется имъ въ бо́льшей части случаевъ. Желаніе ослабить нѣмецкій элементъ въ имперіи было бы равносильно не только парализованію главной силы, заключающейся въ государственной совокупности, но и колебанію этой послѣдней. Ибо для сплоченія Австріи ни одна народность не имѣетъ столь важнаго значенія, какъ нѣмцы. На всѣ прочія національности, внутри ихъ границъ, насколько онѣ борятся за самостоятельность и по этой именно причинѣ

стремятся къ отпаденію,—слѣдуетъ взирать какъ на центробѣжныя силы. Одни нѣмцы центростремительны на австрійской почвѣ. Съ какой точки зрѣнія ни обозрѣвать позднѣйшее вѣроятное развитіе помянутаго государства, заглядывая впередъ и выводя заключенія: сутью его все же окажется, что габсбургская монархія можетъ существовать только въ качествѣ по меньшей мѣрѣ полу-нѣмецкой державы. Таково основное условіе ея дальнѣйшаго существованія. Пруссіи нельзя колебать его. Она не можетъ наложить руку на эту основу будущности Австріи, не становясь въ рѣзкое противорѣчіе съ упомянутымъ высшимъ интересомъ, состоящимъ въ томъ, чтобы поддерживать эту державу какъ одинъ изъ главныхъ устоевъ европейскаго равновѣсія». Краткій смыслъ пространной рѣчи слѣдующій: Германіи выгоднѣе чрезъ посредство Австріи распространить свое вліяніе на весь славянскій Востокъ, чѣмъ довольствоваться присоединеніемъ нѣмецкихъ областей габсбургской монархіи. Къ такому заключенію и приходитъ записка. «Пруссія»—говорится въ ней,—«наиживѣйшимъ образомъ заинтересована въ поддержаніи австрійской монархіи въ настоящемъ ея составѣ. Во вниманіе къ нынѣ существующимъ обстоятельствамъ, измѣненіе коихъ не предвидится, она придаетъ этому интересу несравненно высшее значеніе, чѣмъ выгодамъ, которыя могла бы извлечь изъ отторженія земель отъ этой самой имперіи».

То, чего не удалось князю Бисмарку достигнуть ни въ 1867-мъ году, ни въ 1871-мъ, совершилось осенью 1872 года. Посѣщеніе Берлина императоромъ Францомъ-Іосифомъ означало примиреніе Австро-Венгріи съ Германіей. Но ради новаго и еще неиспытаннаго союзника неблагоразумно было бы тогда же пожертвовать вѣрнымъ и на опытѣ извѣданнымъ другомъ. Вотъ почему первымъ проявленіемъ австро-германскаго соглашенія сталъ такъ-называемый трехдержавный союзъ, въ коемъ третьею участницею явилась Россія, а Германія впервые приняла на себя роль услужливой посредницы между нами и Австро-Венгріею.

Въ первые два года послѣ берлинскаго съѣзда трехъ императоровъ, Бисмаркъ еще колебался между Петербургомъ и Вѣною, не высказывая своихъ предпочтеній. Положеніе измѣнилось въ 1875 году, когда русскій Императоръ воспротивился вторич-

ному разгрому Франціи. Съ этой минуты начинается постепенное отчужденіе Германіи отъ Россіи. На означенномъ пути нѣмецкому канцлеру предстояло преодолѣть не мало затрудненій. Съ одной стороны императоръ Вильгельмъ крѣпко держался за преданія своего дома и дорожилъ дружбою своею съ Государемъ Александромъ Николаевичемъ. Съ другой—въ Вѣнѣ далеко еще не были расположены броситься въ объятія недавняго врага и соперника. Какъ для примиренія съ Австро-Венгріею потребовалось сперва низвергнуть императорскую Францію и лишить первую всякой надежды на помощь второй, такъ, чтобы побудить ее вступить въ тѣсный союзъ съ Германіей, надлежало прежде окончательно разсорить ее съ Россіей. Средствомъ къ тому послужила Восточная война 1877—78 годовъ. На берлинскомъ конгрессѣ князь Бисмаркъ явился поборникомъ притязаній вѣнскаго двора на включеніе въ сферу своего вліянія знатной части Балканскаго полуострова. Годъ спустя Германія стала къ Россіи во враждебныя отношенія, и былъ подписанъ наконецъ давно желаемый австро-нѣмецкій союзный договоръ.

Противъ кого былъ направленъ этотъ договоръ—явствуетъ изъ текста трактата, обнародованнаго въ прошедшемъ году. Рѣчь въ немъ идетъ объ одной Россіи, а о Франціи вовсе не упоминается. Объясняется это тѣмъ, что наканунѣ берлинскаго конгресса нѣмецкой дипломатіи удалось вовлечь въ свои виды первое республиканское министерство, вступившее въ управленіе Франціею, послѣ неудачной попытки маршала Макъ-Магона произвести государственный переворотъ. Наперекоръ политикѣ герцога Деказа, кабинеты Ваддингтона и ближайшаго преемника его Ферри, съ небольшими перерывами остававшагося у власти до марта 1885 года,—не прочь были вступить въ сдѣлку съ Германіею и за извѣстное вознагражденіе съиграть въ европейскомъ концертѣ роль, предназначенную имъ Бисмаркомъ. Орудіемъ сближенія служилъ между Парижемъ и Берлиномъ вновь назначенный французскимъ посломъ при прусскомъ дворѣ графъ Сень-Валье. Въ довѣрительныхъ бесѣдахъ съ нимъ нѣмецкій канцлеръ развивалъ свою политическую программу и «рѣчь шла не о чемъ иномъ»—повѣствуетъ одинъ изъ присяжныхъ берлинскихъ оффиціозовъ — «какъ о заключеніи между державами Средней Европы союза

дружбы, который далеко оставилъ бы за собою, по искренности и значенію, всѣ дотолѣ извѣстные союзы, открылъ бы соревнованію народовъ гораздо обширнѣйшее и плодороднѣйшее поле и началъ бы новую эру въ жизни Европы».

Какими же рѣчами прельщалъ князь Бисмаркъ своего внимательнаго собесѣдника? Воспроизводя ихъ содержаніе, мы ручаемся, конечно, не за выраженія, а за общій ихъ смыслъ.

Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ столѣтій — проповѣдывалъ канцлеръ, — государства Средней Европы вели другъ съ другомъ ожесточенныя войны. Поводомъ къ нимъ служили споры изъ-за самыхъ ничтожныхъ предметовъ, изъ-за лоскутовъ земли. Проливалась кровь, истощались силы, и въ концѣ концовъ получался результатъ, ни мало несоразмѣрный съ принесенными жертвами. Не взирая на одержанныя побѣды, на претерпѣнныя пораженія, пропорція силъ между главными бойцами, Германіею, Австріею и Франціею, оставалась безъ измѣненія. Зрѣлище это невольно напоминаетъ длившееся сорокъ лѣтъ междоусобіе аеинянъ и спартанцевъ, извѣстное подъ названіемъ пелопоннезской войны, погубившее Элладу и самими греками признанное впослѣдствіи за актъ безумія.

Такимъ образомъ, —продолжалъ канцлеръ—Франція, Австрія и Германія не извлекали изъ всѣхъ этихъ войнъ ни малѣйшей выгоды; оставался лишь общій всѣмъ тремъ ущербъ. Онъ заключался въ томъ, что пока онѣ боролись между собою, Россія и Англія, пользуясь случаемъ, воздвигали свою чудовищную мощь. Съ несравненно меньшимъ напряженіемъ силъ, обѣ эти державы подѣлили міръ, тогда какъ Германія, Австрія и Франція, представляющія изъ себя высшую на землѣ сумму образованія, культуры и вещественныхъ силъ, лишились доли участія въ господствѣ надъ морями, надъ тропическими странами и вообще были стѣснены въ развитіи своего вліянія и владычества.

Нынѣ, — развивалъ князь Бисмаркъ мысль свою — настало для державъ Средней Европы время, либо смѣло и мужественно вмѣшаться въ судьбы вселенной, либо окончательно низойдти на степень второразрядныхъ государствъ. Опасность грозитъ имъ съ двухъ сторонъ. Французы и нѣмцы исполнены ненависти другъ ко другу. Не внимая урокамъ исторіи и готовясь къ новой борьбѣ, первые ищутъ заручиться союзами, не со-

ображаясь съ интересами высшаго свойства. Война между ними неминуема, но едва-ли она будетъ послѣднею, какъ и всѣ предыдущія? Допустивъ даже, что французамъ удастся одержать верхъ, нѣмцы не помирятся съ этимъ исходомъ и станутъ вооружаться снова, а успѣхи республиканской Франціи, вѣроятно, навлекутъ на нее снова обще-европейскую коалицію. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ выиграютъ лишь Англія и Россія, содѣйствіемъ своимъ или просто нейтралитетомъ, ибо новая франко-нѣмецкая война совпадетъ съ разрушеніемъ Турціи, той самой Турціи, что̀ владѣетъ нынѣ мостомъ изъ Европы въ Азію и Африку, краеугольнымъ камнемъ вселенной. Безумно разсчитывать на антагонизмъ русскихъ съ англичанами, которые не преминутъ подѣлить между собою Оттоманскую имперію. Таковъ плачевный исходъ вѣчной вражды средне-европейскихъ державъ другъ ко другу. Австрія будетъ уничтожена, Франція и Германія получатъ возможность продолжать свой поединокъ до истощенія послѣднихъ силъ. Обѣ послѣднія потеряютъ всякое вліяніе на культурное и политическое развитіе человѣчества.

Напротивъ, вступивъ между собою въ тѣсный союзъ, являющійся нынѣ положительною необходимостью, Германія, Австрія и Франція не только предотвратятъ опасность, грозящую міру отъ Россіи, но и облагодѣтельствуютъ всѣ прочіе народы, алчущіе благъ цивилизаціи. Основаніемъ соглашенія трехъ державъ Средней Европы должно служить рѣшеніе не дозволять Россіи и Англіи присвоить себѣ ни пяди земли на Балканскомъ полуостровѣ. Вся нынѣшняя Европейская Турція имѣетъ достаться нѣмцамъ, австрійцамъ и французамъ, которые не замедлятъ проложить себѣ путь и далѣе, въ Малую Азію и на острова Архипелага, возбудить эти мѣстности къ новой жизни и пожать въ нихъ обильные и богатые плоды.

Въ виду подобныхъ интересовъ, имѣющихъ всемірно-историческое значеніе, — заключалъ канцлеръ — споръ изъ-за Эльзаса-Лотарингіи представляется жалкимъ и ничтожнымъ. Впрочемъ Германія найдетъ чѣмъ залѣчить раны, нанесенныя ею самолюбію французовъ, лишь бы тѣ обратились въ ея вѣрныхъ друзей и усердныхъ союзниковъ.

Князь Бисмаркъ признавалъ, что потребуется нѣсколько лѣтъ для осуществленія задуманнаго имъ плана и, совѣтуя

французскимъ государственнымъ людямъ усыпить Англію завязаніемъ съ нею дружественныхъ сношеній, самъ занялся вовлеченіемъ Россіи въ новый союзъ съ Германіею и Австріею, запечатлѣнный свиданіями въ Данцигѣ, Скерневицахъ и Кремзирѣ. Въ періодъ времени съ 1880 и по 1885 годъ онъ уподоблялся искусному и опытному шахматному игроку, ведущему за разъ нѣсколько партій съ робкими и неумѣлыми противниками. Тогда же, не довольствуясь формальнымъ союзомъ своимъ съ Австро-Венгріей, тройственнымъ соглашеніемъ съ нею же и съ Россіей и довѣрительными переговорами съ Франціей, онъ ухитрился заманить въ свои сѣти Италію, подписавъ и съ римскимъ дворомъ союзный договоръ.

Но на всякаго мудреца довольно простоты. Случилось то, чего онъ не предвидѣлъ. Во Франціи министерство Ферри пало, а съ нимъ вмѣстѣ исчезли и надежды нѣмцевъ на примиреніе съ французами. Почти одновременно болгарскія событія обнаружили во всей наготѣ двойственность нѣмецкой политики на Востокѣ. Послѣдствіемъ явился отказъ Россіи отъ возобновленія тройственнаго соглашенія, которому истекъ между тѣмъ срокъ.

Германія очутилась бы въ состояніи полнаго одиночества, еслибы ею не было принято заблаговременно мѣръ для обузданія малѣйшихъ поползновеній Австро-Венгріи и Италіи освободиться отъ узъ, связывающихъ ихъ съ нею. Послѣднія были даже скрѣплены новыми договорами. Болѣе или менѣе тѣсныя соглашенія установились между «Лигою Мира» и второстепенными дворами Мадридскимъ и Брюссельскимъ, Стокгольмскимъ и Бухарестскимъ. Къ участію въ «заговорѣ» привлечены Сербія, Болгарія и самая Порта. Наконецъ въ недавнее время приступлено къ сближенію между Германіею и Великобританіею.

Всѣ государства, входящія въ составъ средне-европейской лиги, усиленно и поспѣшно вооружаются. Съ какою цѣлью? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ приведенная нами политическая программа князя Бисмарка, обличающая тайные виды Германіи и ближайшихъ ея союзницъ по отношенію къ Востоку. Она одна объясняетъ сплоченіе во-едино столь разновидныхъ и другъ другу противоположныхъ элементовъ, которымъ никто не угрожаетъ, но которые побуждаются къ совмѣстному дѣйствію ничѣмъ инымъ, какъ хищными вожделѣніями и страстью къ

земельнымъ захватамъ и пріобрѣтеніямъ. Что же помѣшало осуществленію всѣхъ этихъ замысловъ? Отпаденіе Франціи отъ общаго предпріятія. Ясно, что нужно или снова заставить ее принять въ немъ участіе, или разгромить въ конецъ. Но подъ какимъ предлогомъ? Обвинивъ ее самоё въ воинственныхъ намѣреніяхъ, въ стремленіи возвратить себѣ оружіемъ двѣ утраченныя области, наконецъ въ неутолимой жаждѣ отмщенія.

Самаго поверхностнаго знакомства съ исторіей франко-германскихъ отношеній, за минувшія семнадцать лѣтъ, достаточно, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ обвиненіе это является голословнымъ, лишеннымъ не только всякаго основанія, но и вѣроятія. За исключеніемъ указаннаго выше пятилѣтняго промежутка, не проходило года, чтобы Франція не подвергалась, со стороны своихъ неугомонныхъ сосѣдей, выходкамъ самаго наглаго и вызывающаго свойства, которыя она сносила терпѣливо, съ удивительнымъ самообладаніемъ. Нечего и говорить, что французское правительство само не проявляло никогда ни малѣйшаго задора въ сношеніяхъ не только съ нѣмцами, но и съ ихъ союзниками. Даже такіе непристойные поступки, какъ оскорбительная рѣчь г. Тиссы въ венгерской палатѣ или грубыя ноты г. Криспи по массовскимъ и тунисскимъ дѣламъ оставлялись имъ безъ возмездія. Еслибы Франція нуждалась въ доказательствахъ своего миролюбія, то достаточно было бы указать на устраиваемую ею въ предстоящемъ году въ Парижѣ всемірную выставку, чтобы снять съ нея всякое подозрѣніе въ злоумышленномъ намѣреніи нарушить миръ Европы.

И это весьма понятно. Нѣтъ француза, который не отдавалъ бы себѣ яснаго отчета въ страшной опасности, угрожающей родинѣ отъ борьбы съ такимъ сильнымъ и безпощаднымъ врагомъ, какова Германія, опирающаяся на Австро-Венгрію и Италію. Ставкою игры явились бы уже не богатства Франціи и даже не ея земельная цѣлость, а независимость и самое существованіе. Къ тому же, она переживаетъ нынѣ тяжкій внутренній кризисъ, при которомъ не можетъ и помышлять о сосредоточеніи на національной оборонѣ всѣхъ нравственныхъ и вещественныхъ силъ своихъ.

Франція представляется раздѣленною на два враждебные стана. Въ одномъ сплотились вокругъ генерала Буланже всѣ недовольные настоящими порядками, безъ различія партій и

оттѣнковъ, отъ строгаго легитимиста—поборника алтаря и престола, до яраго анархиста — проповѣдника общественной ликвидаціи. Въ другомъ — волей неволей приходится группироваться сторонникамъ парламентской республики, такъ называемымъ «оппортунистамъ» и «радикаламъ», донынѣ располагающимъ громаднымъ большинствомъ въ обѣихъ палатахъ и занимающимъ всѣ мѣста и должности въ государственной службѣ. Мы сказали «волей-неволей» потому, что до послѣдняго времени въ республиканскомъ лагерѣ царилъ раздоръ, и оппортунисты обнаруживали противъ радикаловъ едва-ли не бо̀льшее раздраженіе, чѣмъ противъ враговъ существующаго порядка. По послѣднимъ извѣстіямъ, между обѣими партіями состоялось, однако, нѣчто въ родѣ перемирія, на почвѣ внесеннаго министерствомъ въ палату депутатовъ законопроекта о замѣнѣ нынѣшней системы выборовъ *по спискамъ* выборами *по округамъ*.

Трудно предсказать исходъ борьбы между защитниками парламентско - республиканскаго строя и ихъ ожесточенными противниками. Одолѣетъ та сторона, которая выкажетъ болѣе единодушія и строгой дисциплины. Если посреди приверженцевъ нынѣшняго образа правленія замѣчается бо̀льшая сплоченность, зависящая отъ однородности ихъ политическихъ воззрѣній, за̀ то имъ недостаетъ общепризнаннаго главы и руководителя, какимъ служитъ для своихъ сторонниковъ генералъ Буланже. Намъ кажется, что спасеніе республики зависитъ именно отъ сосредоточенія всѣхъ республиканскихъ силъ въ рукахъ одного вождя, который, оставаясь на строго - законной почвѣ, при дружномъ содѣйствіи обѣихъ палатъ, имѣлъ бы мужество охранить общественный порядокъ, составляющій необходимое условіе нормальнаго развитія государственной жизни.

Разсматривая вопросъ о будущности Франціи съ русской точки зрѣнія, мы должны замѣтить, что хотя генералъ Буланже и друзья его при всякомъ случаѣ заявляютъ свое сочувствіе къ Россіи, но намъ остается еще убѣдиться въ искренности этихъ заявленій, а также въ томъ, останутся ли буланжисты вѣрными имъ, если когда-нибудь достигнутъ власти? За то изъ двухъ оттѣнковъ республиканской партіи, чередовавшихся въ правительствѣ за послѣдніе годы, мы не колеблясь отдадимъ предпочтеніе радикаламъ предъ оппортунистами. Послѣдніе— неисправимые доктринёры, прямые наслѣдники столповъ пар-

ламентаризма, выказавшихъ себя столь враждебными Россіи во времена іюльской монархіи, а глава ихъ—Жюль Ферри,—считается представителемъ политики сближенія съ Германіей, во имя солидарности культурныхъ и политическихъ интересовъ Западной Европы. Совершенно напротивъ, французскіе радикалы каждый разъ, когда были у власти, не только открыто исповѣдовали преданность свою Россіи, но и доказывали ее на дѣлѣ, жертвуя національнымъ пользамъ Франціи партійными предубѣжденіями и предразсудками. Справедливость требуетъ признать, что, поступая такимъ образомъ, они дѣйствуютъ въ единомысліи съ громаднымъ большинствомъ не одного образованнаго общества, но и всего французскаго народа.

Выраженіе намъ сочувствія французами имѣетъ тѣмъ бо̀льшую цѣну, что оно навлекаетъ на нихъ неудовольствіе подозрительныхъ нѣмцевъ и громы оффиціозной печати, получающей внушенія изъ Берлина. Забавны сѣтованія нѣмецкихъ газетъ по поводу блестящаго успѣха нашего послѣдняго займа, какъ извѣстно, покрытаго во Франціи въ два съ половиною раза. Одинъ берлинскій листокъ вмѣняетъ въ вину г. Флокэ, что онъ доложилъ о томъ совѣту министровъ, «какъ еслибы русскій заемъ былъ внутреннимъ французскимъ дѣломъ». Другая газета приписываетъ несостоятельность общества Панамскаго канала поглощенію нашимъ займомъ остатка свободныхъ французскихъ капиталовъ. Но всѣхъ превзошла Кёльнская газета, одинъ изъ парижскихъ корреспондентовъ которой, въ порывѣ злобной досады, усматриваетъ враждебную Германіи демонстрацію даже въ русскомъ благотворительномъ балѣ, недавно происходившемъ въ Hôtel Continental. «Недостаетъ только»,—восклицаетъ онъ,—«праздника въ честь *чудодѣйственнаго* Лебеля... Россія, вѣроятно, крайне нуждается въ деньгахъ, если судить о томъ по степени ея признательности. А Деруледъ, который въ Россіи искалъ заручиться милостями панславистовъ, какъ нынѣ агитируетъ и вербуетъ за счетъ Буланже,—пріобрѣлъ право, съ той минуты, какъ его дѣло приняло оффиціальный характеръ, получить въ награду портфель иностранныхъ дѣлъ».

Коснувшись мнѣній берлинскихъ оффиціозовъ, не можемъ не отмѣтить, что въ теченіе декабря всѣ они безъ исключенія хранили упорное молчаніе о Россіи и только наканунѣ рождественскихъ праздниковъ по новому стилю, трое изъ нихъ ра-

зомъ разразились статьями, посвященными нашимъ дѣламъ. Небезполезно сопоставить ихъ, чтобы вывести изъ нихъ заключеніе о тѣхъ вѣяніяхъ, которыя преобладаютъ нынѣ по отношенію къ Россіи въ дипломатическихъ кругахъ нѣмецкой столицы.

Застрѣльщикъ оффиціозной печати, газета Post, выразила мнѣніе, что «вооруженная съ ногъ до головы Россія» не двинется, пока не разразится война между Германіей и Франціей. Но та же Россія можетъ-де ошибиться въ разсчетѣ, ибо позволительно ожидать перемѣны во взглядахъ французовъ на свои отношенія къ нѣмцамъ. Газета не произноситъ слова «примиреніе», но довольно прозрачно намекаетъ, что считаетъ его если и невѣроятнымъ, то вполнѣ возможнымъ. Воспроизведя этотъ отзывъ своего собрата, «National Zeitung» присоединяется къ нему, и замѣчаетъ, что «проясненія политическаго горизонта» въ Европѣ слѣдуетъ-де ожидать скорѣе со стороны Франціи, чѣмъ Россіи, потому что «Франція все-таки культурная страна». Въ Россіи же, напротивъ, мира будто бы желаетъ одинъ Государь и его ближайшіе совѣтники, тогда какъ въ необъятной массѣ русскаго народа—полное отсутствіе пониманія дѣйствительнаго распредѣленія силъ въ Европѣ. Русскія газеты отстаиваютъ мнѣніе, что миръ—это подарокъ Россіи, который она можетъ взять обратно при первомъ признакѣ неблагодарности, и съ этой-де точки зрѣнія обсуждаютъ онѣ европейскую политику.

Все это, конечно, говорится по адресу Франціи. Къ намъ же обращены увѣщанія Кёльнской газеты, лишній разъ силящейся доказать, что истинное призваніе Россіи — насаждать просвѣщеніе въ Азіи, пріобщать благамъ цивилизаціи Сибирь, Закавказье, Туркестанскій край. Страны эти и поглощаютъ-де нынѣ заботливость русскаго правительства, повернувшагося спиною къ Европѣ. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду,—заключаетъ газета,—что, для удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей Россіи, политическихъ и экономическихъ, ей необходимо владѣть Константинополемъ и господствовать надъ Дарданеллами. Вотъ гдѣ для нея ключъ Восточнаго вопроса, доселѣ неразрѣшеннаго, а Персія, Болгарія и Сербія имѣютъ-де лишь придаточное значеніе.

Мы не станемъ оспаривать разсужденій нѣмецкой газеты

о важности для Россіи обладанія Царьградомъ и Проливами, но позволимъ себѣ усомниться въ готовности Германіи содѣйствовать намъ въ осуществленіи этой задачи. Примѣръ 1877—78 годовъ слишкомъ свѣжъ въ нашей памяти, и мы глубоко убѣждены, что никакая сдѣлка съ державами Запада не можетъ повести къ разрѣшенію Восточнаго вопроса въ русскомъ смыслѣ. Урокъ, вынесенный нами изъ тщательнаго изученія исторіи нашей политики,—слѣдующій: *Все, что дѣйствительно можетъ обезпечить интересы Россіи на Востокѣ, никогда не будетъ допущено Европою, а все, что допуститъ Европа, всегда окажется недостаточнымъ для обезпеченія русскихъ интересовъ.*

Совсѣмъ иное дѣло христіанскія государства Балканскаго полуострова, возникшія на развалинахъ разгромленной нами Оттоманской имперіи. Съ ними нельзя не считаться при опредѣленіи нашихъ отношеній къ славянскому и всему православному Востоку. Главная наша ошибка заключалась доселѣ въ томъ, что, проливая русскую кровь за освобожденіе единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, мы цѣлью нашихъ усилій ставили ихъ исключительное благо, не помышляя о самихъ себѣ и о принятіи мѣръ предосторожности на тотъ случай, еслибы призванные нами къ жизни политическіе организмы обратились въ орудія нашихъ враговъ, направленныя противъ Россіи. За эту великодушную небрежность мы поплатились послѣдовательною утратою нашего вліянія сначала въ Греціи, затѣмъ въ Румычіи, въ Сербіи, наконецъ въ Болгаріи, такъ что въ настоящее время изъ всѣхъ облагодѣтельствованныхъ нами балканскихъ народовъ осталась намъ вѣрна и признательна одна Черногорія. Иноземной интригѣ удалось убѣдить правителей этихъ государствъ, что Россія — злѣйшій врагъ ихъ самобытности и что отстоять свою независимость отъ ея посягательствъ они могутъ, лишь опираясь на безкорыстную дружбу великихъ державъ Запада.

Что балканскія государства попались въ эту ловушку— можно объяснить лишь неопытностью и недомысліемъ, если не личнымъ корыстнымъ разсчетомъ людей, руководящихъ ихъ судьбами. Но и для нихъ увлеченіе быстро миновало. Наступаетъ пора разочарованій. Въ Румыніи, въ Сербіи, общественное мнѣніе и даже политическіе дѣятели съ энергіею высказываются противъ политики, которой въ продолженіе десяти лѣтъ

слѣдовали правительства королей Карла и Милана. Движеніе это такъ сильно и всеобще, что даже престоламъ обоихъ грозитъ серіозная опасность. Менѣе видная, но едва-ли не болѣе существенная, перемѣна произошла въ средѣ болгарскаго министерства. Изъ состава его вышли Стоиловъ и Начевичъ, главные проводники австрійскаго вліянія въ странѣ. Глава кабинета, Стамбуловъ замѣнилъ ихъ своими друзьями, изъ партіи народниковъ, всегда ревниво оберегавшей политическую и экономическую самостоятельность княжества.

Подъ впечатлѣніемъ прискорбныхъ явленій послѣднихъ лѣтъ, въ русскомъ обществѣ и печати сложились о положеніи дѣлъ въ Болгаріи представленія далеко не безпристрастныя, а потому подлежащія строгой и обстоятельной провѣркѣ. Поддерживаются они и донынѣ, благодаря главнымъ образомъ присутствію среди насъ многочисленныхъ болгарскихъ выходцевъ, естественно изображающихъ намъ совершающіяся у нихъ на родинѣ событія въ тенденціозной «эмиграціонной» окраскѣ. Выражая это сужденіе, мы далеки отъ намѣренія заподозрить добросовѣстность нашихъ невольныхъ гостей, но развѣ опытъ всѣхъ временъ не доказываетъ, до какой степени склонны къ самообольщенію оторванные отъ родной почвы эмигранты, съ какою упрямою настойчивостью выдаютъ они мечты свои и надежды за дѣйствительность? Къ тому же ихъ точка зрѣнія все же болгарская, тогда какъ наши взгляды на Болгарію, какъ и на все въ мірѣ, должны быть вполнѣ самостоятельными, коренными, русскими.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія намъ яснѣе бы представились оттѣнки, отличающіе другъ отъ друга политическія партіи, входившія въ составъ коалиціоннаго министерства, полтора года правившаго княжествомъ. Мы распознали бы, что принцъ Фердинандъ Кобургскій не болѣе такъ декоративная принадлежность болгарскаго правительства и лишенъ всякаго существеннаго вліянія на судьбы страны; что оба нынѣ удаленные министра, Стоиловъ и Начевичъ, служили проводниками направленія, стремящагося подчинить Болгарію политическому руководству и экономическому вліянію западныхъ державъ и въ частности Австро-Венгріи; что въ томъ же кабинетѣ предсѣдатель Стамбуловъ, съ прочими товарищами, оставался вѣренъ началу самобытности, не всегда вѣрно понимае-

мому, но постоянно и твердо отстаиваемому болгарскою народническою партіею, признающею его своимъ главою.

Давно ли оффиціозная печать Вѣны и Пешта провозглашала Австро-Венгрію щитомъ и опорою самостоятельности балканскихъ государствъ? Теперь вполнѣ выяснилось, какъ понимаетъ она эту самостоятельность: въ смыслѣ полнаго подчиненія ихъ правительствъ внушеніямъ съ береговъ Шпрее и верхняго Дуная. Нынѣшнія попытки румынъ, сербовъ и болгаръ высвободиться изъ-подъ опутавшихъ ихъ сѣтей она же обзываетъ бунтомъ и едва-ли не измѣною. Дай Богъ, чтобы этотъ урокъ не пропалъ даромъ для заблудшихъ нашихъ меньшихъ братьевъ.

Не далеко то время, когда всѣ они усвоятъ непреложную истину. что свободное и широкое развитіе въ духѣ государственной и культурной независимости не мыслимо для нихъ безъ могучей поддержки Россіи. Но, упаси насъ Господь подавать имъ руку помощи, не обезпечивъ себя надежными ручательствами въ томъ, что и наши интересы будутъ уважены ими и не повторятся болѣе оскорбляющія наше чувство и унижающія достоинство проявленія ихъ неблагодарности. Обоюдная польза—такова единственная здоровая основа нашего общенія съ ними. Само собою разумѣется, что на этой почвѣ намъ не нужны никакіе посредники. Ограждая христіанъ Востока отъ хищныхъ вожделѣній Запада, мы снова готовы пролить за нихъ нашу кровь, какъ проливали ее, во дни óны, освобождая ихъ отъ тяжкаго иновѣрческаго ига. Но пусть и они поймутъ, что со всякою обязанностью сопряжено право; что, отдаваясь подъ нашу защиту, они должны предоставить намъ и всѣ необходимыя средства для успѣшнаго веденія борьбы; что польза общаго дѣла требуетъ, дабы они признали надъ собою нравственный авторитетъ Россіи и подчинили ея руководству всѣ свои вещественныя силы.

Въ свою очередь и мы, русскіе люди, «умудримся опытомъ». Вспомнимъ, что великодушіе и безкорыстіе, несомнѣнныя добродѣтели въ частной жизни, становятся преступными въ области международной политики. Каждое государство обязано, прежде всего, блюсти свои собственныя нужды и пользы и не въ правѣ жертвовать ими отвлеченностямъ, хотя бы и «высшаго порядка». Таковъ и былъ страдный историческій путь, ше-

ствуя коимъ въ продолженіе девяти вѣковъ Россія вознеслась на высшую степень могущества и славы.

Мы сбились съ пути лишь въ первые годы текущаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ мы блуждали въ пространствѣ, склоняясь на сторону то западныхъ сосѣдей, то восточныхъ единовѣрцевъ, постоянно забывая о себѣ, о собственныхъ нашихъ потребностяхъ. Все, что мы не сѣяли, пожиналось другими. Наградою намъ была одна неблагодарность. Трижды съ начала вѣка видѣли мы предъ собою всю Европу, единодушно воздвигавшеюся на насъ.

Къ счастью, занялась уже для Россіи заря просвѣтляющаго самосознанія. Мы твердо вѣруемъ, что Державная воля, возвратившая наше отечество на завѣтную историческую стезю, направитъ его и далѣе неуклонно къ совершенію великихъ и славныхъ судебъ, предопредѣленныхъ ему Божественнымъ Промысломъ.

II.

Избраніе генерала Буланже въ депутаты города Парижа.—Буланжистское движеніе.—Обвинительный актъ по дѣлу Гефкена.—Бисмаркъ о возстановленіи державныхъ правъ Россіи на Черномъ Морѣ.—Броженіе въ Италіи и Венгріи.—Насильственная смерть кронпринца Рудольфа.—Англія и тройственный союзъ.—Восточная политика Россіи.—Столкновеніе болгарскаго министерства съ Синодомъ.—Значеніе православія на Востокѣ.

С.-Петербургъ, 20 января (1 февраля) 1889 г.

Избраніе генерала Буланже въ депутаты города Парижа представляется однимъ изъ выдающихся событій, происшедшихъ въ Западной Европѣ за истекшій по новому стилю январь, главнымъ образомъ по тому возбужденію, которое вызвали во всѣхъ слояхъ французскаго общества столичные выборы и по крайнему ожесточенію, съ которымъ велась избирательная борьба. Само по себѣ, оно ничего не измѣняетъ во внутреннемъ состояніи Франціи и далеко еще не возвѣщаетъ приближеніе конца междоусобицы, поглощающей и истощающей всѣ вещественныя и нравственныя силы страны.

На выборахъ 15 (27) января генералъ Буланже получилъ 60% избирательныхъ голосовъ, а противникъ его, кандидатъ правительственныхъ республиканцевъ,—остальные 40%. Точно такое же числовое отношеніе обнаружили выборы, происходившіе полгода назадъ въ департаментахъ Соммы, Нижней Шаранты и Сѣверномъ. Въ личномъ положеніи генерала перемѣна ограничится тѣмъ, что доселѣ онъ представлялъ въ палатѣ депутатовъ послѣдній изъ названныхъ департаментовъ, а отнынѣ явится въ ней представителемъ департамента Сены. При настоящемъ составѣ палаты это, разумѣется, ни на шагъ не приблизитъ его къ власти.

Къ счастію для него, замѣтимъ мы. При современныхъ французскихъ порядкахъ ничто не дѣйствуетъ такъ губительно на популярность политическаго дѣятеля какъ нахожденіе его у власти. «Le pouvoir use» говорятъ французы. Истину эту испыталъ на себѣ самъ Гамбетта, бывшій полновластнымъ распорядителемъ судебъ Франціи, пока не сталъ министромъ. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенные имъ во главѣ правленія, подорвали его обаяніе болѣе чувствительнымъ для него образомъ, чѣмъ злобные и непрерывные нападки противниковъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ. Еслибы президентъ Карно, отступая отъ установившагося обычая, но послѣдовательно проводя начало народнаго самодержавія, положенное въ основаніе республиканской конституціи, принялъ отставку кабинета Флокэ и предложилъ избраннику парижскаго населенія составленіе новаго министерства, онъ однимъ ударомъ достигнулъ бы того, что не удавалось доселѣ всѣмъ мѣропріятіямъ, которыя принимались для задержанія буланжистскаго движенія. Тотчасъ обнаружилось бы, что значительное большинство, высказавшееся за генерала Буланже, состоитъ изъ элементовъ не только между собою не сродныхъ, но и прямо другъ другу противуположныхъ. Большинство въ большинствѣ дѣйствительно составляютъ легитимисты и бонапартисты, одушевленные взаимною ненавистью, заглушаемою до поры до времени лишь общею ненавистью ихъ къ республикѣ. Приверженцевъ генерала изъ республиканцевъ— немного и принадлежатъ они бо̀льшею частью къ лагерю отъявленныхъ соціалистовъ и анархистовъ, каковы, напримѣръ, Рошфоръ, и всѣ депутаты, сплотившіеся въ палатѣ вокругъ буланжистскаго знамени. Невозможно и представить себѣ правительства, составленнаго изъ такихъ разномастныхъ членовъ. Буланже пришлось бы высказаться въ пользу либо праваго, либо лѣваго крыла своей арміи, что̀ повлекло бы за собою немедленное уменьшеніе ея на половину. Мы не говоримъ уже о трудностяхъ, сопряженныхъ со всякою попыткою согласовать съ правительственною дѣятельностью обѣщанія, данныя избирателямъ, а тѣмъ болѣе возбужденныя въ нихъ надежды. При такихъ условіяхъ, предсѣдательствуемое генераломъ Буланже министерство не продержалось бы мѣсяца, и въ паденіи увлекло бы за собою и своего главу.

Что настоящее государственное устройство Франціи стра-

даетъ многими существенными недостатками—въ этомъ убѣждены всѣ здравомыслящіе французы, за исключеніемъ незначительной кучки упрямыхъ оппортунистовъ, неисправимыхъ доктринёровъ парламентаризма, ничему не научившихся и многое позабывшихъ. Необходимость пересмотра конституціи признается и правительственною партіею, и самимъ министерствомъ, давно уже внесшимъ на разсмотрѣніе палаты свой проектъ такого пересмотра. На этой почвѣ разыграются общіе выборы предстоящіе будущею осенью. Они опредѣлятъ окончательно, которая изъ состязающихся партій ближе выражаетъ настроеніе страны, и за нею утвердятъ власть.

Если генералъ Буланже въ самомъ дѣлѣ стремится къ упроченію республики и къ водворенію въ ней порядка и мира, какъ заявляетъ самъ во всѣхъ своихъ воззваніяхъ, то мыслимо ли достиженіе этой цѣли средствами, къ коимъ онъ прибѣгаетъ? На такой вопросъ возможенъ лишь одинъ отвѣтъ: отрицательный. Остается предположить, что онъ обманываетъ если не другихъ, то самого себя, относительно исхода предпринятой имъ агитаціи и, самъ того не подозрѣвая, играетъ въ руку враговъ Франціи. Кто сѣетъ вѣтеръ—пожинаетъ бурю, говоритъ французская пословица. Пожелаемъ искренно, чтобъ свирѣпствующій нынѣ ураганъ не расшаталъ въ основаніяхъ французскаго государственнаго зданія и чтобы всѣ французы пришли наконецъ къ сознанію, что спасеніе отечества заключается не въ торжествѣ той или другой партіи, а въ братскомъ единеніи гражданъ и въ дружномъ содѣйствіи ихъ общему дѣлу политическаго и нравственнаго возрожденія Франціи.

Первый мѣсяцъ 1889 года, ознаменовавшійся во Франціи столь бурными явленіями, въ Германіи прошелъ довольно спокойно, если не считать запальчивой перестрѣлки между княземъ Бисмаркомъ и вождями свободомыслящей партіи въ двухъ засѣданіяхъ имперскаго сейма. Наступившимъ затишьемъ въ области международной политики нѣмецкое военное вѣдомство пользуется для перевооруженія арміи, которое производитъ безъ шума, но съ лихорадочною поспѣшностью, а канцлеръ — для сведенія счетовъ съ личными своими противниками, внутри имперіи и внѣ ея предѣловъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи вниманіе наше обращаетъ на себя обнародованный германскимъ Правительственнымъ Ука-

зателемъ обвинительный актъ по дѣлу Гефкена, посвященный главнымъ образомъ обсужденію вопроса о томъ, насколько оглашеніе извлеченій изъ дневника покойнаго императора Фридриха III повредило берлинскому двору во мнѣніи нѣмецкихъ союзныхъ правительствъ съ одной стороны и великихъ державъ — съ другой. Для насъ, русскихъ, всего поучительнѣе — глава о разоблаченіяхъ дневника, касающихся отношеній Германіи къ Россіи, въ самый разгаръ франко-прусской войны 1870—71 годовъ.

Обвинительный актъ утверждаетъ, что разоблаченія эти даютъ поводъ къ нареканіямъ на руководителей нѣмецкой политики и новую пищу для возбужденія къ ней ненависти «панславистическою» печатью, будто-бы одушевленною злобою къ Германіи. Ихъ слѣдовало—заключаетъ онъ—хранить въ строгой тайнѣ и отъ русскаго правительства, по отношенію къ коему дневникъ кронпринца «подвергнулъ-де опасности благо германской имперіи».

Мы не знаемъ, что разумѣетъ нѣмецкій оффиціальный документъ подъ «всеславянскою» печатью въ Россіи. Но если этимъ именемъ онъ называетъ національные органы русскаго общественнаго мнѣнія, то смѣемъ увѣрить нашихъ подозрительныхъ сосѣдей, что нѣтъ среди насъ такого, который питалъ бы къ нимъ заклятую и непримиримую вражду. Главными источниками этого чувства обыкновенно являются либо зависть, либо страхъ, либо то и другое вмѣстѣ, а Россіи нечего, слава Богу, ни завидовать Германіи, ни, тѣмъ болѣе, страшиться ея. Государственное единство, столь недавно достигнутое нѣмцами,—благо, которымъ отечество наше пользуется уже нѣсколько столѣтій. Наша территорія много разъ превосходитъ германскую, равно какъ и численность населенія и войска. Въ стратегическомъ отношеніи наши фланги и тылъ ограждаются моремъ и азіатскими пустынями, тогда какъ нѣмецкая имперія открыта для нападенія со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, нравственная мощь Россіи покоится на тѣсномъ и неразрывномъ единеніи русскаго народа съ Державнымъ Вождемъ своимъ, которое создалось вѣками и закалилось огнемъ тяжкихъ испытаній, чего далеко еще нельзя сказать о преданности нѣмцевъ главѣ новосозданной имперіи. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, Россія и была единственною державою въ свѣтѣ, которая не только не пре-

пятствовала объединенію Германіи, но сочувствовала ему и даже дѣятельно помогала.

Жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдями—таково искреннее и единодушное желаніе всѣхъ русскихъ людей, безъ различія званія и состояній, и противопоставлять въ этомъ смыслѣ общество правительству, какъ ежедневно дѣлаютъ нѣмецкіе оффиціозы, значитъ безсовѣстно искажать истину, конечно, не безъ злого, всѣмъ понятнаго умысла. Но долгъ патріотической печати — стоять на стражѣ государственныхъ пользъ русской земли, стараться распознать друзей ея отъ враговъ и зорко наблюдать за тѣмъ, чтобы иностранцы не вводили насъ въ обманъ и не выдавали за оказанныя намъ услуги такія дѣйствія, которыя въ дѣйствительности клонились къ нашему ущербу. Къ числу подобныхъ дѣйствій, безспорно принадлежитъ и посредничество князя Бисмарка между дворами с.-петербургскимъ и лондонскимъ по дѣлу о возвращеніи Россіи ея державныхъ правъ на Черномъ морѣ.

Не дневникъ императора Фридриха выдалъ намъ тайну двуличія нѣмецкаго канцлера въ этомъ вопросѣ. Скоро минетъ десять лѣтъ, какъ возвѣстилъ о ней міру никто иной, какъ присяжный глашатай Бисмарка, неразлучный спутникъ его во французскомъ походѣ, біографъ и панегиристъ—Морицъ Бушъ. Передавая застольныя рѣчи своего начальника, онъ подъ 5 (17) ноября 1870 года приводитъ слѣдующія восклицанія канцлера, по поводу отвѣта лорда Гренвиля на циркуляръ, коимъ князь Горчаковъ заявилъ, что Россія не считаетъ себя болѣе связанною постановленіями парижскаго трактата, ограничивавшими численность ея черноморскаго флота. «Грядущія усложненія! Парламентскіе ораторы! Не довѣряютъ самимъ себѣ! Удареніе на будущемъ! Такъ говорятъ люди, не помышляющіе о дѣйствіи. Нѣтъ, отъ нихъ нéчего опасаться, какъ нéчего было и надѣяться на нихъ четыре мѣсяца тому назадъ!..» Въ этихъ словахъ такъ и сквозитъ досада на русскій дворъ за то, что тотъ притязаніемъ своимъ, предъявленнымъ Европѣ, явился помѣхою Германіи въ ея усиліяхъ обезпечить себѣ дружественный нейтралитетъ Англіи на время войны. Волей-неволей приходилось князю Бисмарку доказать на дѣлѣ искренность дружбы, въ которой онъ столько лѣтъ увѣрялъ Россію на словахъ, и притомъ въ самую неудобную для него минуту.

Любопытно, что неудовольствіе свое онъ тутъ же излилъ предъ собесѣдниками, въ цѣломъ рядѣ горькихъ упрековъ русскому государственному канцлеру. «Горчаковъ»,—сказалъ онъ,—«проводитъ здѣсь не истую русскую политику, а политику варяжскую, необузданную, насильственную. Обыкновенно думаютъ, что русская политика—чрезвычайно хитра и искусна, полна разныхъ тонкостей, хитросплетеній и интригъ. Это не правда... Еслибы они въ Петербургѣ были безчестны, то воздержались бы отъ подобныхъ заявленій, стали бы спокойно строить суда на Черномъ морѣ и ждать, пока ихъ о томъ запросятъ. Тогда они сказали бы, что имъ ничего неизвѣстно, что нужно освѣдомиться, и затянули бы дѣло. Оно могло бы продлиться при русскихъ порядкахъ и въ концѣ концовъ къ нему бы привыкли».

Недѣлю спустя въ нѣмецкую главную квартиру въ Версалѣ прибылъ англійскій уполномоченный Одо Россель и Бисмаркъ въ совѣщаніяхъ съ нимъ въ первый разъ разыгралъ роль «честнаго маклера» между Англіею и Россіей по восточнымъ дѣламъ. На вопросъ англичанина, останется ли Германія нейтральною въ случаѣ столкновенія двухъ вышеназванныхъ державъ, нѣмецкій канцлеръ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ обстоятельствъ, но что пока онъ не усматриваетъ повода къ тому, чтобы вмѣшаться въ эту распрю. Загадочныя слова свои онъ пояснилъ замѣчаніемъ, что положеніе Германіи измѣнилось и что ей незачѣмъ услуживать другимъ, пока она не увѣрена, что ей самой отплатятъ услугой за услугу. Какую же услугу можетъ оказать Англія Германіи? спросилъ Россель. Открытіе Дарданеллъ и Босфора для военныхъ судовъ всѣхъ націй—отвѣтилъ канцлеръ. «Это»—продолжалъ онъ—«было бы пріятно Россіи, открывъ ей доступъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, а также и Турціи, ибо она могла бы тогда всегда имѣть друзей своихъ подъ рукою, и американцамъ, у которыхъ отняло бы одинъ изъ поводовъ къ сближенію съ Россіей, а именно: удовлетворивъ желанію ихъ свободно плавать во всѣхъ моряхъ». Въ заключеніе бесѣды Бисмаркъ обозвалъ русскую дипломатію наивною (candide). «Еслибы она была смышленѣе»,—замѣтилъ онъ,—«то совершенно разорвала бы парижскій трактатъ. Тогда ей были бы благодарны за то, что она снова при-

знала бы нѣкоторыя изъ его условій и удовольствовалась бы возстановленіемъ своихъ державныхъ правъ на Черномъ морѣ».

На второмъ совѣщаніи канцлеръ предложилъ англійскому дипломату уладить споръ на конференціи изъ представителей великихъ державъ, указавъ на Петербургъ, какъ на мѣсто созванія конференціи, когда же Россель предъявилъ возраженіе противъ такого выбора, то самъ Бисмаркъ назвалъ Лондонъ. Тамъ и былъ подписанъ 1 (13) марта трактатъ, правда, уважившій требованія Россіи, но выговорившій и въ пользу Англіи съ Австріею новыя преимущества на Востокѣ.

Такъ поступилъ по отношенію къ намъ нѣмецкій канцлеръ въ то самое время, когда Германія могла стянуть во Францію всѣ свои военныя силы, только благодаря тому обстоятельству, что, какъ признавался полтора года спустя императоръ Вильгельмъ генералу Тотлебену, «безкорыстная политика русскаго государя позволила ему вывести до послѣдняго солдата изъ Восточной Пруссіи безъ всякаго опасенія за свой тылъ», не говоря уже о воздѣйствіи Россіи на Австрію, которая нами была удержана отъ исполненія принятыхъ ею на себя предъ Франціею союзныхъ обязательствъ.

Къ приведеннымъ выше свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Бушемъ и подтвержденнымъ Шнейдеромъ въ его *Достопамятностяхъ* императора Вильгельма, немного новаго прибавляютъ «разоблаченія» дневника кронпринца, Изъ нихъ мы узнаѐмъ только, что не одинъ канцлеръ, но и самъ король выказалъ въ данномъ случаѣ мало доброжелательства къ Россіи. Уенаѐмъ и то, что, въ порывѣ досады, князь Бисмаркъ позволилъ себѣ отозваться о русскихъ дипломатахъ того времени въ самыхъ грубыхъ и непристойныхъ выраженіяхъ. Они красуются нынѣ на столбцахъ «Правительственнаго Указателя», будучи воспроизведены въ обвинительномъ актѣ съ беззастѣнчивостью, далеко выходящею за предѣлы общепринятыхъ международныхъ приличій: Die dummen Kerls haben vier Wochen zu früh begonnen». Оставляемъ ихъ безъ перевода изъ уваженія къ русскому печатному слову.

Наглая и назойливая притязательность — такова исконная отличительная черта прусской дружбы, про которую не даромъ писала императрица Екатерина II, ровно сто лѣтъ тому назадъ, «что не знаетъ въ мірѣ ничего болѣе тяжкаго, унизитель-

наго и невыносимаго» [1]). Она же и по нынѣ сказывается въ современныхъ отношеніяхъ Германіи къ ея союзницамъ Австро-Венгріи и Италіи, вызывая въ той и другой негодующіе протесты оскорбленнаго національнаго самолюбія.

Такъ, во многихъ городахъ Италіи и въ самой столицѣ ея состоялся рядъ манифестацій, имѣвшихъ цѣлью заявить сочувствіе итальянскаго народа къ Франціи и выразить порицаніе внѣшней политикѣ г. Криспи, вовлекшаго молодое королевство въ тройственный союзъ, который, доселѣ не доставивъ итальянцамъ ни малѣйшихъ выгодъ, не перестаетъ требовать отъ нихъ все новыхъ и новыхъ жертвъ. Еще знаменательнѣе сопротивленіе, встрѣтившее въ венгерскомъ парламентѣ законопроектъ о преобразованіи арміи. Ораторы оппозиціи впервые высказали сомнѣніе по вопросу: дѣйствительно ли является Россія непримиримымъ врагомъ и постоянною угрозою Венгріи, какъ то утверждаютъ мѣстные оффиціозы, получающіе внушенія не только изъ Вѣны, но и прямо изъ Берлина? А если нѣтъ, то какой смыслъ имѣютъ вооруженія, истощающія производительныя силы страны и подрывающія ея благосостояніе? Рѣчи эти нашли громкій отголосокъ внѣ палаты, среди учащейся молодежи и всего населенія Буда-Пешта. На улицахъ и площадяхъ дѣло дошло до столкновенія между народомъ и войсками, вынужденными прибѣгнуть къ оружію. Неизвѣстно, чѣмъ окончилось бы это движеніе, еслибы не пресѣкла его внезапно горестная вѣсть о страшной катастрофѣ, разразившейся въ средѣ австрійскаго императорскаго дома.

Трагическая смерть наслѣднаго принца, эрцгерцога Рудольфа, повергла въ ужасъ и смущеніе народы монархіи по обѣ стороны Лейты. Таинственная ея обстановка не можетъ не вызвать тягостнаго недоумѣнія и въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ, она имѣетъ значеніе важнаго историческаго событія, роковыя послѣдствія котораго неисчислимы, хотя и не всѣ могутъ быть нынѣ же предугаданы и съ точностью опредѣлены.

Пятнадцать лѣтъ назадъ намъ довелось быть свидѣтелемъ блестящаго расцвѣта умственныхъ силъ и прекрасныхъ душевныхъ качествъ молодаго эрцгерцога. Всѣхъ близко знавшихъ

---

[1]) Императрица Екатерина II князю Потемкину-Таврическому 15 (27) октября 1789 г.

его уже тогда поражало въ царственномъ юношѣ гордое сознаніе своего высокаго призванія, въ соединеніи съ чарующею простотою обращенія съ людьми, съ внимательностью и предупредительностью къ выдающимся дарованіямъ, независимо отъ принадлежности ихъ къ тому или другому общественному классу. Получивъ, подобно всѣмъ принцамъ Габсбургско-Лотарингскаго дома преимущественно военное воспитаніе, онъ самъ расширилъ кругъ своихъ познаній изученіемъ естественныхъ наукъ, частыми и продолжительными путешествіями, общеніемъ съ учеными, литераторами и художниками. Личною задачею своею онъ поставилъ не недосягаемое сліяніе воедино стремленій разноплеменныхъ народностей, входящихъ въ составъ Дунайской монархіи, а примиреніе ихъ въ области науки, литературы и искусства. Памятникомъ его попечительной заботливости о томъ останется доведенный уже до половины капитальный трудъ: *Австро-Венгрія въ словѣ и въ образахъ* (Oesterreich-Ungarn in Wort und Bild), къ сотрудничеству въ коемъ онъ привлекъ лучшія литературныя силы изъ всѣхъ австрійскихъ земель, безъ различія языка или направленія, и въ которомъ, самъ отлично владѣя перомъ, принималъ непосредственное участіе. Чуждый всякой нетерпимости, наслѣдникъ императора Франца-Іосифа сумѣлъ пріобрѣсти любовь и уваженіе не только нѣмецкихъ или мадьярскихъ, но и славянскихъ подданныхъ своего отца, возлагавшихъ на него большія надежды и ожидавшихъ отъ него со временемъ осуществленія на дѣлѣ начала равноправности, такъ давно обѣщаннаго основными законами обѣихъ половинъ монархіи.

Эрцгерцогу Рудольфу едва минуло двадцать лѣтъ, когда австро-нѣмецкій союзный договоръ 1879 года безповоротно опредѣлилъ направленіе внѣшней политики вѣнскаго двора. Нынѣ извѣстно, частью изъ нескромностей Буша, частью изъ рѣчей графа Андраши въ венгерской палатѣ, что договоръ этотъ не вполнѣ удовлетворилъ въ свое время князя Бисмарка, желавшаго, чтобы союзъ, заключенный между Германіею и Австро-Венгріею, былъ утвержденъ народнымъ представительствомъ обѣихъ странъ такъ, дабы онъ не могъ быть отмѣненъ безъ согласія обоюдныхъ парламентовъ. Дополненіемъ къ союзному трактату должны были служить, по мысли нѣмецкаго канцлера. конвенціи таможенная и военная, послѣдняя—

съ цѣлью объединить австро-венгерскую армію съ германской и подчинить ее руководству берлинскаго генеральнаго штаба. Въ этомъ смыслѣ нѣмецкая дипломатія, съ отличающимъ ее упорствомъ не переставала дѣйствовать въ Вѣнѣ въ продолженіе минувшихъ десяти лѣтъ и если не достигла еще желаемаго, то потому, что во главѣ противниковъ отстаиваемыхъ ею предложеній нашла наслѣднаго принца. Принятіе ихъ онъ считалъ равносильнымъ отреченію Австро-Венгріи отъ правъ независимой державы и не допускалъ и мысли, чтобъ древняя монархія Габсбурговъ поступилась самостоятельностью въ пользу вѣковой своей соперницы, Пруссіи, вытѣснившей ее изъ Германіи и насильственно порвавшей преемственную связь австрійскаго дома съ нѣмецкою императорскою короною.

Въ какой мѣрѣ безвременная и по истинѣ ужасная кончина эрцгерцога Рудольфа, погибшаго въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, облегчитъ осуществленіе политическихъ видовъ нѣмецкаго канцлера въ Австро-Венгріи—покажетъ будущее. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что немногіе поборники австрійской самобытности, оставшіеся вѣрными черно-желтому знамени и выражаемымъ имъ политическимъ преданіямъ, потеряли въ наслѣдномъ принцѣ твердую опору въ настоящемъ и радужную надежду въ грядущемъ.

Любопытно оглянуться въ эту минуту на отношеніе къ тройственному союзу державы, принципіально чуждающейся всякихъ отвлеченныхъ уговоровъ, стѣсняющихъ ея свободу дѣйствій, и вступающей въ сдѣлки не иначе, какъ въ виду точно опредѣленныхъ и строго ограниченныхъ, конкретныхъ политическихъ цѣлей. Держава эта—Англія.

Когда осенью 1879 года состоялось заключеніе австро-нѣмецкаго союзнаго договора, нынѣшній глава торійскаго министерства, лордъ Салисбюри, занимавшій въ кабинетѣ Биконсфильда мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, громко привѣтствовалъ его въ слѣдующихъ восторженныхъ словахъ: «Къ тѣмъ, кому дорогъ миръ Европы и которые съ участіемъ относятся къ независимости народовъ, я желалъ бы воззвать: великое благо возсіяло міру!» Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, англійская политика, за рѣдкими исключеніями, всѣ свои усилія направляла къ тому, чтобы противодѣйствовать честолюбивымъ замысламъ, которые предполагала у Россіи по от-

ношенію къ Востоку и, преслѣдуя этотъ призракъ, совершенно упустила изъ виду опасность, проистекающую отъ чрезмѣрнаго усиленія Германіи, какъ для равновѣсія Европы, такъ и для британскихъ интересовъ въ прочихъ частяхъ свѣта. Сентъ-Джемскій кабинетъ очнулся лишь послѣ того, какъ нѣмецкій паукъ распространилъ свою ткань на знатную часть Африки, а Берлинъ въ сношеніяхъ своихъ съ Лондономъ заговорилъ грубымъ, прямо вызывающимъ языкомъ. При ближайшемъ ознакомленіи съ дѣятельностью германской дипломатіи, оказалось, что она, пользуясь англійскою поддержкою для противодѣйствія Россіи, сама всюду хлопотала о вытѣсненіи вліянія Великобританіи и о замѣнѣ его собственнымъ. Такъ было не въ одной Африкѣ, но и въ христіанскихъ государствахъ Балканскаго полуострова, въ Царьградѣ, неконецъ на дальнемъ азіатскомъ Востокѣ. Чашу терпѣнія англичанъ переполнили недавнія, въ высшей степени непристойныя нападки нѣмецкихъ оффиціозовъ на одного изъ почтеннѣйшихъ дипломатическихъ представителей королевы Викторіи.

Первымъ предостереженіемъ по адресу Германіи было заявленіе Times, что Англія не потерпитъ, чтобы ее не принимали въ разсчетъ при рѣшеніи міровыхъ политическихъ вопросовъ. Авторитетные органы торійской партіи Daily Telegraph и Standart пошли еще далѣе и въ противность тому, что сами такъ долго и упорно утверждали, признали, что нѣмецкая имперія является постоянною угрозою европейскому миру, тогда какъ Россія, напротивъ, служитъ ему надежнымъ оплотомъ и щитомъ. Послѣдняя изъ названныхъ газетъ прямо предлагаетъ намъ дружбу Англіи подъ условіемъ, что мы не станемъ посягать ни на остатки турецкаго владычества въ Европѣ, ни на самостоятельное развитіе христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, обѣщая даже, что удовлетворенный въ этомъ отношеніи Лондонскій кабинетъ не станетъ препятствовать расширенію въ Азіи нашего вліянія и нашихъ границъ.

Такая внезапная и полная перемѣна фронта торійской печати произвела страшный переполохъ въ средѣ нѣмецкихъ газетъ, слывущихъ за выразительницъ мнѣній германскаго дипломатическаго вѣдомства. Онѣ принялись увѣрять, что никто-де въ Россіи не дастъ вѣры заискиваніямъ листковъ, которые, подобно Daily Telegraph и Standart'у, многіе годы всячески по-

носили Россію, осыпая ее бранью и клеветою. Но при этомъ почтенные кліенты фонда «пресмыкающихся» совершенно забываютъ, что сами они виновны въ томъ же грѣхѣ, ничуть не менѣе своихъ англійскихъ собратовъ. Предупреждаемъ и тѣхъ и другихъ, что мы снисходительно относимся къ провинностямъ подобнаго рода, хорошо зная, что оффиціозы всѣхъ странъ не отвѣтственны за высказываемыя ими сужденія, которыя выражаютъ не личныя ихъ мнѣнія, а виды и намѣренія политическихъ заправилъ, коимъ они служатъ отголоскомъ. Въ этомъ смыслѣ несомнѣнное право на наше вниманіе имѣютъ и captatio benevolentiae лондонскихъ газетъ, и похвальное соревнованіе, возбужденное ими въ газетахъ берлинскихъ.

Въ полномъ достоинства положеніи, созданномъ Россіи державною волею, ею правящей, ей нѣтъ надобности идти на встрѣчу которой-либо изъ великихъ державъ, но нѣтъ и причины отвергать предлагаемыя тою или другою изъ нихъ доброе согласіе и дружбу. Нужно только убѣдиться предварительно въ степени искренности державъ, въ готовности ихъ признать законные интересы нашей политики и удовлетворить имъ. Такого рода ручательство дала намъ до сего времени одна Франція. Англія слишкомъ дорожитъ подтвержденнымъ берлинскимъ трактатомъ правомъ совокупнаго вмѣшательства Европы въ опредѣленіе отношеній Россіи къ балканскимъ государствамъ. Германія связана обязательствомъ содѣйствовать доставленію Австро-Венгріи львиной доли въ раздѣлѣ Оттоманскаго наслѣдства.

«Европейскій концертъ» и «тройственный союзъ»—таковы дѣйствительно два главныя препятствія къ успѣшному разрѣшенію историческихъ задачъ Россіи на Востокѣ. Пока Англія будетъ настаивать на правѣ Европы контролировать отношенія Россіи не только къ Турціи, но и къ Румыніи, къ Сербіи, къ Болгаріи и къ Греціи, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о согласованіи въ этихъ странахъ русскихъ интересовъ съ англійскими, путемъ прямаго уговора обѣихъ заинтересованныхъ державъ. Такъ же точно нечего и думать о соглашеніи съ Германіею по Восточному вопросу, пока не будетъ отмѣненъ австро-германо-итальянскій союзный трактатъ, уже предрѣшившій его въ исключительную пользу договаривающихся сторонъ и въ прямой ущербъ Россіи.

Намъ въ точности неизвѣстно, какимъ образомъ заговорщики «Лиги Мира» распорядились будущею судьбою Востока. Но мы хорошо знаемъ, на какую развязку указываетъ намъ наша тысячелѣтняя исторія, какъ на единственную достойную Россіи и способную удовлетворить ея духовнымъ и вещественнымъ потребностямъ. Развязка эта—утвержденіе русскаго господства надъ проливами Босфорскимъ и Дарданелльскимъ и поставленіе подъ охрану Россіи, съ подчиненіемъ ея политическому руководительству, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Наступила пора высказать это прямо, безъ колебаній и недомолвокъ, безъ ложной и ничѣмъ не оправдываемой застѣнчивости, въ сознаніи нашего права и нашей силы, въ уразумѣніи нашего историческаго призванія.

Такъ мыслили и разсуждали Великій Петръ и Великая Екатерина, и къ тому же стремился Александръ I, въ тотъ, увы! непродолжительный промежутокъ времени между Тильзитомъ и Эрфуртомъ, когда онъ твердо стоялъ на почвѣ народной и законно-своекорыстной политики. Въ первые годы по восшествіи своемъ на престолъ, Императоръ Николай возвѣстилъ во всеуслышаніе Европы, что Россіи столь же необходимо господствовать надъ Дарданеллами, какъ Англіи надъ проливомъ Гибралтарскимъ. Если впослѣдствіи онъ и заявлялъ, что не хочетъ для себя ни единой пяди турецкой земли, то съ оговоркою, что не дозволитъ и другимъ державамъ присвоить себѣ изъ нея хотя бы одинъ вершокъ. Въ томъ же смыслѣ разумѣлъ, очевидно, и Императоръ Александръ II обѣщаніе, данное англійскому послу наканунѣ послѣдней восточной войны, не занимать Константинополя.

Война 1877—78 годовъ предпринята была во имя человѣколюбія, соображеній «высшаго порядка», исключавшихъ всякій своекорыстный разсчетъ съ нашей стороны. Но Европа не послѣдовала русскому примѣру. Не истративъ ни одного гроша, не проливъ ни единой капли крови, великія державы дорогою цѣною продали согласіе свое на освобожденіе Болгаріи, на независимость Румыніи, Сербіи и Черногоріи. Англія утвердилась въ Кипрѣ, Египтѣ и на Суэцскомъ каналѣ, Австро-Венгрія—въ Босніи и Герцеговинѣ, Франція—въ Тунисѣ, Италія—на

Чермномъ морѣ. Всѣ эти захваты видоизмѣнили не въ нашу пользу соотношеніе силъ на Востокѣ.

Они равнозначущи обездоленію Россіи, которая по географическому положенію своему, какъ и по историческому прошлому, имѣетъ преимущественное право на жатву посѣвовъ, воздѣланныхъ руками и орошенныхъ потомъ и кровью русскаго народа.

Свято соблюдая договоры, скрѣпленные ея подписью, Россія не посягнетъ на послѣдніе остатки мусульманскаго господства на Босфорѣ, доколѣ сама не будетъ вызвана на то нарушеніемъ ея правъ или пренебреженіемъ къ ея достоинству. Но когда пробьетъ послѣдній часъ Оттоманской имперіи, она не въ правѣ допустить, да и не допуститъ ни за что, чтобы Проливы достались какой-либо другой державѣ, тѣ самые Проливы, что служатъ ключемъ къ ея дому и которые въ рукахъ ея враговъ явились бы постоянною угрозою спокойствію южныхъ ея окраинъ и самой территоріальной цѣлости. Таковъ священный долгъ ея предъ собою, внушенный заботою о собственной безопасности, долгъ и предъ православнымъ населеніемъ Востока, оградить самостоятельность котораго отъ притязаній Запада она можетъ не иначе, какъ сама ставъ твердою ногою при сліяніи двухъ морей и на рубежѣ двухъ материковъ.

Эта вторая часть предстоящей намъ задачи обусловливается однородными съ первою соображеніями. Не для того Россія въ теченіе трехъ столѣтій громила Турцію и освобождала одинъ за другимъ подвластные ей христіанскіе народы, чтобы эти послѣдніе, сплотясь въ нѣсколько государствъ, независимыхъ лишь по имени, обратились въ орудіе враждебной ей политики западныхъ державъ. Проливая за нихъ кровь своихъ сыновъ, Россія исходила изъ предположенія, что, ставъ свободными, они сознаютъ полную свою солидарность съ державою освободительницею, поймутъ, что только въ тѣсномъ единеніи съ нею они смогутъ отстоять свою государственную и культурную самобытность. Разсчетъ нашъ не оправдался, но не потому ли отчасти, что сами мы пренебрегали своими интересами и не заботились объ обезпеченіи ихъ надежными матеріальными ручательствами? Неужели позволительно было ожидать, что «молодшіе братья» отнесутся къ нашимъ нуждамъ съ бо́льшимъ вниманіемъ и попечительностью, чѣмъ мы сами? Они тѣмъ менѣе помышляли о томъ, что въ невозмутимомъ добродушіи мы

продолжали благодѣтельствовать имъ, даже когда они измѣняли намъ и общему нашему знамени, открыто переходя на сторону нашихъ противниковъ. Мы обращались съ ними, какъ съ дѣтьми, которыхъ журили иногда, но никогда строго не наказывали. Было бы большимъ заблужденіемъ продолжать держаться этого взгляда, послѣ того какъ дѣти доказали намъ на дѣлѣ, что они выросли, возмужали и не хотятъ больше надъ собою нашей опеки. Слѣдуетъ ли изъ того, что они навсегда отвернулись отъ насъ, чуждаются всякаго общенія или соглашенія съ нами? Ничуть, и намъ сдается, что стóитъ Россіи вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ христіанскимъ государствамъ Балканскаго полуострова поставить на единственно разумную почву, на почву обоюдной пользы, чтобы всѣ они, рано или поздно, снова примкнули къ ней, какъ къ естественной своей опорѣ и защитницѣ.

Разумѣется, не легко выработать основанія такого modus vivendi, которое, ограждая съ одной стороны полную внутреннюю самостоятельность балканскихъ государствъ, съ другой— предоставило бы Россіи необходимую долю вліянія на ихъ внѣшнюю политику и на распоряженіе ихъ военными силами. Это несравненно труднѣе, чѣмъ довольствоваться болѣе или менѣе лицемѣрными выраженіями ихъ почтенія, преданности и признательности. Но тутъ-то и хочется сказать русской дипломатіи словами Гёте:

Geh ein und tröste dich!
Wo so ein Köpfchen keinen Ausgang sieht
Stellt es sich gleich das Ende vor!

Свѣдѣнія, доходящія до насъ изъ разныхъ концовъ Балканскаго полуострова, какъ будто указываютъ, что именно теперь настаетъ минута благопріятная для примѣненія къ дѣлу вышеизложенной политической программы. Въ Бухарестѣ со дня на день ожидаютъ перехода власти въ руки консервативной партіи, открыто исповѣдующей приверженность къ Россіи. Образованіе министерства изъ сербскихъ народниковъ, почему-то величаемыхъ у насъ, съ голоса австро-венгерской печати,—радикалами, представляется также лишь вопросомъ времени. Наконецъ выходъ изъ состава болгарскаго кабинета гг. Начевича и Стоилова, казалось, предвѣщалъ въ близкомъ будущемъ счастливый

поворотъ въ политикѣ княжества не только внутренней, но и внѣшней.

Къ сожалѣнію, послѣднія вѣсти изъ Софіи омрачили эту надежду, сообщивъ намъ о столкновеніи между главою министерства г. Стамбуловымъ и болгарскимъ Синодомъ, члены коего, за отказъ представиться принцу Фердинанду, были по распоряженію правительства высланы изъ столицы и водворены въ своихъ эпархіяхъ.

Не мы, конечно, станемъ защищать насиліе, учиненное надъ пастырями болгарской церкви и лишившее ихъ возможности совѣщаться о ея нуждахъ, въ порядкѣ, установленномъ основными законами княжества, тѣмъ болѣе, что не знаемъ такихъ соображеній, которыми можно было бы въ православной странѣ оправдать посягательство на достоинство Православія. Но въ данномъ случаѣ мы чувствительнѣе, чѣмъ когда-либо, къ недостатку прямыхъ извѣстій изъ Болгаріи и никакъ не можемъ удовольствоваться свѣдѣніями, получаемыми чрезъ посредство живущихъ среди насъ болгарскихъ эмигрантовъ. Мы вынуждены ихъ заподозрить потому, что не въ первый разъ Синодъ княжества прикрывается священнымъ саномъ своихъ членовъ и попеченіями о благѣ мѣстной церкви, чтобы подъ этою личиною принять участіе въ чисто политической интригѣ, къ тому же еще и такой, которая направлена въ прямой ущербъ Россіи и ея обаянію въ Болгаріи.

По этому поводу мы припоминаемъ, что въ февралѣ 1883 года, въ бытность генерала Соболева министромъ-предсѣдателемъ, софійское правительство было приглашено болгарскимъ экзархомъ привести въ исполненіе постановленіе Синода, коимъ занимавшій въ то время столичную каѳедру митрополитъ Мелетій присуждался къ ссылкѣ въ г. Врацу, съ воспрещеніемъ священнодѣйствовать въ теченіе шести мѣсяцевъ. Постановленіе это относилось къ концу 1877 года и состоялось по требованію Порты, вслѣдствіе того, что Мелетій изъ Константинополя бѣжалъ въ русскій лагерь и, по занятіи Софіи нашими войсками, вступилъ снова въ управленіе своею эпархіею. Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и никто не помышлялъ о наложенномъ Синодомъ наказаніи на Мелетія за преданность народному дѣлу, какъ по внушенію рущукскаго митрополита Григорія, экзархъ потребовалъ немедленнаго приведенія его въ исполненіе, а са-

мого Григорія назначилъ намѣстникомъ своимъ въ княжествѣ и блюстителемъ каѳедры Софійской.

Чтобы понять сокровенный смыслъ всей этой интриги, необходимо знать, что Григорій въ послѣднюю войну не только не придерживался одинаковаго съ Мелетіемъ образа дѣйствій, но въ воззваніи къ своей паствѣ убѣждалъ ее хранить вѣрность султану и въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ отзывался о вторженіи въ Болгарію «непріятеля, который подъ личиною великодушія старается-де уничтожить благія и великодушныя начинанія Абдулъ-Гамида, всемилостивѣйшаго монарха и отца болгаръ, надѣясь такимъ образомъ достигнуть своихъ разрушительныхъ цѣлей, направленныхъ противъ Оттоманской имперіи и ея подданныхъ» [1]). Непріятель. о которомъ упоминалъ Григорій, была русская армія, несшая свободу и независимость болгарскому народу.

По заключеніи мира, Григорій безпрепятственно возвратился въ свою эпархію, а когда воцарился князь Александръ Баттенбергскій, то вступилъ въ тѣсную связь съ такъ называемымъ «тріумвиратомъ», одинъ изъ членовъ коего, Начевичъ, давно находился съ нимъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Извѣстно направленіе, котораго придерживались тріумвиры, и возбужденный Григоріемъ вопросъ о высылкѣ Мелетія во Врацу имѣлъ цѣлью создать затрудненіе русскимъ министрамъ-генераламъ и вызвать ихъ отозваніе изъ Болгаріи, что́, по разсчету гг. Стоилова, Начевича и Грекова, должно было повлечь за собою переходъ власти къ нимъ самимъ. Предпріятіе не удалось лишь благодаря проявленной генераломъ Соболевымъ твердости и энергіи [2]).

Если перенесемся отъ вышеуказаннаго случая къ столкновенію, происшедшему въ Софіи нѣсколько недѣль назадъ, то невольно западетъ въ насъ сомнѣніе, не имѣетъ ли и оно политической подкладки? Изъ четырехъ членовъ Синода, главную роль игралъ въ немъ тотъ же Григорій и ближайшій другъ его и единомышленникъ, митрополитъ Шумленскій Симеонъ, о ко-

[1]) Окружное посланіе митрополита Григорія отъ 11 (23) іюня 1877 года, т.-е. писанное за три дня до перехода нашего чрезъ Дунай, напечатано во французскомъ переводѣ въ Царьградской газетѣ «la Turquie» отъ того же числа.

[2]) См. обнародованные генераломъ Соболевымъ «Матеріалы къ новѣйшей исторіи Болгаріи» въ Русской Старинѣ, сентябрь 1886 года.

торомъ генералъ Соболевъ отзывается какъ о явномъ недоброжелателѣ Россіи. Оба они—пріятели Начевича и Стоилова, и замѣчательно, что несогласіе ихъ со Стамбуловымъ обнаружилось тотчасъ по выходѣ въ отставку этихъ двухъ столповъ австровенгерскаго вліянія въ Болгаріи. Не можемъ также не отмѣтить противорѣчія между толкованіемъ происшествія болгарскими эмигрантами, изображающими его въ видѣ протеста противъ покровительства, оказываемаго принцемъ Фердинандомъ католической пропагандѣ въ странѣ, и тѣми мотивами, которые изложены въ заявленіи, представленномъ четырьмя митрополитами болгарскому экзарху. Въ немъ ни единымъ словомъ не упомянутъ Кобургъ, какъ нѣтъ и рѣчи о винахъ Болгаріи предъ Россіею. Все дѣло сводится къ выраженію неудовольствія противъ Стамбулова и его сторонниковъ, политическихъ противниковъ австрофильскаго кружка, вдохновляемаго и направляемаго друзьями митрополитовъ—«тріумвирами».

Подъ этими оговорками, мы, однако, снова повторяемъ, что глава болгарскихъ народниковъ былъ неправъ, прибѣгая къ насилію и нанося оскорбленіе самой церкви, въ лицѣ ея хотя бы и не совсѣмъ безупречныхъ пастырей. Прибавимъ, что на отношеніяхъ къ Православію нынѣшняго Софійскаго правительства неизбѣжно отражается разрывъ его дипломатическихъ сношеній съ Императорскимъ кабинетомъ. Повторяется въ Болгаріи точь въ точь то, чему мы были свидѣтелями въ Сербіи. Съ утратою нашего вліянія естественно связанъ и упадокъ значенія Православной церкви въ балканскихъ государствахъ, нарушеніе правъ ея и даже поруганіе достоинства, съ тою лишь разницею, что митрополитъ Михаилъ — дѣйствительно достойная нашего участія жертва своей вѣрности церковнымъ уставамъ и долгу признательности сербовъ предъ Россіею, чего мы никакъ не можемъ сказать о поименованныхъ выше членахъ болгарскаго Синода.

Все это очень понятно, до того крѣпко связаны пользы русской политики съ потребностями Православной Каѳолической Восточной Церкви. Одни нераздѣльны съ другими и поступаясь нашими политическими интересами, отказываясь отъ борьбы изъ-за нихъ, мы этимъ самымъ предаемъ Православіе въ жертву крамоламъ и интригамъ, порою и открытому нападенію общихъ враговъ и ненавистниковъ его и Россіи. Та-

ковы, въ концѣ концовъ, неизбѣжныя послѣдствія такъ называемой «выжидательной» политики, и нечего удивляться, если противники наши пользуются удаленіемъ нашимъ съ той или другой политической арены, чтобы подкопаться подъ главный устой русскаго вліянія на единовѣрный Востокъ. Какъ придти къ нему на помощь — вопросъ открытый. Онъ разрѣшится въ смыслѣ достойномъ Россіи, если дипломаты наши всегда и всюду заявятъ себя вѣрными и преданными сынами Православной Церкви и, не довольствуясь оказаніемъ ей того, что на дипломатическомъ языкѣ называется «des égards», станутъ чтить и любить ее глубоко и горячо, какъ родную мать. Служить ей значитъ служить и русскому самодержавію, и русской народности, съ которыми такъ тѣсно слилось Православіе въ тріединомъ основномъ началѣ нашего государственнаго бытія.

III.

Катастрофа въ Сагалло.—Красное море и Абиссинія.—Экспедиція г. Ашинова.—Отношеніе къ ней русской дипломатіи и французскаго правительства.—Обсужденіе вопроса во французской палатѣ депутатовъ.—Тяготѣніе Франціи къ Россіи.—Происхожденіе австро-нѣмецкаго союза.—Упадокъ русскаго вліянія на Востокѣ.—Взаимодѣйствіе правительства и общества.

С.-Петербургъ, 17 февраля (1 марта) 1889 г.

Кровавая развязка предпріятія «вольнаго атамана» Ашинова глубоко взволновала и потрясла русское общество. Чувство жалости и состраданія къ несчастнымъ жертвамъ сказалось и въ отзывахъ газетъ, и въ оживленныхъ толкахъ, вызванныхъ повсюду трагическимъ происшествіемъ съ Сагалло. Инаго впечатлѣнія и не могла, естественно, произвести въ русскихъ сердцахъ скорбная вѣсть о пролитіи на пустынномъ африканскомъ берегу русской крови.

Но чувство, какъ бы оно ни было законно и почтенно, не можетъ и не должно служить руководящимъ началомъ въ политикѣ, къ области которой несомнѣнно относится вопросъ о русской экспедиціи въ Абиссинію. Вопросъ этотъ такъ важенъ, онъ затрогиваетъ столь существенныя стороны не только нашихъ внѣшнихъ отношеній, но и внутренней нашей жизни, съ нимъ связано столько сложныхъ соображеній, касающихся высшихъ государственныхъ пользъ нашего отечества, что мы нравственнымъ долгомъ считаемъ отнестись къ нему съ величайшимъ вниманіемъ, изслѣдовать его и обсудить хладнокровно, безпристрастно, и попытаться вывести изъ него поучительныя заключенія, которыя предотвратили бы въ будущемъ самую возможность повторенія подобныхъ, достойныхъ всякаго сожалѣнія недоразумѣній.

Насколько можно разобраться въ неясныхъ и отрывочныхъ свѣдѣніяхъ, появлявшихся въ печати объ экспедиціи г. Ашинова, она имѣла въ виду двоякую цѣль: основать на берегу Краснаго моря русское поселеніе, которое могло бы обратиться со временемъ въ угольную станцію для русскаго флота, и посредствомъ сооруженія въ ново-устроенной «станицѣ» русскихъ обители и храма, содѣйствовать абиссинцамъ въ стремленіяхъ ихъ къ сближенію съ православною церковью.

Такимъ образомъ, цѣль эта сама по себѣ не заключала ничего предосудительнаго, а напротивъ, могла разсчитывать на полное сочувствіе русскихъ людей, ревнующихъ о благѣ государства и господствующей въ немъ Церкви. Другое дѣло: соотвѣтствовали ли важности и, прибавимъ, трудности цѣли средства, предположенныя для ея достиженія?

Вопросъ о томъ, нуждается ли нашъ военный флотъ въ учрежденіи угольныхъ станцій въ дальнихъ моряхъ, обсуждался въ высшихъ правительственныхъ совѣтахъ года три тому назадъ, по поводу предложенія покойнаго Миклухи-Маклая овладѣть частью австралійскаго берега, которую нашъ путешественникъ считалъ своею собственностью и назвалъ своимъ именемъ. Сколько намъ извѣстно, морское вѣдомство настаивало тогда на необходимости угольныхъ станцій для обезпеченія свободныхъ и успѣшныхъ боевыхъ дѣйствій русскаго флота въ океанѣ, въ случаѣ войны съ одною или нѣсколькими изъ великихъ державъ. Какъ всегда бываетъ при разсмотрѣніи обще-государственныхъ вопросовъ, доводамъ спеціальнаго вѣдомства противопоставлены были соображенія, вызванныя иными потребностями нашей политики, и они настолько перевѣсили первые, что самый вопросъ рѣшенъ былъ отрицательно.

Мы не беремся судить, кто правъ изъ защитниковъ или противниковъ такихъ мѣръ, которыя, если были бы приняты, явились бы равносильными вступленію Россіи на путь морской колоніальной политики, но находимъ, что, въ виду состоявшагося правительственнаго рѣшенія, ни одно отдѣльное вѣдомство, а тѣмъ паче частныя лица не имѣли права предпринимать что-либо такое, что̀ прямо шло въ разрѣзъ съ упомянутымъ рѣшеніемъ, тѣмъ болѣе, что успѣхъ подобнаго предпріятія, сопряженнаго съ величайшими трудностями, представ-

лялся рѣшительно недостижимымъ для скудныхъ средствъ, коими могли располагать частныя лица, его сторонники и приспѣшники.

Мы готовы допустить; что еслибы русское правительство пожелало, подобно прочимъ державамъ, обезпечить за собою нѣсколько прибрежныхъ пунктовъ на берегахъ или островахъ океана, то достигло бы цѣли гораздо легче и проще, чѣмъ, быть можетъ, полагаетъ само. Стоило бы русскому военному судну сдѣлать высадку въ одной или нѣсколькихъ мѣстностяхъ, не принадлежащихъ пока ни одному изъ европейскихъ государствъ въ океанахъ Атлантическомъ, Восточномъ или Индійскомъ, и водрузить тамъ русскій флагъ, чтобы всѣ державы признали наше право на владѣніе, такъ какъ для оспариванія его имъ пришлось бы, ни болѣе ни менѣе, какъ объявить Россіи войну и начать съ нею непріязненныя дѣйствія. Есть еще иной способъ пріобрѣтенія, путемъ добровольной намъ уступки со стороны Франціи или какой-либо другой намъ дружественной страны, подобно тому, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ Англія переуступила Италіи занятую первоначально англичанами Массову. Но ожидать успѣха отъ захвата какого бы то ни было пункта на земномъ шарѣ «казацкою вольницею», ссылаясь при этомъ на примѣры Кортеца, Пизарро или Ермака Тимоѳеевича,— это въ нашъ вѣкъ усовершенствованнаго оружія, паровыхъ сообщеній и электрическихъ проводниковъ, значитъ предаваться непростительному самообольщенію, при полномъ забвеніи современныхъ политическихъ условій, а главное не чуждой страха зависти, съ которою иностранныя державы всегда взирали на приращеніе государственной области Россіи. Еслибы вмѣсто того, чтобы высадиться во французскихъ владѣніяхъ г. Ашиновъ высадку свою произвелъ въ другомъ мѣстѣ африканскаго побережья, которое оказалось бы дѣйствительно не принадлежащимъ европейцамъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ немедленно былъ бы вытѣсненъ оттуда либо англичанами, либо итальянцами, либо соединенными усиліями и тѣхъ и другихъ.

Также точно совершенно непонятно, почему святое дѣло насажденія православія среди жаждущихъ сближенія съ Апостольскою церковью абиссинцевъ нуждалось въ покровительствѣ шайки «вольныхъ казаковъ», недостаточныхъ, чтобъ оградить православныхъ миссіонеровъ отъ могущихъ встрѣтиться по пути опасностей, но вполнѣ способныхъ зато навлечь на ду-

ховныхъ спутниковъ такія бѣды, коимъ тѣ, конечно, не подверглись бы, еслибы даже выступили на свой евангельскій подвигъ безъ всякаго конвоя или сопровожденія.

Вопросъ о снаряженіи въ Абиссинію православной духовной миссіи давно занимаетъ нашу церковь, которая не можетъ безучастно относиться къ судьбѣ церкви ей родственной, отторгнутой отъ общенія съ прочими единовѣрными церквами Востока не расколомъ или ересью, а историческими преградами, воздвигнувшимися въ теченіе вѣковъ между Абиссиніею и остальнымъ православнымъ міромъ. Возстановить связь, порванную въ первые вѣка христіанства—задача благородная и возвышенная, достойная русской церкви, и государство обязано всѣ свои силы и средства предоставить въ распоряженіе ея для обезпеченія успѣха дѣлу, совершаемому ею во славу Божію и во исполненіе священнѣйшаго изъ завѣтовъ Христа: любви къ ближнему! Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, если припомнить, что, какъ заявили мы въ одномъ изъ нашихъ историческихъ изслѣдованій, «русскій царь—естественный и законный покровитель православной вѣры и что въ день своего вѣнчанія на царство онъ торжественно клянется блюсти ея пользы, защищать ее отъ всякихъ враждебныхъ посягательствъ, содѣйствовать преуспѣянію и торжеству ея въ цѣломъ мірѣ [1])». Мы убѣждены, что еслибы русская церковь нашла нужнымъ снарядить духовную миссію въ Абиссинію, то нашему дипломатическому вѣдомству не стоило бы большаго труда заручиться обѣщаніемъ иностранныхъ правительствъ не только не чинить ей какихъ-либо препятствій или не возбуждать затрудненій, но и всячески содѣйствовать мирному слѣдованію ея до самаго мѣста назначенія. Да и кто дерзнулъ бы поднять руку на посланцевъ русской церкви, проповѣдниковъ слова Божія, являющихся подъ охраною русской государственной власти, осѣненныхъ военнымъ нашимъ флагомъ, съ украшающимъ его Андреевскимъ крестомъ?

Но рѣшить вопросъ о своевременности такой мѣры зависитъ единственно отъ высшаго духовнаго учрежденія въ Россіи, Святѣйшаго Правительствующаго Синода, не дававшаго, какъ извѣстно, своего благословенія на отправленіе въ Абис-

---

[1]) *Внѣшняя политика Императора Николая I*, стр. 637.

синію архимандрита Паисія. Послѣдній могъ, конечно, предпринять эту поѣздку на свой страхъ, но едва-ли позволительно было ему обставлять свой просвѣтительный подвигъ такъ, какъ онъ его обставилъ? Онъ не могъ не знать, кто такой «атаманъ» Ашиновъ и большинство его товарищей, «вольныхъ казаковъ», безъ роду и племени. Не говоря уже о скитальчествѣ въ Малой Азіи во время послѣдней войны, о крайне подозрительныхъ отношеніяхъ къ туркамъ, къ дипломатіи англійской и французской, которой онъ не разъ предлагалъ свои услуги противъ собственнаго отечества, этотъ искатель приключеній за свои мошенническія продѣлки при водвореніи малороссійскихъ переселенцевъ на кавказскомъ берегу Чернаго моря, здѣсь, въ Россіи, едва не былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности, какъ это удостовѣрено оффиціальными сообщеніями въ печати [1]). И такимъ нечистымъ рукамъ ввѣрялась охрана святаго дѣла!

Вся затѣя отличалась безпримѣрнымъ легкомысліемъ, будучи задумана и осуществлена на авось! Не было даже выяснено, на чьей территоріи находится, яко-бы основанная «вольными казаками», пресловутая станица «Москва», долженствовавшая напоминать «златоглавую» первопрестольную столицу русскаго царства и оказавшаяся западнею для довѣрчивыхъ отставныхъ солдатъ, безжалостно оставленныхъ Ашиновымъ въ Таджурской бухтѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію, и которые погибли бы неминуемо, еслибы имъ не была оказана помощь французскими властями, призрѣвшими ихъ и возвратившими на родину. Неизвѣстно также, какъ думалъ согласовать о. Паисій намѣреніе свое прослѣдовать въ Абиссинію для проповѣди Православія съ рѣшеніемъ основаться на берегу Краснаго моря, на разстояніи 600 верстъ отъ границъ этой страны. Все это предвѣщало плачевный исходъ безразсудному предпріятію, какъ и предупреждалъ о томъ «Русскій Вѣстникъ» вскорѣ по отплытіи паломниковъ изъ Одессы [2]). Оно неминуемо должно было привести къ серіознымъ осложненіямъ, угрожавшимъ чести русскаго флага и достоинству русскаго имени.

Было бы крайне несправедливо обвинять нашу дипломатію

---

[1]) Кавказъ, 1885 г., № 263: «Поѣздка князя-главноначальствующаго по черноморскому побережью».

[2]) См. въ январьской книжкѣ 1889 года: Внутреннее Обозрѣніе, стр. 318—320.

за то, что она не оказала выходцамъ поддержки и защиты, на которыя имѣютъ право всѣ находящіеся въ чужихъ краяхъ русскіе подданные. Право обусловливается прежде всего исполненіемъ подданными собственныхъ обязанностей предъ государствомъ. Можно ли сказать это про г. Ашинова и бо́льшую часть его товарищей, ослушниковъ русской власти, всю жизнь свою уклонявшихся отъ подчиненія законамъ Имперіи? Другое непремѣнное условіе—чтобы русскіе подданные соблюдали въ точности законы тѣхъ странъ, гдѣ имѣютъ пребываніе и гостепріимствомъ коихъ пользуются. Между тѣмъ, первое заявленіе, сдѣланное г. Ашиновымъ французскому консулу въ Портъ-Саидѣ, была клевета на собственное правительство, которое, по словамъ его, одобрило-де его экспедицію и сочувствуетъ ей. Министерство иностранныхъ дѣлъ имѣло полное основаніе поручить нашему дипломатическому агенту въ Каирѣ предупредить своего французскаго товарища, что экспедиція г. Ашинова «предпринята на его собственный страхъ, безъ всякаго участія правительства».

Для выясненія дальнѣйшаго хода дѣла, необходимо имѣть въ виду, что весь западный берегъ Краснаго моря, отъ устья Суэцскаго канала до Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, хотя и считается принадлежащимъ Турціи, но въ дѣйствительности, начиная отъ Суакима и далѣе къ Югу, населенъ независимыми полудикими племенами, имѣющими собственныхъ владѣтелей, посреди которыхъ основали свои поселенія три изъ великихъ державъ Европы: Италія, Франція и Англія. Итальянцы заняли Массову, ближайшій къ Абиссинской границѣ портъ и южнѣе поселки Бейтуль и Ассабъ. Сѣвернымъ берегомъ Таджурской бухты владѣютъ французы, основавшіеся въ Обокѣ, а южнымъ—англичане, содержащіе гарнизонъ въ Зейлѣ. Бухта эта, какъ мы уже замѣтили выше, лежитъ на разстояніи 600 верстъ отъ границъ Абиссиніи, только въ сѣверной части своей почти соприкасающейся съ моремъ.

Всѣ перечисленныя мѣстности заняты европейцами сравнительно недавно. Первые утвердились въ означенной части побережья Краснаго моря англичане, за ними въ 1870 году пришли итальянцы, наконецъ послѣдними явились французы. Въ 1881 году купецъ Арну основалъ въ Обокѣ торговую контору, а въ слѣдующемъ году путешественникъ Поль Солелье пріобрѣлъ

отъ мѣстнаго владѣтеля селеніе Сагалло. Французское правительство формально вступило во владѣніе сѣвернымъ берегомъ Таджурской бухты въ 1884 году.

Такимъ образомъ достаточно одного взгляда на карту, дабы убѣдиться, что пресловутая «станица Москва», якобы основанная г. Ашиновымъ на землѣ, уступленной ему Таджурскимъ султаномъ, въ сущности находится въ предѣлахъ французскаго протектората. Дѣйствительно 6 (18) января «вольный атаманъ» со своими 145 спутниками высадился въ Таджурѣ, и затѣмъ, перебрался въ Сагалло, засѣлъ тамъ въ старинномъ укрѣпленіи, надъ которымъ водрузилъ русскій коммерческій флагъ. Располагая картечницею и болѣе 80-ти ружей, онъ привелъ укрѣпленіе въ оборонительное состояніе и объявилъ, что прибылъ съ цѣлью основать русскую независимую колонію, что занятая мѣстность принадлежитъ ему и что онъ не признаетъ никакой другой власти кромѣ русской.

Въ виду заявленія г. Ашинова, что онъ-де является исполнителемъ порученія, возложеннаго на него русскимъ правительствомъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ обратился въ наше посольство съ запросомъ, дѣйствительно ли императорскій кабинетъ интересуется предпріятіемъ «вольнаго атамана» и получилъ въ отвѣтъ, что это показаніе его столь же ложно, какъ и первое, данное консулу въ Портъ-Саидѣ, и что русское правительство не возлагало на г. Ашинова никакой миссіи, ни оффиціальной, ни оффиціозной.

Между тѣмъ, французское министерство предписало губернатору Обока предложить г. Ашинову и его спутникамъ либо прослѣдовать далѣе въ Абиссинію, либо остаться въ Сагалло подъ условіемъ признанія верховныхъ правъ Франціи на владѣніе этой мѣстностью и подчиненія французскимъ законамъ. Объ отказѣ его исполнить это требованіе было доведено до свѣдѣнія императорскаго кабинета, къ которому французскій министръ иностранныхъ дѣлъ непосредственно обратился съ просьбою приказать г. Ашинову сдать излишнее оружіе и признать верховныя права Франціи надъ Таджурскимъ берегомъ, такъ какъ, въ случаѣ дальнѣйшаго его упорства, останется лишь прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ.

Изъ сообщенія, обнародованнаго въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», мы знаемъ, что наше министерство иностранныхъ

дѣлъ обѣщало «изыскать средства передать Ашинову приказаніе въ желаемомъ французскимъ правительствомъ смыслѣ», а телеграфъ извѣстилъ объ отправленіи въ Обокъ съ этою цѣлью одного изъ нашихъ военныхъ судовъ, крейсировавшихъ въ Средиземномъ морѣ. Но мы знаемъ также изъ оффиціальнаго сообщенія французскаго правительства, что въ заявленіяхъ своихъ дипломаты наши, свидѣтельствуя о томъ, что Ашиновъ дѣйствуетъ на свой страхъ и что императорскій кабинетъ ни мало не причастенъ къ его затѣѣ, не приминули присовокупить, «что въ числѣ спутниковъ искателя приключеній есть лица духовнаго званія, заслуживающія того, чтобъ съ ними обращались внимательно». Долгъ справедливости заставляетъ насъ признать, что этою оговоркою наше дипломатическое вѣдомство вполнѣ вѣрно опредѣлило долю покровительства русской власти, на которую имѣли право разсчитывать не ослушники ея, такъ называемые «вольные казаки», а спутники ихъ изъ православнаго духовенства, хотя и неосторожно связавшіе свою судьбу съ ихъ судьбою, но все же неотвѣтственные за ихъ вины и продерзости, выразившіяся, по словамъ правительственнаго сообщенія, «въ нарушеніи спокойствія въ предѣлахъ территоріи, подвѣдомственной державѣ, находящейся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіею».

Извѣстенъ трагическій исходъ. Мы не станемъ останавливаться на печальныхъ подробностяхъ и разсматривать, въ какой мѣрѣ представлялось возможнымъ избѣжать насильственной расправы и кровопролитія. Мы уже признали вполнѣ естественнымъ и законнымъ чувство состраданія къ несчастнымъ жертвамъ роковаго недоразумѣнія, и намъ остается лишь провѣрить, насколько основательны упреки той части нашей печати, которая, въ пылу раздраженія, не усумнилась предъявить противъ французскаго правительства тяжкое обвиненіе въ томъ, будто столкновеніе было вызвано имъ умышленно въ угоду Италіи, съ цѣлью цѣною русской крови купить расположеніе Квиринала.

Еслибы такое обвиненіе взаправду истекало изъ обстоятельствъ дѣла, неисчислимы оказались бы его послѣдствія. Они вызвали бы коренной переворотъ въ системѣ нашей внѣшней политики, такъ какъ намъ пришлось бы совершенно измѣнить нашъ взглядъ на Францію и признать въ ней не дружествен-

ную намъ державу, а слѣпаго, заклятаго и неисправимаго врага Россіи. Къ счастію, при ближайшемъ ознакомленіи съ образомъ дѣйствій французскаго правительства, ничто не подтверждаетъ приведеннаго выше подозрѣнія, а факты свидѣтельствуютъ напротивъ, что въ данномъ случаѣ оно сдѣлало все отъ него зависящее, дабы предупредительностью своею выразить глубочайшее уваженіе къ императорскому кабинету и доказать, сколь высоко оно цѣнитъ его дружбу и расположеніе. Цѣлый мѣсяцъ терпѣло оно захватъ части своей территоріи шайкою самозванныхъ представителей русской государственной власти и не приняло противъ нихъ ни одной мѣры, не заручившись одобреніемъ нашего дипломатическаго вѣдомства, дважды выразившаго ему за то свою признательность. Такъ ли поступила бы всякая иная держава съ пришельцами, дерзко заявившими, что явились они съ цѣлью завладѣть чужою собственностью? И стали ли бы мы сами испрашивать согласія какого-либо иностраннаго правительства на расправу съ вооруженнымъ отрядомъ его подданныхъ, который высадился бы гдѣ-нибудь на нашихъ берегахъ Кавказа или Примсрской области и вздумалъ провозгласить свое притязаніе на овладѣніе ими? Вспомнимъ также о томъ вниманіи, съ которымъ французскія власти относились къ сопровождавшимъ г. Ашинова представителямъ православнаго духовенства, предлагая свои услуги архимандриту и священникамъ, выражая готовность содѣйствовать безпрепятственному слѣдованію ихъ въ Абиссинію.

«Франція»—читаемъ мы по этому поводу въ оффиціозномъ сообщеніи Agence Havas,—«могла преслѣдовать военное предпріятіе, что же касается до предпріятія религіознаго, то оно заслуживало полнаго уваженія съ нашей стороны: мы даже были бы готовы облегчить его». Слова эти съ парламентской трибуны подтвердилъ г. Спюллеръ, новый министръ иностранныхъ дѣлъ республики, заявившій, что, подобно всякому французскому патріоту, можетъ только обратиться съ выраженіями симпатіи къ Россіи, а предшественникъ его, г. Гоблэ, прибавилъ: «Русское правительство, русскій народъ—наши друзья. Они намъ дали доказательства своей дружбы, за что̀ мы постоянно высказываемъ имъ нашу признательность. И мы тоже питаемъ живѣйшія симпатіи къ этому народу и его правительству, и я нахожу вполнѣ естественнымъ, что вы пользуетесь

настоящимъ случаемъ для того, чтобы еще разъ проявить общія намъ чувства». Палата депутатовъ единогласнымъ рѣшеніемъ присоединилась «къ чувствамъ симпатіи къ Россіи, выраженнымъ правительствомъ», а печать не менѣе единодушно засвидѣтельствовала глубокую скорбь о происшедшей въ Сагалло кровавой драмѣ и всего французскаго народа.

Можно не вѣрить увѣреньямъ, но очевидности отрицать нельзя. Совокупность всѣхъ сочувственныхъ Россіи манифестацій ясно доказываетъ, что въ сознаніи французовъ всѣхъ партій и оттѣнковъ глубоко укоренилось убѣжденіе въ необходимости для Франціи опираться на русскую дружбу. Нужды нѣтъ, что убѣжденіе это зиждется на разсчетѣ: въ томъ-то и надежнѣйшее ручательство его искренности, а слѣдовательно и прочности. Франція пришла къ нему путемъ долгихъ и тяжкихъ испытаній; оно—результатъ историческаго опыта. Въ свою очередь признаемъ, что и насъ привлекло къ Франціи изученіе нашей внѣшней политики за текущее столѣтіе, тщательное изслѣдованіе причинъ постигшихъ насъ неудачъ и испытанныхъ разочарованій. Россія безспорно является для Франціи крѣпкимъ щитомъ, но забудемъ ли мы, что съ начала нынѣшняго вѣка ни одно государство не отваживалось вступить въ борьбу съ Россіей иначе, какъ въ союзѣ съ Франціею? Австрія и Пруссія рѣшились напасть на насъ лишь въ хвостѣ великой арміи Наполеона, заручившись обѣщаніемъ территоріальнаго вознагражденія на нашъ счетъ. Также точно и Англія выступила открытою нашею противницею на Востокѣ въ 1854 году только потому, что ей удалось увлечь за собою третьяго Бонапарта и французскими руками вытащить въ свою исключительную пользу каштаны изъ жаровни. Предоставленная себѣ самой, современная Франція покаялась въ заблужденіяхъ своихъ правителей, въ ихъ винахъ предъ нами. Настоящее сближеніе ея съ Россіей знаменуетъ не воинственные замыслы, не жажду мести, а заботу о своей безопасности, вѣрный залогъ спокойствія и мира Европы.

Но, какъ справедливо замѣтилъ г. Гоблэ, тяготѣніе Франціи къ Россіи, признательность ея и преданность русскому Царю и русскому народу — составляютъ достояніе всей націи, общее всѣмъ французамъ. Было бы непростительною оплошностью съ нашей стороны признавать нашими друзьями лишь тѣхъ изъ

нихъ, которые громче другихъ заявляютъ намъ свое сочувствіе. Такъ поступаютъ съ весьма понятнымъ умысломъ буланжисты и въ особенности члены Лиги патріотовъ, старающіеся увѣрить насъ, что строгія мѣры, принятыя противъ Лиги правительствомъ, вызваны ея протестомъ противъ избіенія нашихъ земляковъ и желаніемъ кабинета Тирара-Спюллера выказать угодливость Германіи. На дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Лига объявлена распущенною за то, что, какъ выразился предсѣдатель совѣта министровъ, «она явно стремилась вмѣстѣ со всѣми врагами республики къ ниспровержденію республиканскаго правительства», другими словами, всѣми силами ратовала за генерала Буланже. Борьба партій—домашнее дѣло французовъ. Предоставимъ имъ сводить свои счеты другъ съ другомъ и тщательно воздержимся отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дрязги, распри и междоусобія. Оно только оскорбило бы національную ихъ гордость, не принеся ни малѣйшей пользы намъ самимъ. Пусть знаетъ Франція, что на наше сочувствіе и поддержку можетъ разсчитывать всякое правительство, которое въ сношеніяхъ своихъ съ Россіей будетъ выказывать ей прямоту, доброжелательство, довѣріе, и такимъ образомъ служить вѣрнымъ выразителемъ мыслей и чувствъ французскаго народа.

«Исторія великій учитель государственныхъ дѣятелей»—повторимъ мы вмѣстѣ съ княземъ Бисмаркомъ. Слова эти были сказаны имъ осенью 1879 года французскому послу графу Сенъ-Валье, вызванному нѣмецкимъ канцлеромъ въ Варцинъ для объясненій по поводу только-что заключеннаго австро-германскаго договора, объясненій, о которыхъ послѣдній далъ подробный отчетъ г. Ваддингтону, бывшему тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ республики, въ довѣрительномъ письмѣ отъ 2 (14) ноября. На дняхъ графъ Шодорди, бывшій представитель Франціи на Константинопольской конференціи 1876 года, обнародовалъ его цѣликомъ въ брошюрѣ, озаглавленной: La France de 1889. Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ письму Сенъ-Валье, такъ какъ оно проливаетъ яркій свѣтъ на закулисныя стороны нѣмецкой политики въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за берлинскимъ конгрессомъ, и полно самыхъ неожиданныхъ разоблаченій объ антагонизмѣ князя Бисмарка съ самимъ императоромъ Вильгельмомъ I, который долго и упорно отстаивалъ традиціонную дружбу свою съ русскимъ царственнымъ

домомъ, хотя въ концѣ концовъ все же уступилъ давленію желѣзной воли своего канцлера. На этотъ разъ мы ограничимся воспроизведеніемъ разсказа князя Бисмарка о тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ ему удалось достигнуть давно желаннаго имъ вступленія Австро-Венгріи въ тѣсную связь съ Германскою имперіею.

Въ первой нашей бесѣдѣ мы изложили побужденія, руководившія нѣмецкимъ канцлеромъ при преслѣдованіи означенной политической цѣли. Долго всѣ попытки его въ этомъ направленіи оставались тщетными, такъ какъ, несмотря на соучастіе съ нимъ графа Андраши, императоръ Францъ-Іосифъ упорно противился полному примиренію съ Пруссіею, опираясь на такъ называемую придворную и военную партію, глава которой эрцгерцогъ Альбрехтъ, по словамъ самого Бисмарка, «не скрывалъ, что ненавидитъ пруссаковъ, и всѣ свои упованія и надежды возлагаетъ на русскій дворъ». И вотъ, въ то самое время, когда рѣшена была частная мобилизація русской арміи, князь Бисмаркъ сообщилъ вѣнскому кабинету, что къ нему-де обратились изъ Петербурга съ требованіемъ, дабы онъ «предалъ Австрію на жертву и подѣлилъ ея ризы». «Я сначала отмалчивался на первые намеки» — разсказывалъ два года спустя канцлеръ графу Сенъ-Валье, — «но затѣмъ требованія эти были возобновлены такъ настоятельно, что я вынужденъ былъ на нихъ отвѣтить. Я объяснилъ тогда, что мы считаемъ сохраненіе Австріи необходимымъ условіемъ собственной нашей безопасности, и что мы не допустимъ себя до участія въ планахъ, стремящихся къ ея разрушенію. Не удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, хотѣли заручиться отъ меня обѣщаніемъ нейтралитета. Я отвѣчалъ, что жизненные наши интересы не дозволяютъ намъ отнестись безразлично къ войнѣ между двумя нашими сосѣдями и союзниками, но что во всякомъ случаѣ мы благопріятно отнесемся къ тому изъ нихъ, кто подвергнется несправедливому нападенію, вызванному честолюбивыми и завоевательными цѣлями. Чтобы придать болѣе вѣса моему отвѣту, я комментировалъ его въ рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ, причемъ напомнилъ о древнихъ узахъ симпатіи между такими единокровными братьями, каковы мы и австрійцы. Какъ вы, вѣроятно, помните, я тогда далъ ясно понять, что, въ случаѣ надобности, мы двинемся на защиту Вѣны. Такой образъ

дѣйствій съ моей стороны побудилъ Россію отложить осуществленіе своихъ видовъ, а такъ какъ она нуждалась въ какомъ-нибудь козлѣ отпущенія, то и набросилась на злополучную Турцію».

Бывъ призваны нашимъ служебнымъ положеніемъ близко вѣдать тогдашнія отношенія императорскаго кабинета къ австро-венгерскому правительству, мы священною обязанностью считаемъ засвидѣтельствовать и честью завѣряемъ, что ни у Императора Александра II, ни у государственнаго канцлера князя Горчакова не было и тѣни враждебныхъ Австріи замысловъ, приписанныхъ имъ руководящимъ министромъ дружественной и союзной державы. Совершенно напротивъ, и государь, и канцлеръ, пребывали въ ту пору въ тѣсномъ единеніи, первый съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ, второй съ его министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Андраши, и не только не помышляли о нападеніи на Австрію, но усердно и добросовѣстно искали, путемъ соглашенія съ нею, разрѣшить вѣковыя историческія задачи, совокупность коихъ принято называть Восточнымъ вопросомъ. Всякій, кому извѣстны возвышенность ума и характера Императора Александра Николаевича, прямодушіе и высокая честность, которыя онъ вносилъ въ свою политику, не колеблясь признáетъ за чистѣйшій вымыселъ обвиненіе его въ коварствѣ и предательствѣ по отношенію къ государю и странѣ, съ коими онъ находился въ отношеніяхъ личной дружбы и союза политическаго. Утверждаемъ положительно, что русское правительство никогда, ни прямо, ни косвенно, не дѣлало нѣмецкому канцлеру какихъ бы то ни было предложеній о совмѣстномъ нападеніи на Австро-Венгрію или о раздѣлѣ ея владѣній.

Тѣмъ не менѣе, не удивительно, что навѣтъ князя Бисмарка произвелъ въ Вѣнѣ то именно дѣйствіе, на которое тотъ разсчитывалъ. Онъ былъ поддержанъ тайнымъ сообщникомъ нѣмецкаго канцлера, графомъ Андраши, которому, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, не трудно было подтасовать болѣе или менѣе убѣдительныя къ нему доказательства. Все же императоръ Францъ-Іосифъ сдался не съ разу. Нуженъ былъ цѣлый рядъ недоразумѣній, порожденныхъ войною и вызванными ею несогласіями между Россіею и Австріею, чтобы на Берлинскомъ конгрессѣ послѣдняя, очертя голову, кинулась въ столь долго остававшіяся открытыми для нея объятія Германіи.

Таковъ генезисъ австро-германскаго союза въ основаніи котораго, какъ оказывается нынѣ, положенъ былъ обманъ. Нельзя достаточно надивиться искусству, съ которымъ князь Бисмаркъ успѣлъ пристегнуть къ нему, хотя и на короткое время, Россію. Когда же она, вкусивъ отъ горькихъ плодовъ тройственнаго соглашенія, удалилась изъ него, мѣсто ея заняла Италія, та самая Италія, про которую нѣмецкій канцлеръ говорилъ еще въ 1879 году, «что боялся оскорбить Австрію, предлагая ей защиту и покровительство со стороны заальпійской ея союзницы».

Остававшіеся въ тайнѣ до сихъ поръ, всѣ эти интриги и происки выходятъ нынѣ наружу, становятся достояніемъ исторіи. Предоставляемъ читателямъ судить, насколько въ виду ихъ заслуживаютъ довѣрія продолжаемыя съ замѣчательною назойливостью заискиванія предъ Россіею нѣмецкихъ оффиціозовъ. Они даже не лишены, пожалуй, нѣкоторой искренности, если принять во вниманіе тревожное положеніе, созданное для Германіи событіями во Франціи и неожиданнымъ выходомъ въ отставку министерства г. Криспи. Но все же это только мимолетныя вѣянія, вызванныя потребностями настоящей минуты и не мало не измѣняющія общаго враждебнаго Россіи направленія нѣмецкой политики, которое и останется такимъ, доколѣ основаніемъ ея будетъ признаваться союзный договоръ Германіи съ Австро-Венгерскою монархіей.

По плодамъ судятъ о деревѣ. За десятилѣтнее существованіе тѣснаго союза между Германіею и Австро-Венгріею, результаты его сказались въ полномъ вытѣсненіи русскаго вліянія на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова. Безъ затраты милліоновъ и пролитія крови, однимъ только настойчивымъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ политики, ясно сознанной въ своихъ цѣляхъ и не совсѣмъ разборчивой въ средствахъ, обѣ эти державы подѣлили его между собою и прочно утвердились: первая въ восточной его половинѣ, вторая — въ западной, ни мало не стѣсняясь притомъ ни «европейскимъ концертомъ», ни постановленіями берлинскаго трактата.

Австрія хозяйничаетъ на волѣ, не только въ Босніи и Герцеговинѣ, обращенныхъ въ «имперскія области» (Reichsländer), но и въ Бѣлградѣ и Софіи, покорно подчиняющихся внушеніямъ изъ Вѣны и Пешта. Желѣзный путь соединяетъ обѣ столицы монархіи съ Солунью съ одной стороны, съ Царьградомъ

съ другой. Австро-Венгерскій Ллойдъ окаймляетъ весь полуостровъ отъ Тріеста до Галаца, а Ллойдъ Дунайскій господствуетъ на Дунаѣ до самаго устья. Финансы молодыхъ балканскихъ государствъ на откупу австрійскихъ капиталистовъ, торговля въ рукахъ австрійскихъ купцовъ, наводняющихъ всѣ рынки произведеніями австрійской промышленности.

Германія повелѣваетъ во всѣхъ провинціяхъ, оставшихся подъ непосредственною властью Порты, какъ въ Европѣ, такъ и въ Малой Азіи, въ Сиріи, въ Палестинѣ. Турецкую армію обучаютъ нѣмецкіе офицеры, спеціалисты по тремъ родамъ оружія: Кампгевнеръ распоряжается пѣхотой, Гобе — конницей, Ристовъ — артиллеріей. Нѣмцы-чиновники разсѣяны по всѣмъ турецкимъ министерствамъ, приданы въ помощь пашамъ, правителямъ областей; нѣмцы-финансисты заняли въ оттоманскомъ банкѣ мѣста, на ряду съ французами и англичанами. Однимъ нѣмцамъ выдаются отнынѣ концессіи финансовыя или желѣзнодорожныя. Наконецъ, многочисленныя нѣмецкія земледѣльческія и промышленныя колоніи разсѣяны по всему лицу Турецкой имперіи, по плану, весьма схожему съ тѣмъ, который съ такимъ успѣхомъ примѣняется нѣмцами на русскихъ окраинахъ и въ самомъ центрѣ Россіи.

Пойдемъ далѣе и увидимъ, что въ Персіи происходитъ то же самое, съ тою лишь разницею, что тамъ нѣмцевъ и австрійцевъ замѣняютъ англичане. Не только не взяты обратно преимущества, дарованныя имъ минувшею осенью, но число ихъ увеличилось недавно новою концессіею, выданною барону Рейтеру на основаніе, при помощи англійскихъ капиталовъ, персидскаго государственнаго банка, по образцу оттоманскаго. Подъ предлогомъ насажденія въ странѣ европейской культуры, англичане мало-по-малу налагаютъ лапу на всѣ ея производительныя силы, на всѣ источники богатства и благосостоянія.

Эти «мирныя завоеванія» совершаются у насъ на глазахъ нашими добрыми друзьями, продолжающими, какъ бы въ насмѣшку надъ нами, твердить о честолюбивыхъ замыслахъ русскихъ на Востокѣ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и Востокъ — это законное наслѣдіе Россіи, очутится, не замѣтно для насъ, да и для себя, въ ежевыхъ рукахъ трехъ или четырехъ великихъ державъ Запада.

Не пора ли признать, что русская дипломатія безсильна, чтобы бороться съ такимъ зломъ одними собственными средствами? Какъ бы ни было мудро и проницательно центральное дипломатическое вѣдомство, какъ бы ни оказались бдительными и дѣятельными его мѣстные агенты, не горсти чиновниковъ задержать поступательное движеніе стихійныхъ силъ, остановить историческій процессъ воздѣйствія гражданственности на полудикія страны и народы. Никакими писаніями не одолѣть естественнаго развитія въ этихъ краяхъ европейской торговли, кредитной системы, искусства или науки. Единственное средство не допускать ихъ распространенія заключается въ томъ, чтобы ихъ опередить, противопоставивъ имъ русскую торговлю, русскій кредитъ, русскія художества и знаніе. Это равносильно привлеченію къ участію въ разрѣшеніи нашихъ государственныхъ задачъ на Востокѣ русскихъ общественныхъ силъ.

Намъ остается въ концѣ бесѣды возвратиться къ ея началу и вывести общее заключеніе изъ двухъ главныхъ, затронутыхъ въ ней, вопросовъ. Мы видѣли, что плачевный исходъ экспедиціи, предпринятой въ Абиссинію, зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того, что она была задумана и осуществлена по частному почину, внѣ содѣйствія и контроля правительства. Съ другой стороны, мы убѣдились, что утрата нашего политическаго вліянія въ восточныхъ странахъ обусловлена невозможностью для дипломатіи успѣшно противодѣйствовать напору Запада на Востокъ, безъ привлеченія къ участію въ борьбѣ всего русскаго общества, въ лицѣ представителей важнѣйшихъ отраслей народной мысли и труда. Выводъ ясенъ: въ дѣлѣ обезпеченія государственныхъ нуждъ и пользъ Россіи за ея предѣлами, правительство и общество должны взаимно дополнять и подкрѣплять другъ друга.

Въ этомъ великомъ всенародномъ дѣлѣ, у того и у другаго свое опредѣленное призваніе: общество выставляетъ дѣятелей, правительство руководитъ ими, направляетъ ихъ, поддерживаетъ, защищаетъ, отстаиваетъ въ борьбѣ съ иноземными соперниками. Одно не можетъ обойтись безъ другаго: вздумаетъ ли общество дѣйствовать независимо, на свой страхъ — въ результатѣ анархія и какъ неминуемое слѣдствіе ея — постыдная неудача; захочетъ ли дипломатія устранять, какъ это водилось въ старину, общество отъ всякаго участія въ преслѣдованіи внѣшнихъ по-

литическихъ цѣлей — и всѣ усилія ея самой непремѣнно окажутся безплодными.

Повторяемъ: въ согласіи сила! Нѣтъ разумнаго повода къ разладу между дѣятелями государственными и общественными. Всѣ они слуги одного Государя, сыны одного народа. У тѣхъ и другихъ одна цѣль—польза и слава родины. Отъ души желаемъ, чтобы они всегда шли къ ней сомкнутыми рядами, дѣйствуя сообща и дружно въ исполненіи благихъ предначертаній Самодержавной власти, преемственно созидающей величіе, устрояющей благополучіе Россіи.

---

23 февраля (7 марта).

Принесенное телеграфомъ извѣстіе объ отреченіи отъ престола короля сербскаго Милана и о провозглашеніи королемъ сына его Александра и регентами гг. Ристича, Протича и Белимарковича предвѣщаетъ важныя перемѣны во внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи какъ Сербіи, такъ и смежныхъ съ нею государствъ. Дай Богъ, чтобы готовящіяся на Востокѣ событія застали Россію не врасплохъ, а во всеоружіи силъ своихъ, со зрѣло соображенною политическою программою, съ твердою рѣшимостью не уклоняться отъ исполненія своего историческаго призванія.

IV.

Внутреннее и внѣшнее положеніе Германіи.—Вооруженія ея.—Отношенія къ Россіи.—Волненія въ Австро-Венгріи.—Италія.—Англія.—Смуты во Франціи.—Перемѣна царствованія въ Сербіи.—Сербскія политическія партіи.—Значеніе переворота.

Тейфенбахъ, въ Штиріи, 20 марта (1 апрѣля) 1889 г.

Давно политическія страсти не разгорались съ такою яростью, общественное возбужденіе не проявлялось столь одновременно и повсемѣстно, какъ за послѣднее время на Западѣ. Ожесточенная борьба партій, уличные безпорядки въ столицахъ, бурныя сцены въ парламентахъ, перемѣны въ личномъ составѣ кабинетовъ, наконецъ добровольное лишь по виду, въ сущности же вынужденное обстоятельствами, удаленіе съ престола одного изъ царствующихъ государей—таковы итоги исторической жизни Европы въ продолженіе истекшаго мѣсяца. Хотя явленія эти и совершаются бо́льшею частью въ предѣлахъ внутренняго обихода различныхъ государствъ, но, все же они болѣе или менѣе отражаются и на внѣшнихъ ихъ отношеніяхъ.

Справедливость требуетъ признать, что, среди всеобщаго колебанія, поражаетъ своею устойчивостью величественное зданіе новосозданной германской имперіи. Она обязана этимъ прежде всего мудрому и своеобразному государственному устройству, которое политическій геній Бисмарка ввелъ первоначально въ 1867 году въ сѣверо-германскій союзъ, а четыре года спустя распространилъ и на всю объединенную Германію. Нѣмецкая имперская конституція успѣшно согласуетъ начало сильной и дѣятельной правительственной власти съ правомъ народнаго представительства участвовать въ законодательствѣ и въ частности—въ рас-

кладкѣ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Она не знаетъ отвѣтственныхъ министровъ, зависящихъ отъ случайныхъ перемѣщеній парламентскаго большинства. Управляетъ имперіею— имперскій канцлеръ, назначаемый императоромъ и отвѣтственный только предъ нимъ. Отсюда стройность и гармонія во всѣхъ частяхъ управленія, не нарушаемыя раздорами и несогласіями партій или посягательствомъ ихъ на права верховной власти. Отсюда и возможность вести въ зрѣло обдуманномъ и строго опредѣленномъ направленіи политику имперіи, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю.

Если прочны сами по себѣ имперскія учрежденія, то нельзя назвать иначе, какъ незыблемымъ, личное положеніе государственнаго человѣка, поставленнаго и удерживаемаго во главѣ ихъ довѣріемъ и признательностью трехъ поколѣній германскихъ императоровъ. Знаменитое «*никогда*», начертанное двѣнадцать лѣтъ назадъ рукою Вильгельма I на просьбѣ князя Бисмарка объ отставкѣ,—стало для преемниковъ этого государя священнымъ завѣтомъ, отъ котораго всего менѣе расположенъ отступить Вильгельмъ II, послушный ученикъ и восторженный почитатель своего канцлера, самъ провозгласившій его «знаменоносцемъ» нѣмецкаго единства. Подобно дѣду, онъ признаетъ за особое проявленіе милости Божіей къ своему дому ниспосланіе ему геніальнаго сотрудника, совершившаго столько великихъ дѣлъ на пользу и славу отечества.

Понятно, что, при такихъ условіяхъ, князь Бисмаркъ является полновластнымъ хозяиномъ въ области нарочито ввѣренной ему внѣшней политики имперіи, и ничего нѣтъ удивительнаго, что замыслы его ростутъ и расширяются по мѣрѣ утвержденія могущества Германіи. Во всемъ своемъ величіи они раскроются только для потомства, но, при внимательномъ наблюденіи, и мы, современники, можемъ до извѣстной степени проникнуть ихъ тайну. Такъ, довольно яркій лучъ свѣта проливаютъ на нихъ тѣ слова императора Вильгельма II изъ первой рѣчи его при открытіи рейхстага въ прошедшемъ году. въ которыхъ молодой государь назвалъ «историческими» союзныя отношенія свои къ Австро-Венгріи и Италіи. Не воскрешеніе ли это призрака Священной Римской Имперіи, нѣкогда обнимавшей всю срединную Европу, отъ морей Сѣвернаго и Балтійскаго до Средиземнаго, отъ Атлан-

тическаго океана до Карпатъ, Вислы и Нѣмана, и подчинявшейся власти германскихъ королей?

Но предѣлами германо-романскаго міра не ограничивается политическая алчность нѣмцевъ, простирающихъ похотливые взоры гораздо далѣе на Югъ и на Востокъ. Во второй тронной рѣчи уже заявлено, что задача Германіи — внести гражданственность внутрь Африки, а бракъ нѣмецкой принцессы съ наслѣдникомъ греческаго престола служитъ благовиднымъ предлогомъ для возвѣщеннаго посѣщенія императоромъ Вильгельмомъ II не только Аѳинъ, но и Константинополя. Такое широкое распространеніе политическаго вліянія Германіи должно, казалось бы, служить угрозою насущнымъ интересамъ Россіи въ Левантѣ и Англіи въ трехъ океанахъ, но на дѣлѣ оно не вызвало пока ни малѣйшаго охлажденія между дворами: Берлинскимъ, съ одной стороны, С.-Петербургскимъ и Лондонскимъ, съ другой. Напротивъ, въ нѣмецкой столицѣ, дворъ готовится къ торжественному пріему государей, навѣщенныхъ минувшимъ лѣтомъ германскимъ императоромъ, а также къ новой поѣздкѣ въ Лондонъ, для посѣщенія королевы Викторіи. Тѣсный союзъ съ Австро-Венгріею и Италіею, выражаясь словами Вильгельма II, «позволяетъ ему» поддерживать «личную дружбу и мирныя отношенія» съ прочими монархическими государствами Европы. Жалкимъ и убогимъ представляется, въ виду этихъ соображеній, совершенное одиночество республиканской Франціи, дерзающей понынѣ отвергать столько разъ предложенный ей нѣмецкій союзъ и дружбу.

При всемъ томъ германское правительство не пренебрегаетъ мудрымъ правиломъ древнихъ римлянъ: imperium iisdem artibus retinere, quibus initio partum est. По свидѣтельству Монтескьё, въ западно-европейскихъ государствахъ XVIII столѣтія нормальное численное отношеніе постоянныхъ армій къ населенію выражалось въ 10.000 солдатъ на одинъ милліонъ жителей, но уже отецъ Фридриха Великаго ухитрился, при населеніи въ полтора милліона, содержать подъ ружьемъ 80.000 человѣкъ, т.-е. впятеро больше, чѣмъ его сосѣди. Такъ и нынѣ, не проходитъ дня, чтобы объединенная Германія не озаботилась дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ своихъ вооруженныхъ силъ и безъ того превосходящихъ боевыя средства всѣхъ прочихъ великихъ державъ. Вчера рейхстагъ безпрекословно утвердилъ значительный кредитъ на пополненіе артил-

леріи. Сегодня онъ принялъ такой же кредитъ для усиленія численности флота. «Императоръ»,—сказалъ по этому случаю князь Бисмаркъ,—«интересуется флотомъ несравненно болѣе, чѣмъ оба его предшественника. Я также желалъ бы, чтобы дѣло это не было столь спѣшнымъ. Оно и не будетъ столь спѣшнымъ, коль скоро не отуманятся существующія предположенія о сохраненіи мира...»

Загадочныя слова! Вникая въ нихъ, нельзя не заключить, что европейскій миръ представляется въ настоящую минуту далеко ненадежнымъ. Но если станемъ отыскивать, съ какой стороны грозитъ ему наибольшая опасность, то скоро вынуждены будемъ признать, что постоянною угрозою ему служитъ не равновѣсіе силъ великихъ державъ, а именно рѣшительный перевѣсъ Германіи надъ Франціею, ставящій участь этой послѣдней страны въ зависимость отъ произвола ея хищной и злобной сосѣдки.

Существуетъ, впрочемъ, помѣха и помѣха не малая—Россія. Какъ поступитъ она, что̀ предприметъ въ случаѣ новаго столкновенія между Германіею и Франціею? Роковой вопросъ, камень преткновенія на тріумфальномъ пути нѣмецкаго канцлера.

Было время—оно продолжалось цѣлыя три четверти столѣтія—когда Россія не только не препятствовала, но всѣми силами споспѣшествовала разростанію Пруссіи, развитію ея военной и политической мощи. Безъ дружественнаго содѣйствія Россіи немыслимо было преобразованіе молодаго королевства Гогенцоллерновъ въ могучую Германскую Имперію. Это допускалъ самъ Бисмаркъ, поучавшій осенью 1870 года въ Версали англійскаго уполномоченнаго Одо Росселя, что хотя благодарность и политика суть два несогласуемыя понятія, но что онъ вынужденъ признать, что Императоръ Александръ всегда выказывалъ необычайное сочувствіе къ Германіи, тогда какъ положеніе Австріи было двусмысленно, Англіи—отнюдь не любезно. Четыре года спустя, въ разговорѣ съ мадьярскимъ писателемъ Іокайемъ нѣмецкій канцлеръ утверждалъ, что въ Россіи двѣ политики, петербургская и константинопольская: первая покоится-де на соглашеніи съ двумя сосѣдними имперіями, вторая—не одобряемая Царемъ и его совѣтниками — мечтаетъ о самостоятельномъ отношеніи ко всѣмъ политическимъ вопросамъ.

И пока это такъ было въ дѣйствительности, берлинскому

двору не было причины не платить намъ дружбою за дружбу, по крайней мѣрѣ на словахъ. Но уже въ 1875 году покойный Государь доказалъ, что не намѣренъ предать Францію на растерзаніе ея ненавистнымъ врагамъ. Бисмаркъ такъ опредѣлилъ перемѣну, вызванную нашимъ заступничествомъ за французовъ въ отношеніяхъ своихъ къ русскому двору: «я оскорбленъ «вашимъ поведеніемъ»—сказалъ онъ князю Горчакову—«и не забуду этого оскорбленія, вслѣдствіе котораго чувство довѣрчивой дружбы смѣнится у меня дружбой, смѣшанной съ недовѣріемъ».

Итакъ прусская дружба была поколеблена съ первой же нашей попытки идти въ международной политикѣ путемъ, независимымъ отъ внушеній Берлина и даже наперекоръ его вожделѣніямъ. Этому обязаны мы сомнительнымъ поведеніемъ Германіи во все продолженіе Восточнаго кризиса 1876 — 78 годовъ, предательствомъ ея на Берлинскомъ конгрессѣ. Если тогда князь Бисмаркъ не обнаружилъ еще бо̀льшей къ намъ враждебности и интриги свои противъ насъ продолжалъ прикрывать личиною доброжелательства, то потому, что, какъ вырвалось у него въ порывѣ откровенности, онъ все еще боялся возбудить противъ Германіи русское народное чувство, что̀ по словамъ его, «опаснѣе, чѣмъ преходящее пререканіе съ любымъ правительствомъ». Личина спала окончательно, лишь когда, съ перемѣною царствованія, въ Россіи выяснилась политика, указанная ей Державнымъ Вождемъ ея, не «петербургская» и не «константинопольская», а національная, самобытная, чисто русская политика, чуждая всякихъ постороннихъ соображеній и преслѣдующая одну цѣль: благо русскаго государства и народа.

Вспомнимъ рядъ мѣръ, принятыхъ съ 1885 года въ Германіи и прямо направленныхъ противъ Россіи, ея финансовъ, земледѣлія, торговли, противъ массы ея подданныхъ, находившихся для заработка въ прусскихъ предѣлахъ, при неумолкаемомъ хорѣ клеветъ и ругательствъ нѣмецкихъ оффиціозовъ на все русское. Съ тѣхъ поръ, бо̀льшая часть этихъ враждебныхъ намъ мѣръ обратилась на ихъ виновниковъ, причиняя несравненно болѣе вреда матеріальнымъ интересамъ Пруссіи, чѣмъ нашимъ. Не смотря на это, ни одна изъ нихъ не отмѣнена

доселѣ и не будетъ отмѣнена, какъ доказываетъ слѣдующій, происшедшій на дняхъ, характерный случай.

Общество сельскихъ хозяевъ западной Пруссіи подало правительству прошеніе, въ которомъ, изложивъ стѣсненія, испытываемыя земледѣліемъ отъ недостатка рабочихъ рукъ, ходатайствовало о разрѣшеніи русскимъ работникамъ наниматься въ этой области, хотя бы въ періодъ времени съ апрѣля по ноябрь. Въ отвѣтъ на это прошеніе президентъ провинціи, по приказанію изъ Берлина, обратился къ Обществу сельскихъ хозяевъ съ запросомъ: не считаетъ ли оно удобнымъ выписать въ западную Пруссію китайскихъ работниковъ?

Примѣръ этотъ поучителенъ, ибо доказываетъ лишній разъ настойчивость и послѣдовательность, съ которою нѣмецкій канцлеръ приводитъ въ исполненіе мѣры, признанныя имъ отвѣчающими потребностямъ его политики. Пусть же насъ не вводитъ въ заблужденіе перемѣна тона оффиціозныхъ газетъ, направляемыхъ и руководимыхъ изъ Берлина, расточающихъ нынѣ похвалы самостоятельности русской политики съ тѣмъ же трогательнымъ единодушіемъ, съ какимъ нѣкогда онѣ же ожесточенно нападали на нее. Возвращеніе себѣ Россіею полной свободы дѣйствій не можетъ быть пріятно Германіи. Оно равносильно для нея утратѣ ея преобладающаго положенія въ Европѣ, такъ какъ, по образному замѣчанію покойнаго Каткова, Германія оттого только и поднялась такъ высоко, что «стояла на Россіи».

Свобода дѣйствій Россіи – это обезпеченіе Франціи отъ конечнаго разгрома, Востока — отъ порабощенія средне-европейскою культурою, словомъ,—это вѣрнѣйшее и надежнѣйшее ручательство за независимость государствъ и народовъ, за спокойствіе и миръ Европы.

Такова очевидность, бросающаяся въ глаза каждому безпристрастному наблюдателю, что̀ однако не мѣшаетъ нѣмецкимъ оффиціозамъ продолжать твердить, что-де не Россія держитъ въ уздѣ Германію и сплотившуюся вокругъ нея такъ называемую «Лигу мира», а наоборотъ. Такое утвержденіе представляется крайне невѣроятнымъ уже потому, что обѣимъ союзницамъ Германіи теперь не до внѣшнихъ предпріятій, до того приведены въ замѣшательство и разстройство ихъ внутреннія дѣла.

Въ западной половинѣ монархіи Габсбурговъ сильнѣе преж-

няго обозначается раздоръ не только между разноплеменными народностями, но и между различными классами населенія. Такъ, на недавнихъ общинныхъ выборахъ въ Вѣнѣ, совершенно неожиданно восторжествовали анти-семиты, впервые выступившіе въ качествѣ самостоятельной партіи. Въ австрійскомъ рейхстагѣ по вопросу о народномъ образованіи обнаружился расколъ между чехами. Предводимые Ригеромъ старо-чехи продолжаютъ дѣйствовать въ согласіи съ консервативно-федералистскимъ большинствомъ, требующимъ возвращенія духовенству права руководить воспитаніемъ народа и упраздненія «внѣ-исповѣдной» школы, введенной въ Австріи законодательствомъ конца шестидесятыхъ годовъ, тогда какъ вождь младо-чеховъ, Грегръ, открыто перешелъ на сторону нѣмецкой либеральной оппозиціи и въ широковѣщательной рѣчи, вызвавшей недоумѣніе въ слушателяхъ, отстаивалъ начало «свободы совѣсти» и «неотъемлемыя права человѣческаго разума». Такая разноголосица на руку министерству графа Таафе, облегчая ему примѣненіе стараго австрійскаго правила: разъединять, дабы господствовать, но она, конечно, не придастъ крѣпости и безъ того шаткому внутреннему строю Цислейтаніи.

Въ Венгріи дѣла принимаютъ еще болѣе опасный оборотъ для правительства. Тамъ повторяется явленіе довольно часто встрѣчающееся въ жизни конституціонныхъ государствъ, а именно—партія, стоящая много лѣтъ во главѣ управленія страною, оказывается въ разладѣ съ большинствомъ населенія, хотя и продолжаетъ располагать большинствомъ въ парламентѣ. Обсуждаемый въ нижней палатѣ военный законъ служитъ лишь предлогомъ для рьяныхъ нападеній оппозиціи на г. Тиссу и его сторонниковъ, нападеній, поддержанныхъ бурными демонстраціями на улицахъ и площадяхъ Будапешта. Безпорядки эти, прекратившіеся-было подъ гнетомъ скорбной вѣсти о безвременной кончинѣ эрцгерцога Рудольфа, возобновились съ новою силою на дняхъ и вызвали съ одной стороны вмѣшательство войска, съ другой—перемѣны въ личномъ составѣ кабинета. Глава министерства рѣшился пожертвовать нѣсколькими изъ своихъ товарищей, чтобы спасти собственное свое положеніе, но удастся ли это ему въ виду единодушнаго напора всѣхъ противныхъ партій — вопросъ довольно трудно разрѣшимый.

Каковъ бы ни былъ, впрочемъ, исходъ настоящей парламентской борьбы въ Венгріи, паденіе Тиссы и замѣна его у власти вожакомъ соединенной оппозиціи, графомъ Альбертомъ Аппони, отнюдь нельзя считать за признакъ измѣнившихся отношеній мадьяръ къ австро-германскому союзу, заключенному при ближайшемъ участіи нынѣшняго перваго министра и бывшему краеугольнымъ камнемъ его внѣшней политики. Взглядъ Тиссы на этотъ союзъ раздѣляютъ всѣ венгерскія политическія партіи, усматривая въ немъ единственное средство разыграть при помощи Германіи на православно-славянскомъ Востокѣ столь обольстительную для народнаго самолюбія мадьяръ роль насадителей европейской гражданственности, подъ охраною и владычествомъ меча Св. Стефана. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей графъ Аппони положительно и опредѣленно высказался въ вышеозначенномъ смыслѣ.

Совсѣмъ иначе относится къ союзу съ Германіей парламентская оппозиція въ Италіи. Служа вѣрнымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія страны, она громко порицаетъ основанную на этомъ союзѣ внѣшнюю политику г. Криспи, поддерживаемую большинствомъ обѣихъ палатъ, въ Италіи, какъ и въ Венгріи, давно уже утратившимъ сочувствіе и довѣріе населенія. Съ каждымъ днемъ все громче и громче раздаются въ парламентѣ и внѣ его жалобы на тяжелыя жертвы, налагаемыя на итальянскій народъ союзными обязательствами съ Германіей, на вызванное ими охлажденіе съ Франціей, бѣдственно отражающееся на интересахъ итальянской промышленности и торговли. Всеобщій ропотъ заставилъ г. Криспи произвести существенныя перемѣны въ составѣ предсѣдательствуемаго имъ министерства и нѣсколько умѣрить тотъ задоръ, который онъ проявлялъ въ сношеніяхъ своихъ съ парижскимъ кабинетомъ. Весьма вѣроятно, что такому результату не мало способствовалъ умѣлый и искусный образъ дѣйствій французской дипломатіи и, въ частности, вновь назначеннаго посломъ при Квиринальскомъ дворѣ г. Маріани. Обстоятельство это невольно наводитъ на размышленіе, почему бы и нашей дипломатіи въ Римѣ не выйдти изъ своей пассивной роли и не попытаться выяснить государственнымъ людямъ Италіи всѣ невыгодныя стороны политики, усвоенной со времени первой поѣздки

г. Криспи въ Фридрихсруэ и обратившей молодое королевство въ антагониста Россіи на Востокѣ.

Ненадежность Италіи вполнѣ объясняетъ старанія князя Бисмарка убѣдить Сентъ-Джемскій кабинетъ формально приступить къ пресловутой «Лигѣ мира». Вопросъ этотъ не разъ уже возбуждался между Берлиномъ и Лондономъ, и глава торійскаго министерства лордъ Салисбюри довольно ясно далъ понять личное сочувствіе свое подобной комбинаціи. Если же она не состоялась до сихъ поръ, то только потому, что ни одна изъ договаривающихся сторонъ не хотѣла поступиться въ пользу другой своими своекорыстными притязаніями.

Возвѣщенная телеграфомъ поѣздка графа Герберта Бисмарка въ Лондонъ, весьма вѣроятно, имѣетъ цѣлью устранить препятствія къ сближенію между Англіею и Германіею, которое, если состоится, увѣнчается отложеннымъ до сего времени посѣщеніемъ императоромъ Вильгельмомъ II престарѣлой своей бабки. Подчинивъ такимъ образомъ своему вліянію политику великобританскаго правительства, нѣмецкому канцлеру не будетъ уже стоить большаго труда втравить Англію въ столкновеніе съ Россіею по дѣламъ Персіи или Афганистана, а такое столкновеніе развяжетъ ему самому руки въ отношеніи къ Франціи. Въ Берлинѣ давно разсчитываютъ, что, занятая борьбой съ Англіею въ Средней Азіи, Россія будетъ лишена возможности во-время вмѣшаться въ войну, объявленную нѣмцами французамъ, и не въ состояніи окажется воспрепятствовать Германіи въ конецъ разгромить Францію.

Къ счастію, разсчетъ этотъ, построенный на предположеніи о прочности нынѣшняго торійскаго кабинета, можетъ оказаться несостоятельнымъ, если только вигамъ удастся въ недалекомъ будущемъ возвратиться къ власти. Плачевный исходъ слѣдствія по дѣлу о приписанныхъ Парнеллю подложныхъ документахъ и успѣхи либераловъ на частныхъ выборахъ какъ будто предвѣщаютъ близость перемѣны въ англійскомъ правительствѣ, а въ такомъ случаѣ, не Гладстонъ, конечно, дастъ обратить себя въ орудіе политическихъ замысловъ, коимъ онъ не только не сочувствуетъ, но противодѣйствіе которымъ считаетъ священнымъ долгомъ Англіи предъ собою и цѣлымъ міромъ.

Странное и поистинѣ непостижимое зрѣлище представляетъ въ настоящую минуту Франція. Въ то время, какъ во всѣхъ

отрасляхъ народной производительности кипитъ усиленная работа, дабы обезпечить торжество отечественной промышленности и искусства въ предстоящемъ всемірномъ состязаніи, на политической поверхности продолжается упорная и безпощадная борьба между партіями, дошедшая до крайнихъ предѣловъ ярости и ожесточенія. Нѣтъ такихъ страшныхъ преступленій, въ которыхъ противники не обвиняли бы другъ друга, забывая, что всѣ они французы, и что отъ этого страдаютъ совокупная честь и достоинство націи. Крутыя мѣры, принятыя министерствомъ Тирара противъ Лиги патріотовъ, едва ли достаточны, чтобы задержать буланжистское движеніе, а между тѣмъ, въ глазахъ населенія, генералъ Буланже и его сторонники являются жертвами преслѣдованія, несомнѣнно усиливающаго ихъ популярность. Удивительно, что не находится среди французовъ никого, кто воззвалъ бы къ патріотизму соотечественниковъ и, напомнивъ имъ о смертельной опасности, угрожающей родинѣ извнѣ, доводами разума и силою чувства убѣдилъ бы ихъ заключить перемиріе между враждующими партіями, хотя бы до имѣющихъ произойдти будущею осенью общихъ выборовъ, на которыхъ такъ или иначе разрѣшится главный изъ вопросовъ, волнующихъ умы, вопросъ о томъ, быть или не быть парламентаризму во Франціи?

Пока политическія страсти бушуютъ на крайнемъ Западѣ Европы, въ противоположномъ концѣ ея, въ Сербіи, мирно совершился переворотъ, который не останется безъ важныхъ послѣдствій не только для участи младшаго изъ европейскихъ королевствъ, но и для судебъ всѣхъ прочихъ государствъ и земель Балканскаго полуострова. Мы разумѣемъ отреченіе короля Милана отъ престола и воцареніе несовершеннолѣтняго сына его, короля Александра I. Событіе это, какъ извѣстно, сопровождалось назначеніемъ регентами гг. Ристича, Протича и Белимарковича и призваніемъ къ власти радикальнаго министерства въ предсѣдательствѣ г. Груича.

Перемѣна царствованія въ Сербіи—явленіе въ высшей степени знаменательное. Оно служитъ новымъ подтвержденіемъ той старой истины, что судьбы государствъ и народовъ зависятъ не отъ произвола отдѣльныхъ личностей, а развиваются и совершаются въ силу непреложныхъ законовъ ихъ историческаго бытія. Мы отдадимъ себѣ ясный отчетъ о его значеніи,

если разсмотримъ его въ связи съ цѣлымъ рядомъ происшествій, коими были отмѣчены въ продолженіе цѣлаго столѣтія отношенія Сербіи къ Россіи, зиждущіяся не только на тѣсной, кровной и духовной связи сербовъ съ русскими, но и на твердой почвѣ обоюдныхъ государственныхъ интересовъ.

Подобно всѣмъ прочимъ христіанскимъ государствамъ Балканскаго полуострова, Сербія изъ рукъ Россіи приняла свою свободу. Въ первую борьбу съ турками въ періодъ съ 1804 по 1812 годъ, русскія войска помогали сербамъ въ вытѣсненіи мусульманъ изъ предѣловъ будущаго княжества. Бухарестскій договоръ нашъ съ Портою впервые обезпечилъ имъ права внутренняго управленія, а аккерманская конвенція и адріанопольскій миръ расширили эти права и положили основаніе государственному устройству страны. Затѣмъ, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, Сербія мирно развивалась подъ могучею охраною и покровительствомъ Россіи, признанными всею Европой. Лишь парижскій трактатъ 1856 года лишилъ насъ этого права, перенеся его на совокупность великихъ державъ. Но это не помѣшало намъ въ 1876 году оказать сербамъ братскую помощь въ усиліяхъ ихъ отвоевать себѣ полную независимость, а когда военное счастье измѣнило имъ, мы же грознымъ ультиматумомъ остановили вторженіе турокъ въ предѣлы княжества, грозившее опустошеніемъ и конечнымъ погромомъ всему краю. Наконецъ, прямымъ послѣдствіемъ нашихъ побѣдъ надъ Турціею въ послѣднюю войну было провозглашеніе независимости Сербіи, приращеніе ея государственной области и возведеніе въ санъ королевства.

Въ противоположность Россіи, Австрія всѣми мѣрами старалась препятствовать освобожденію Сербіи изъ-подъ верховной власти Порты. Тайная цѣль ея была—утвердить собственное господство въ области, которою она владѣла около двадцати лѣтъ, въ промежутокъ между пожаревацскимъ и бѣлградскимъ миромъ (1718—1739). Но всего болѣе опасалась она, какъ бы самостоятельное сербское княжество не сдѣлалось ядромъ будущаго великаго сербскаго царства, въ составъ коего вошли бы современемъ всѣ земли, населенныя сербами, отъ Савы и Дуная до Адріатическаго моря.

При такомъ коренномъ различіи взглядовъ Россіи и Австріи на настоящее и будущее Сербіи, казалось, не могло бы быть

и рѣчи о преобладаніи въ этомъ государствѣ политическаго вліянія вѣнскаго двора. Между тѣмъ на дѣлѣ, въ десятилѣтіе, истекшее со дня закрытія берлинскаго конгресса, австро-венгерской дипломатіи удалось вполнѣ подчинить себѣ политику молодаго сербскаго королевства и поставить послѣднее въ отношенія полной зависимости къ сосѣдней монархіи.

Само собою разумѣется, что такое направленіе было не по душѣ громадному большинству сербскаго народа. Самая многочисленная и вліятельная изъ политическихъ партій страны, такъ называемые радикалы, которыхъ вѣрнѣе было бы именовать народниками, выступили дѣятельными и убѣжденными его противниками. Имъ ясно было, что подчиненіе Вѣнѣ и Пешту равносильно отреченію Сербіи не только отъ всякой политической самобытности, но и отъ историческаго призванія своего служить государственнымъ средоточіемъ всѣмъ народамъ сербскаго племени, объединеніе которыхъ въ одномъ независимомъ государствѣ составляетъ завѣтную мечту сербовъ. Объ осуществленіи ея нельзя и думать, пока Австро-Венгрія господствуетъ надъ Хорватіею, Славоніею, Банатомъ, Далмаціею и, наложивъ руку на Боснію и Герцеговину, сама помышляетъ о распространеніи своего владычества далѣе на Юго-Востокъ, въ Старой Сербіи и Македоніи, вплоть до Эгейскаго моря. Отсюда непримиримая вражда сербскихъ народниковъ къ монархіи Габсбурговъ. Отсюда и приверженность ихъ къ Россіи, отъ которой одной могутъ они ожидать дружественной помощи при приведеніи въ исполненіе ихъ національной политической программы.

Задача австро-венгерской дипломатіи въ Бѣлградѣ сводилась, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы прежде всего устранить народниковъ отъ власти. Для сего ей было недостаточно овладѣть умомъ и волею короля Милана. Требовалось еще пріискать политическую партію, которая взялась бы сознательно проводить и поддерживать вліяніе въ странѣ вѣнскаго двора. Такая партія нашлась въ лицѣ прогрессистовъ или, какъ они называются по-сербски, «напредняковъ».

Люди этой партіи—воспитанники Запада, воспринявшіе въ нѣмецкихъ школахъ зачатки его культуры, усвоившіе его идеалы государственные и общественные, и вполнѣ отрѣшившіеся отъ завѣтовъ, преданій и вѣрованій своего народа. Общее благо Сербіи усматриваютъ они въ насажденіи въ ней гражданствен-

ности по западно-европейскому образцу, тѣмъ болѣе, что это вполнѣ согласуется и съ частными ихъ выгодами. Въ многолѣтнее управленіе ихъ, въ Сербіи проведены желѣзныя дороги, учреждены банки, заведены обширныя торговыя и промышленныя предпріятія, но въ то же время государство рядомъ внѣшнихъ займовъ, заключенныхъ на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, вошло въ неоплатные долги, промышленность и торговля края перешли въ руки иностранцевъ, населеніе изнемогаетъ подъ бременемъ налоговъ. Поддерживая финансовую политику напредняковъ, вѣнскій дворъ указывалъ имъ на братоубійственную войну съ Болгаріей, какъ на средство расширить территорію королевства въ направленіи, хотя и противуположномъ этнографическимъ границамъ сербскаго племени, но за то вполнѣ безопасномъ и даже выгодномъ для собственныхъ вожделѣній Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ.

Существуетъ въ Сербіи третья партія, называющая себя либеральною и занимающая средину между прогрессистами и радикалами. Цѣли ея схожи съ цѣлями послѣднихъ, но достигнуть ихъ она мнитъ средствами, заимствованными у первыхъ. Если напредняки тяготѣютъ къ Австро-Венгріи, а народники къ Россіи, то либералы сербскіе строятъ свою политику на противупоставленіи одной изъ этихъ державъ другой, такъ чтобы заручиться расположеніемъ австрійцевъ подъ страхомъ сближенія съ русскими и наоборотъ.

Отдавшій себя въ полное распоряженіе Австро-Венгріи, король Миланъ долго и упорно удерживалъ у власти прогрессивную партію и, лишь когда обнаружилась совершенная ея несостоятельность, призвалъ къ управленію либераловъ. Но каждые новые выборы въ скупщину краснорѣчиво доказывали, что истинными выразителями мнѣній и чувствъ сербскаго народа были радикалы. Направленныя противъ нихъ преслѣдованія лишь усиливали ихъ вліяніе и значеніе. Окончательное торжество ихъ являлось вопросомъ времени. Связанный личными обязательствами съ вѣнскимъ дворомъ, король Миланъ не могъ принять ихъ политической программы, какъ внѣшней, такъ и внутренней. Оставался ему одинъ исходъ: добровольное удаленіе съ престола, которое одно могло предупредить насильственный переворотъ и низложеніе самой династіи Обреновичей.

Понятно, что прежде чѣмъ выпустить власть изъ рукъ сво-

ихъ, король Миланъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, дабы увѣковѣчить въ Сербіи свою политическую систему, основанную, какъ мы видѣли, на принесеніи народныхъ нуждъ и стремленій въ жертву своекорыстнымъ замысламъ вѣнскаго двора, не скрывающаго притязаній на преобладаніе въ западной, а если возможно, то и въ восточной части Балканскаго полуострова. Съ этою цѣлью, во главѣ регенства поставленъ вождь либераловъ Ристичъ, а въ товарищи ему приданъ одинъ изъ усерднѣйшихъ клевретовъ бывшаго короля—генералъ Протичъ. Въ этихъ же видахъ, введена новая конституція, ставящая несовершеннолѣтняго короля Александра въ полную зависимость отъ отца его, даже по отреченіи послѣдняго отъ престола. Но всѣ эти мѣры предосторожности окажутся безсильными для задержанія естественнаго хода событій. Неотвратимое послѣдствіе перемѣны царствованія—уже состоявшійся переходъ власти къ народникамъ и образованіе чисто радикальнаго министерства въ предсѣдательствѣ ихъ признаннаго главы—Груича.

Обстоятельство это знаменуетъ возвращеніе Сербіи на путь народной, славянской, вполнѣ самостоятельной политики. Само по себѣ оно уже несовмѣстимо съ продолженіемъ прежнихъ отношеній ея къ монархіи Габсбурговъ. Вопросъ о томъ, рано или поздно возвратятся въ Бѣлградъ королева Наталія или митрополитъ Михаилъ,—имѣетъ при этомъ лишь второстепенное значеніе. Важно то, что исповѣдуемое нынѣшними правителями Сербіи государственное ученіе идетъ прямо въ разрѣзъ съ направленіемъ, коему она слѣдовала до сихъ поръ подъ руководствомъ короля Милана.

На этомъ новомъ пути Сербія можетъ быть увѣрена въ сочувствіи русскаго общества. Но поддержку русскаго правительства она должна еще заслужить, давъ намъ надежныя ручательства въ томъ, что помощь, оказанная нами ея духовному и вещественному развитію, осуществленію ея государственныхъ идеаловъ — не обратится во вредъ намъ самимъ и что столько разъ облагодѣтельствованное нами молодое королевство не отплатитъ намъ снова черною неблагодарностью.

V.

Всемірная выставка въ Парижѣ.—Упадокъ Буланжизма.—Отношенія Франціи къ Россіи въ до-революціонный періодъ. — Внѣшняя политика третьей республики. — Конференція о Самоа. — Вопросъ о русскихъ вооруженіяхъ въ средне-европейской печати. — Наступательный характеръ тройственнаго союза.—Экономическіе вопросы въ политикѣ.—Восточная академія въ Вѣнѣ.—Отдѣленіе торговой политики въ австро-венгерскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.—Программа нашихъ дипломатическихъ экзаменовъ.—Пробужденіе народнаго самосознанія въ Румыніи и Сербіи.—Бездѣятельность русской дипломатіи на Востокѣ.

Парижъ, 19 апрѣля (1 мая) 1889 г.

Парижъ въ праздничномъ уборѣ. Съ живою радостью и не безъ гордости готовится онъ, а съ нимъ и вся Франція, къ предстоящему торжеству открытія всемірной выставки, четвертой по счету изъ происходившихъ въ стѣнахъ его, громадностью размѣровъ и великолѣпіемъ обстановки обѣщающей затмить всѣ ей предшествовавшія.

Умолкла нескончаемая перебранка ярыхъ политическихъ противниковъ на улицахъ и площадяхъ столицы, въ общественныхъ собраніяхъ и даже на столбцахъ журналовъ и газетъ. Всеобщее вниманіе поглощено близостью мирнаго международнаго состязанія на Марсовомъ полѣ, долженствующаго знаменовать развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ Франціи, плодотворность ея народнаго труда. На поприщѣ науки, искусства и промышленности, французскій народъ снова является великимъ народомъ, отстаивающимъ свое право на первое мѣсто въ ряду культурныхъ націй Запада. Непрерывные успѣхи его въ этихъ трехъ отрасляхъ человѣческой производительности служатъ хорошимъ отвѣтомъ на извѣстный ядовитый отзывъ князя Бисмарка, увѣрявшаго мадьярскаго романиста Іокая «что-де французы — народъ дикій, и что, за исключеніемъ по-

варовъ, портныхъ и парикмахеровъ, всѣ прочіе — ничто иное, какъ краснокожіе индѣйцы».

Успокоенію французскаго общества, столь недавно еще возбужденнаго во всѣхъ слояхъ своихъ ожесточенными нападками на существующій во Франціи государственный строй разномастной коалиціи недовольныхъ, сплотившихся вокругъ буланжистскаго знамени, содѣйствовало удаленіе въ Бельгію самого генерала Буланже, подъ страхомъ осужденія за посягательство на безопасность республики. Тамъ и сямъ, въ Парижѣ и въ провинціи, второстепенные дѣятели пытаются еще продолжать агитацію, но исчезновеніе съ политической арены главнаго лицедѣя подорвало въ корнѣ интересъ къ представленію въ толпѣ, всегда падкой на зрѣлища, возбуждающія ея страсти, но не прощающей своимъ любимцамъ и избранникамъ малѣйшаго проявленія малодушія или боязливости. Такимъ образомъ отпадаетъ во Франціи самый существенный изъ трехъ элементовъ, совокупность коихъ уже Тацитъ признавалъ необходимою для обезпеченія успѣха насильственному перевороту въ государствѣ. Элементъ этотъ — сочувственный откликъ народныхъ массъ, безъ котораго безсильны и тщетны происки, какъ горсти зачинщиковъ, искателей всякаго рода приключеній, очертя голову бросающихся въ самыя рискованныя предпріятія, такъ и многочисленныхъ недовольныхъ, служащихъ имъ подспорьемъ и резервомъ.

Мы не разъ имѣли случай разъяснить истинные смыслъ и значеніе буланжизма, который хотя и приглашалъ всѣхъ французовъ сплотиться на почвѣ «національной» республики, но въ сущности стремился лишь къ перемѣщенію власти изъ рукъ нынѣшнихъ правителей Франціи въ руки людей, либо устраненныхъ отъ нея событіями послѣдняго времени, либо никогда еще не пользовавшихся ею. Торжество генерала Буланже и его сторонниковъ увѣковѣчило бы только внутренній разладъ, такъ какъ нельзя допустить, чтобы обѣ главныя республиканскія партіи, оппортунистовъ и радикаловъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ чередовавшіяся во главѣ управленія и наполнившія своими единомышленниками администрацію, магистратуру, армію, уступили безъ борьбы первенство политическимъ врагамъ и противникамъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ немыслимо между враждующими сторонами прочное и искреннее

примиреніе. За то оно представляется вполнѣ возможнымъ на почвѣ преданій празднуемой нынѣ Франціею столѣтней годовщины первой революціи.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, кто признаетъ «безсмертными» принципы 1789 года, и отнюдь не допускаемъ распространенія ихъ чудодѣйственной силы на всѣ времена, на всѣ государства и народы міра. Тысячелѣтняя исторія завѣщала Россіи иныя начала, ни мало съ ними не сходныя, столь же своеобразныя, какъ наша земля и духъ русскаго народа. Мы преданы имъ всею силою разума и чувства, ибо знаемъ, что имъ обязано отечество наше своимъ изумительнымъ ростомъ, мощью, величіемъ, и въ нихъ же видимъ мы залогъ его дальнѣйшаго преуспѣянія, вещественнаго и духовнаго. Но эти драгоцѣнныя начала—наше исключительное достояніе, и напрасно стали бы мы искать ихъ за предѣлами русской державы. Въ силу общепризнаннаго основнаго историческаго закона, внѣшнія отношенія государства ни мало не въ зависимости отъ условій его внутренняго существованія. «Я не говорю и не хочу вступать въ споръ»—писалъ Императоръ Павелъ I Первому Консулу французской республики,—«ни о правахъ человѣка, ни о принципахъ различныхъ правленій, усвоенныхъ обѣими странами, но лучше позаботимся о возвращеніи міру отдыха и покоя, столь ему потребныхъ и столь отвѣчающихъ непреложнымъ законамъ Всевышняго. Я готовъ выслушать васъ и уговориться съ вами» [1]). Слова эти вполнѣ ясно опредѣляютъ единственно вѣрную точку зрѣнія въ международномъ обиходѣ. Такъ, и намъ предстоитъ нынѣ заняться обсужденіемъ вопроса не о томъ, какой образъ правленія наиболѣе пригоденъ для Франціи, а единственно о томъ, какія перемѣны внесло движеніе 1789 года въ отношенія ея къ Россіи?

Съ первыхъ сношеній съ Москвою, въ половинѣ XVII вѣка, древняя французская монархія стала къ намъ въ положеніе враждебное, обусловленное союзными связями дома Бурбоновъ съ исконными врагами государства Россійскаго: Швеціею, Польшею, Турціею. Тщетно Великій Петръ, въ бытность свою въ Парижѣ, убѣждалъ французскихъ министровъ замѣнить всѣ прежніе союзы союзомъ съ Россіей. «Поставьте меня на мѣсто

---

[1]) Императоръ Павелъ Первому Консулу Бонапарту 18 (29) декабря 1800 г.

Швеціи»—говорилъ онъ имъ, и тутъ же объяснялъ, что въ союзъ съ Швеціею Франція вступила для того, чтобы заручиться ея помощью въ борьбѣ своей съ австрійскимъ домомъ. Но какую помощь можетъ оказать Швеція, изнуренная продолжительною и бѣдственною войною, тогда какъ Россія—государство молодое, полное свѣжихъ силъ и одинаково съ Франціею заинтересованное въ недопущеніи разростанія монархіи Габсбурговъ. Доводы эти не были доступны пониманію закоренѣлыхъ въ предразсудкахъ французскихъ дипломатовъ того времени, и въ продолженіе всего XVIII вѣка Франція неизмѣнно становилась на сторону враговъ Россіи. Вотъ почему, когда вспыхнула революція, Императрица Екатерина II имѣла полное основаніе натравить всю монархическую Европу на Францію, какъ на державу, заявившую себя заклятою и непримиримою противницею ея Имперіи.

Французская революція устранила причины, препятствовавшія сближенію Франціи съ Россіей. Мысль о тѣсномъ союзѣ двухъ державъ зародилась впервые въ умѣ генерала Бонапарта, когда онъ былъ еще консуломъ, и осуществлена имъ же, нѣсколько лѣтъ спустя, хотя и не надолго, въ Тильзитѣ. Съ тѣхъ поръ и до начала семидесятыхъ годовъ нашего столѣтія, національныя пользы и нужды Франціи неоднократно увлекали ее на путь союза и дружбы съ нами, съ котораго снова ее совращали династическіе интересы государей, послѣдовательно ею правившихъ. За послѣдніе восемнадцать лѣтъ существованія третьей республики тѣ же колебанія повторялись, хотя и вызванныя иными побужденіями.

«У современной Франціи нѣтъ внѣшней политики»—говорилъ пишущему эти строки нашъ бывшій посолъ въ Парижѣ, князь Орловъ, лѣтомъ 1878 года, въ то самое время, когда на берлинскомъ конгрессѣ французскіе уполномоченные какъ разъ доказывали противное, вступая въ стачку съ прочими великими державами Запада, съ цѣлью обездолить Россію, лишить ее на Востокѣ плодовъ ея побѣдъ, помѣшать осуществленію безкорыстнаго ея подвига освобожденія единовѣрныхъ и единокровныхъ племенъ. И такую перемѣну фронта совершила республиканская Франція не далѣе какъ чрезъ три года послѣ того, какъ сама была спасена великодушнымъ вмѣшательствомъ Россіи отъ грозной опасности вторичнаго нападенія и разгрома со стороны Германіи.

Причиною тому былъ переворотъ, совершившійся во Франціи въ самый разгаръ русско-турецкой войны 1877 года и повлекшій за собою устраненіе отъ власти консерваторовъ и переходъ ея въ руки новаго республиканскаго большинства. Признаннымъ главою и руководителемъ этого большинства былъ Гамбетта, имѣвшій немало поводовъ искать во внѣшней политикѣ путей отличныхъ отъ тѣхъ, коимъ слѣдовалъ герцогъ Деказъ, бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ за все время президентства маршала Макъ-Магона и постоянно опиравшійся на Россію. Начать съ того, что дипломатія наша упорно чуждалась Гамбетты, пока онъ находился въ оппозиціи, такъ что, когда осенью 1873 года онъ предпринялъ поѣздку въ Веве, съ намѣреніемъ представиться русскому канцлеру, то даже не былъ принятъ княземъ Горчаковымъ. А между тѣмъ, дипломаты прочихъ державъ, въ особенности англичане, осыпали его знаками вниманія и предупредительности, товарищъ статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Гладстона, сэръ Чарльзъ Дилькъ, сталъ близкимъ его другомъ и даже принцъ Валлійскій, часто наѣзжавшій въ Парижъ, поспѣшилъ съ нимъ познакомиться, не только принявъ его, но и отдавъ ему визитъ. Вспомнимъ также, что Россія того времени пребывала, по крайней мѣрѣ по наружности, въ тѣсномъ единеніи съ Германіею и состояла членомъ трехдержавнаго союза. Наконецъ, Гамбеттою руководило еще одно соображеніе, обличающее въ немъ тонкое политическое чутье.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Nouvelle Revue* г-жа Адамъ обнародовала крайне любопытное письмо къ ней Гамбатты, въ которомъ основатель оппортунизма излагалъ свои взгляды на внѣшнія отношенія Франціи и на положеніе ея среди прочихъ великихъ европейскихъ державъ. Въ письмѣ этомъ, писанномъ осенью 1876 года, незадолго до созванія константинопольской конференціи, то-есть въ то самое время, когда ясно обозначалась неминуемость столкновенія между Россіею и Турціею, Гамбетта, подъ личиною дружественнаго расположенія Берлина къ Петербургу, разгадалъ готовившійся переломъ въ политикѣ нѣмецкаго канцлера и предсказалъ обращеніе противъ Россіи и предполагаемыхъ у нея замысловъ на Востокѣ двухъ ея прежнихъ союзницъ, Германіи и Австро-Венгріи. «Тогда»,—предсказывалъ онъ,—«Европѣ снова понадо-

бится Франція и самыя выгодныя предложенія будутъ сдѣланы ей, быть можетъ, со стороны, на которую она всего менѣе разсчитываетъ».

Предсказаніе оправдалось и не далѣе какъ чрезъ два года, предложенія были дѣйствительно сдѣланы на берлинскомъ конгрессѣ и послѣ него, предложенія заманчивыя, обольстительныя и разнообразныя: за соглашеніе съ Германіей князь Бисмаркъ готовъ былъ предоставить французскимъ государственнымъ людямъ вознагражденіе, гдѣ бы они ни пожелали, въ Тонкинѣ или въ Тунисѣ, и даже въ Европѣ, на границахъ Бельгіи или Швейцаріи. Одного не предлагалъ нѣмецкій канцлеръ: возвращенія Лотарингіи и Эльзаса, безъ котораго съ французской точки зрѣнія немыслимо было примиреніе съ «наслѣдственнымъ врагомъ». Гамбетта убѣдился въ этомъ довольно поздно, и, разочаровавшись въ Германіи, почти наканунѣ смерти обратилъ на Россію взоры, полные упованія.

Послѣдующія событія вполнѣ доказали, что вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи является неодолимымъ препятствіемъ къ возстановленію дружественныхъ отношеній между Франціею и Германіею. Въ самомъ дѣлѣ, никакія силы въ мірѣ не въ состояніи вырвать изъ памяти французовъ болѣзненное воспоминаніе объ утратѣ двухъ областей, а пока не залѣчена эта рана, не можетъ быть и рѣчи объ искреннемъ примиреніи ихъ съ побѣдителями 1870—71 годовъ. Съ другой стороны, Германія, по весьма понятнымъ причинамъ, не допускаетъ и мысли о добровольномъ возвращеніи территоріи, пріобрѣтеніе которой стоило ей столько крови и трудовъ, и которая къ тому же обезпечиваетъ собственные ея предѣлы отъ иноземнаго вторженія. Такимъ образомъ, обѣ союзныя державы обречены на отношенія подозрительныя и натянутыя, грозящія ежечасно новымъ и страшнымъ взрывомъ изъ-за самаго ничтожнаго предлога. Проистекающая отсюда постоянная опасность для Франціи, столица которой отдалена лишь на нѣсколько переходовъ отъ нѣмецкой границы, и побуждаетъ ее взирать на русскую защиту и помощь, какъ на послѣдній якорь спасенія.

Въ этомъ согласны французы всѣхъ партій безъ исключенія, съ тою лишь разницею, что тѣ изъ нихъ, кто не находятся у власти и не несутъ сопряженной съ нею отвѣтственности, громко разсуждаютъ о своихъ опасеніяхъ и надеждахъ, тогда

какъ люди, управляющіе нынѣ судьбами Франціи, довольствуются тѣмъ, что, согласно завѣту Гамбетты, «постоянно помышляютъ о томъ, но не говорятъ ни слова».

Печалованіе объ отторгнутыхъ насиліемъ областяхъ, усиленно продолжающихъ тяготѣть къ Франціи, было, какъ мы сказали, мостомъ, соединившимъ ее съ нами, другими словами,— ближайшимъ поводомъ къ сближенію ея съ Россіею. Но самое сближеніе покоится, къ счастью, на основаніи болѣе твердомъ и широкомъ. Объясненіемъ и оправданіемъ ему служитъ во Франціи, какъ и въ Россіи, болѣе тщательное изученіе исторіи, почерпнутое въ немъ убѣжденіе, что раздорами своими въ прошедшемъ обѣ страны лишь играли въ руку общимъ врагамъ своимъ и что обоюдныя ихъ пользы не только не противуположны, а напротивъ, могутъ быть обезпечены лишь дружнымъ дѣйствіемъ ихъ сообща, въ духѣ искренняго взаимнаго доброжелательства.

Общественная мысль и зародившееся въ ней сочувствіе расчистило почву для дѣйствій дипломатіи, создавъ для Россіи во Франціи такое положеніе, благопріятнѣе котораго нельзя себѣ и представить. Остается пожелать, чтобы дипломатія воспользовалась имъ и извлекла изъ него наибольшую сумму выгодъ для русской политики, для скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго достиженія ея цѣлей. Лишь небрежности ея въ этомъ отношеніи приходится, какъ мы видѣли, приписать, что спасенная нами въ 1875 году Франція очутилась на берлинскомъ конгрессѣ въ станѣ враговъ нашихъ. Два года назадъ мы оказали французамъ не меньшую услугу, порвавъ союзную связь съ Германіей и отказавшись мирволить враждебнымъ замысламъ ея противъ Франціи. Неужели и эта услуга пройдетъ для насъ даромъ? Восточный вопросъ назрѣваетъ, и въ день близкой развязки голосъ и мечъ Франціи снова получитъ значительный вѣсъ. Нельзя дипломатамъ уподобляться птицамъ небеснымъ, не сѣющимъ, не жнущимъ и въ житницы не собирающимъ, словомъ, не заботящимся о завтрашнемъ днѣ. Даръ предвѣдѣнія— драгоцѣнный даръ для людей, коимъ ввѣрено руководство внѣшними дѣлами отечества. Пусть только отрекутся они отъ кореннаго заблужденія, что у французской республики «нѣтъ внѣшней политики», и напрягутъ свой умъ и изобрѣтательность для изысканія средствъ и способовъ, коими Франція, взывающая

нынѣ къ нашей помощи, могла бы въ свою очередь придти, въ часъ нужды, на помощь Россіи.

Но не суждено ли намъ въ будущемъ снова увидать Францію въ рядахъ обще-европейской коалиціи, направленной противъ Россіи? Грядущее въ рукахъ Божіихъ, и ничто не вѣчно въ политикѣ, какъ и въ природѣ. Все же намъ сдается, что вопросъ о переходѣ Франціи на сторону враговъ нашихъ зависитъ прежде всего отъ степени нашего умѣнья удержать ее на нашей сторонѣ. Дипломатія не въ силахъ создавать положенія, но она обязана пользоваться ими для своихъ цѣлей. У русской дипломатіи по отношенію къ Франціи теперь—всѣ козыри въ рукахъ. Отъ нея зависитъ, не довольствуясь однимъ почетомъ, искать обезпечить себя надежными ручательствами. Если же при всемъ томъ она, въ концѣ концовъ, проиграетъ игру, то пенять должна будетъ на себя, на собственную косность, и тяжела будетъ отвѣтственность ея предъ Царемъ и Россіей.

Какъ ни отдаленною представляется такая опасность, непростительно было бы вовсе упустить ее изъ виду. Напоминаніемъ о ней служатъ намъ недавнія упражненія нѣмецкихъ оффиціозовъ, снова въ одинъ голосъ затянувшихъ старую пѣсню о солидарности европейскихъ культурныхъ интересовъ. На этотъ разъ, впрочемъ, заигрываютъ они не съ французами противъ насъ, а съ Англіею противъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, дерзнувшихъ воспротивиться насильственному захвату Германіею острововъ Самоа въ Тихомъ океанѣ. Засѣдающая въ Берлинѣ конференція по этому вопросу служитъ новымъ доказательствомъ изумительной изворотливости князя Бисмарка, умѣющаго обращать себѣ на пользу даже неудачи своей политики. Вся вина свалена имъ на избытокъ усердія мѣстнаго нѣмецкаго консула, яко-бы самовольно вышедшаго изъ предѣловъ преподанныхъ ему наставленій. Такою искупительною жертвою добыто согласіе Лондона и Вашингтона на созывъ въ германской столицѣ совѣщанія изъ представителей трехъ державъ, которые, въ предсѣдательствѣ графа Герберта Бисмарка, уже приступили къ мирному улаженію возникшихъ между ними пререканій.

Занятое въ настоящую минуту преимущественно устройствомъ своихъ колоніальныхъ дѣлъ, нѣмецкое дипломатическое вѣдомство соблюдаетъ большую сдержанность въ отношеніяхъ

къ непосредственнымъ сосѣдямъ на Западѣ и на Востокѣ. Лишь изрѣдка, покорная внушеніямъ свыше, берлинская печать огрызается то на сторону Франціи, то на сторону Россіи, да время отъ времени въ газетахъ итальянскихъ или австро-венгерскихъ появляются статьи, своимъ задоромъ противъ двухъ вышепоименованныхъ державъ обличающія прусское происхожденіе. Такъ, на-дняхъ, римское «*Opinione*» пустило въ обращеніе нелѣпое извѣстіе, будто правительство французской республики вступило въ переговоры съ католическими государствами о принятіи общихъ мѣръ для возстановленія свѣтской власти папы. Сообщеніе это можетъ лишь вызвать улыбку на устахъ итальянскихъ государственныхъ людей, но оно вѣрно разсчитано на столь легко воспламеняющееся общественное мнѣніе Италіи, такъ же точно, какъ въ Венгріи находятъ полную вѣру во всѣхъ слояхъ населенія неустанные вопли и сѣтованія «*Pester Lloyd'a*» объ усиленныхъ вооруженіяхъ Россіи, грозящихъ-де гибелью австро-мадьярской монархіи.

Вопросъ о русскихъ вооруженіяхъ не въ первый разъ выплываетъ наружу въ средне-европейской печати. Она съ любовью возвращается къ нему со времени прошлогодней рѣчи, посвященной ему княземъ Бисмаркомъ, въ одномъ изъ засѣданій германскаго имперскаго сейма. Припоминая слова нѣмецкаго канцлера, не можемъ не отмѣтить, что князь Бисмаркъ старался пріискать множество объясненій причинамъ, побудившимъ наше правительство стянуть значительныя силы къ своей западной границѣ. Онъ призналъ, что цѣлью его не можетъ быть нападеніе на прусскія и австрійскія пограничныя области, а еще менѣе — отторженіе ихъ, ибо порукою въ томъ служитъ слово русскаго Государя. Но если не съ завоевательными видами, то для чего сосредоточила Россія столько войска на Вислѣ и Нѣманѣ? И князь Бисмаркъ отвѣчаетъ цѣлымъ рядомъ предположеній. Вѣроятно для того, говоритъ онъ, дабы въ ближайшемъ европейскомъ кризисѣ придать болѣе вѣса голосу Россіи посреди европейскаго ареопага, а быть можетъ и въ виду скораго возбужденія Восточнаго вопроса, котораго позволительно-де ожидать къ концу столѣтія, или же новаго польскаго возстанія. Въ предусмотрительности своей нѣмецкій канцлеръ зашелъ даже такъ далеко, что скопленіе русскихъ военныхъ силъ на австро-прусской границѣ приводилъ въ связь съ ги-

потезою правительственнаго кризиса во Франціи. Одно лишь обстоятельство онъ упорно отказывался взять въ разсчетъ—то именно, что̀ послужило русскому правительству главнымъ и едва-ли не существеннымъ побужденіемъ къ принятію необходимыхъ мѣръ предосторожности: возможность нападенія на наши предѣлы Германіи и Австріи, въ союзѣ съ Швеціею на Сѣверѣ и съ Румыніею на Югѣ, съ цѣлью отторженія отъ Россіи въ пользу союзниковъ всѣхъ ея западныхъ окраинъ: Финляндіи, Прибалтійскаго, Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, Царства Польскаго и Бессарабіи. Какъ будто такая случайность никогда не обсуждалась въ средне-европейской оффиціозной печати, въ историческихъ сочиненіяхъ, въ средѣ кабинетовъ державъ, составляющихъ пресловутую «Лигу Мира». А вѣдь стоило только князю Бисмарку привести эту причину, и всѣ прочія, имъ измышленныя, отпадали сами собою.

Гдѣ же Россіи и держать свои войска, какъ не въ сторонѣ, съ которой одной только и можетъ послѣдовать вторженіе непріятеля въ ея предѣлы? Такого вторженія нельзя ожидать ни съ Востока, ни съ Юга, такъ какъ мы живемъ въ мирѣ съ Китаемъ, Средняя Азія не помышляетъ объ освобожденіи изъ-подъ нашего господства, туркменская степь усмирена, пограничный споръ съ Афганистаномъ улаженъ, Персія спокойна, а Турція доведена до состоянія крайняго безсилія. Западная же наша граница открыта, та самая граница, черезъ которую вторгались въ сердце Россіи Литва и Польша въ семнадцатомъ вѣкѣ, Карлъ XII въ восемнадцатомъ и въ девятнадцатомъ—Наполеонъ. А по ту сторону ея сосредоточены грозныя силы, далеко превосходящія числомъ и вооруженіемъ тѣ, коими располагали эти завоеватели. Въ свою очередь, спросимъ: для чего Германія и Австрія стягиваютъ войска свои къ нашей границѣ? Если насъ ничто не обезпечиваетъ отъ ихъ нападенія, то они вѣдь увѣрены, что мы не нападемъ на нихъ, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ знаменательныхъ словъ самого нѣмецкаго канцлера: «*Я убѣдился, что русскій Императоръ не питаетъ противъ насъ воинственныхъ намѣреній и не расположенъ напасть на насъ и вообще вести наступательныхъ войнъ. Печати я не вѣрю, но слову Царя я вѣрю, и полагаюсь на него безусловно*». Далѣе князь Бисмаркъ высказалъ свое глубокое убѣжденіе даже въ томъ, что и въ случаѣ войны Франціи съ Германіей Россія не со-

вершитъ нападенія на послѣднюю. Но если такъ, то опять повторяемъ: къ чему обращать въ обширный вооруженный лагерь всѣ прусскія и австрійскія области сопредѣльныя съ Россіей? Нѣмецкій канцлеръ намъ повѣдалъ, что дѣлается это не для обороны, такъ какъ нападенія не предвидится. Ну, а если не для обороны, то для чего же? Возможенъ лишь одинъ логическій отвѣтъ: для наступленія.

И такъ, не Германіи съ Австріей со стороны Россіи, а Россіи со стороны Германіи и Австріи грозитъ опасность нападенія. Это хорошо знаютъ въ Берлинѣ. въ Вѣнѣ и въ Пештѣ, но знаютъ и то, что вторженіе въ Россію не шутка, и что безумно предпринимать его, пока у союзниковъ не обезпеченъ тылъ, другими словами,—не прельщена или не разгромлена въ конецъ Франція. А въ ожиданіи этого результата, слѣдуетъ неустанно подвигаться въ томъ довольно безопасномъ направленіи, гдѣ русскіе штыки не собираются пока заградить союзникамъ дорогу и искать твердою ногою утвердиться на Балканскомъ полуостровѣ. Новый шагъ на этомъ пути успѣшно сдѣланъ Австро-Венгріею, послѣ долгихъ и трудныхъ переговоровъ, приблизившейся къ достиженію давно намѣченной цѣли: пріобрѣтенія сѣти желѣзныхъ дорогъ Европейской Турціи.

Русское общество привыкло довольно равнодушно относиться къ экономическимъ вопросамъ, касающимся славянскаго и вообще православнаго Востока, какъ бы не отдавая себѣ яснаго отчета въ ихъ воздѣйствіи на политическія судьбы его. Въ ряду этихъ вопросовъ едва-ли не первое мѣсто занимаютъ желѣзныя дороги, какъ самый удобный проводникъ вліяній Запада на Балканскомъ полуостровѣ. Вотъ почему особеннаго нашего вниманія заслуживаетъ состоявшееся 17 (29) апрѣля въ Будапештѣ постановленіе совѣта управленія общества государственныхъ австро-венгерскихъ дорогъ о соглашеніи съ австрійскимъ кредитнымъ обществомъ на счетъ покупки принадлежавшей доселѣ барону Гиршу желѣзнодорожной сѣти. На 19 (31) мая созвано чрезвычайное общее собраніе акціонеровъ того же общества, для утвержденія упомянутой сдѣлки.

Понятно и естественно, что мадьярскій министръ-президентъ Тисса выразилъ по поводу предположенной покупки полное свое удовольствіе. Перейдя въ руки австро-венгерскихъ капиталистовъ турецкія желѣзныя дороги завершатъ на сухомъ пути

закрѣпощеніе Вѣнѣ и Пешту остатковъ Оттоманской имперіи въ Европѣ, начатое съ моря, полвѣка тому назадъ, основаніемъ пароходнаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ Австрійскаго Ллойда. Намъ могутъ возразить, что все это учрежденія частныя, хотя и поддерживаемыя правительствомъ, но въ выгодахъ коихъ оно не участвуетъ. Подобное возраженіе обличило бы лишь полное незнакомство съ австрійскими порядками и со степенью того участія, которое вѣнскій кабинетъ принимаетъ во всемъ, что относится до распространенія на Востокѣ вліянія Дунайской монархіи, какъ политическаго, такъ и хозяйственнаго.

Въ Вѣнѣ существуютъ два правительственныя учрежденія, спеціальное назначеніе которыхъ — служить распространенію этого вліянія на всемъ пространствѣ бывшей Оттоманской имперіи, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Первое изъ нихъ называется торгово-политическимъ отдѣленіемъ министерства иностранныхъ дѣлъ. На обязанности его лежитъ изыскивать всѣ способы ко споспѣшествованію успѣхамъ австро-венгерской торговли и промышленности, къ обезпеченію имъ обширныхъ прибыльныхъ рынковъ для сбыта ихъ произведеній и къ согласованію коммерческихъ интересовъ монархіи съ ея политическими цѣлями. Широкое развитіе торгово-промышленныхъ сношеній Австро-Венгріи съ Левантомъ свидѣтельствуетъ о ревности и умѣньи, съ какимъ означенное отдѣленіе дипломатическаго вѣдомства трудится надъ разрѣшеніемъ порученной ему задачи.

Другое учрежденіе, преслѣдующее еще болѣе широкія цѣли— императорско-королевская восточная академія въ Вѣнѣ. Это разсадникъ будущихъ дипломатическихъ и консульскихъ дѣятелей на Востокѣ. Въ названномъ не только учебномъ, но и воспитательномъ заведеніи, лица, готовящіяся служить проводниками австро-венгерскаго вліянія, основательно знакомятся со всѣмъ, что касается Востока, съ его нарѣчіями, исторіею, религіознымъ, политическимъ, гражданскимъ, торговымъ, промышленнымъ и бытовымъ строемъ. Такая спеціальная подготовка даетъ имъ громадное преимущество предъ ихъ чужестранными товарищами въ будущей ихъ дѣятельности, преимущество свѣдущихъ надъ несвѣдущими, зрячихъ надъ слѣпыми. Общее воспитаніе развиваетъ въ нихъ также такъ на-

зываемый esprit de corps, взаимное доброжелательство, столь полезное для успѣха порученнаго имъ дѣла. Наконецъ, слѣдя за ними съ учебной скамьи, министерство иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдѣніи коего находится академія, имѣетъ возможность распредѣлять между ея питомцами вакантныя должности сообразно ихъ успѣхамъ въ изученіи тѣхъ или другихъ предметовъ, способностямъ и нравственной благонадежности. Не менѣе торгово-политическаго отдѣленія, восточная академія содѣйствовала прочному насажденію въ различныхъ краяхъ Востока вліянія Австро-Венгріи и процвѣтанію ея матеріальныхъ интересовъ.

Къ сожалѣнію, въ нашей дипломатической организаціи нѣтъ ничего похожаго на оба помянутыя учрежденія. Существующее въ С.-Петербургѣ Учебное Отдѣленіе Восточныхъ Языковъ призвано удовлетворять узко ограниченной потребности: подготовленію въ наши посольства и консульства драгомановъ, владѣющихъ мѣстными языками. Личный составъ дипломатовъ и консуловъ на Востокѣ совершенно случайный. Служба въ восточныхъ странахъ, за исключеніемъ драгоманской, не считается спеціальною, и туда переводятъ чиновниковъ откуда ни попало, обыкновенно по старшинству, иногда по протекціи, не предъявляя имъ притомъ особыхъ требованій. Образовательнаго ценза—никакого. Уровень познаній весьма не высокъ, по программѣ такъ называемыхъ дипломатическихъ экзаменовъ, въ которой поражаетъ отсутствіе упоминанія объ изученіи Востока, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Даже исторія русской политики или, какъ именуетъ ее циркуляръ министерства иностранныхъ дѣлъ объ экзаменахъ, «исторія договоровъ мирныхъ и иныхъ, преимущественно тѣхъ, въ коихъ принимала участіе Россія», требуется отъ кандидатовъ лишь начиная съ царствованія Императрицы Екатерины II, то-есть всего за одно столѣтіе изъ нашей тысячелѣтней государственной жизни. Объ исторіи церковной, столь важной для опредѣленія отношеній Россіи къ ея восточнымъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ, разумѣется, нѣтъ и помину.

Не имѣется въ нашемъ Посольскомъ Приказѣ и особаго отдѣленія для завѣдыванія дѣлами торговой политики, самое понятіе о которой—что таить грѣха—чуждо нашимъ дипломатическимъ преданіямъ. Торговая политика есть искусство пріурочивать коммерческіе и промышленные интересы государства къ его

политическимъ цѣлямъ, а русская дипломатія всегда хвалилась и хвалится своимъ безкорыстіемъ, въ особенности на Востокѣ, гдѣ она еще недавно прямо отрицала существованіе у Россіи какихъ-либо матеріальныхъ интересовъ [1]). Какъ всякое искусство, торговая политика требуетъ дѣятелей вполнѣ свѣдущихъ, компетентныхъ, опытныхъ, хорошо знающихъ Россію и условія нашего производства, а такихъ едва-ли возможно найдти въ современномъ русскомъ дипломатическомъ составѣ. Положимъ, въ числѣ прочихъ требованій приведенной нами выше экзаминаціонной программы упоминается и политическая экономія въ примѣненіи ея къ государству и къ внѣшней торговлѣ, а также общая статистика, но русскіе люди едва-ли догадаются, какія руководства по этимъ наукамъ рекомендуются испытуемымъ? Цитуемъ по Ежегоднику министерства иностранныхъ дѣлъ за 1883 годъ: по статистикѣ — Кольбъ, а по политической экономіи—Джонъ Стюартъ Милль, Рошеръ, Молинари, Росси, всѣ во французскихъ подлинникахъ или переводахъ. Можно себѣ представить, какія богатыя свѣдѣнія почерпнетъ кандидатъ изъ сочиненій доктринеровъ Запада о производительныхъ силахъ Россіи, о жизненныхъ потребностяхъ ея торговли и промышленности, о средствахъ обезпечить имъ перевѣсъ въ состязаніи съ промышленностью и торговлею другихъ странъ?

Въ результатѣ выходитъ, что мы добровольно отказываемся отъ могучаго подспорья, коимъ экономическая пропаганда является при преслѣдованіи видовъ чисто политическихъ и наоборотъ, даже успѣхи нашей внѣшней политики не умѣемъ обращать на пользу русскаго народнаго труда. Мы такъ и не пытаемся вступать на хозяйственной почвѣ въ борьбу съ Западною Европою, ибо чувствуемъ себя безоружными въ виду противниковъ, обладающихъ и располагающихъ всѣми усовершенствованіями науки и техники, и еслибы спасти Востокъ отъ поглощенія Западомъ въ торгово-промышленномъ отношеніи зависѣло исключительно отъ нашего противодѣйствія, то плоха была бы ему надежда на спасеніе. Къ счастію его и нашему, въ средѣ молодыхъ государственныхъ организмовъ Балканскаго полуострова замѣчается въ послѣднее время пробужденіе на-

[1]) «... У Россіи нѣтъ въ этихъ странахъ никакихъ матеріальныхъ интересовъ, которые она могла бы преслѣдовать». (Князь Горчаковъ на берлинскомъ конгрессѣ, см. протоколъ III засѣданія 7 (19) іюня 1878 г.).

родныхъ силъ и самосознанія, стремленіе отстоять свою независимость, политическую и экономическую, отъ хищныхъ посягательствъ средне-европейскихъ державъ и въ то же время направить дальнѣйшее свое развитіе въ смыслѣ, указываемомъ исторіею и національными преданіями. Въ предъидущемъ обозрѣніи мы отмѣтили, какъ знаменательное проявленіе именно такого настроенія, — отреченіе отъ престола короля Милана и переходъ власти въ Сербіи въ руки партіи народниковъ, къ составу которой принадлежатъ всѣ безъ исключенія члены кабинета Груича-Таушановича. Нынѣ мы съ неменьшимъ удовольствіемъ заносимъ въ нашу лѣтопись однозначущее паденіе юнимистовъ въ Румыніи и образованіе консервативнаго министерства въ предсѣдательствѣ г. Катарджи.

Совпаденіе этихъ двухъ событій даетъ намъ право утверждать, что и на Востокѣ обстоятельства давно уже не слагались болѣе благопріятнымъ для Россіи образомъ. Было бы однако опаснымъ заблужденіемъ ожидать, что, благодаря имъ, наши дѣла на Балканскомъ полуостровѣ устроятся сами собою, что вліяніе наше возстановится на всемъ его пространствѣ безъ того, чтобы мы сами позаботились о томъ и приложили свои руки къ дѣлу. Какія цѣли должна себѣ намѣтить русская политика въ этихъ странахъ и какими средствами стремиться къ ихъ достиженію—вопросъ необыкновенно важный и сложный до крайности, коего мы намѣрены коснуться ближе и подробнѣе въ нашихъ слѣдующихъ бесѣдахъ.

Здѣсь же мы хотимъ ограничиться однимъ общимъ замѣчаніемъ. Самодержавная власть начертала русской дипломатіи мудрую и достойную политическую программу, выражающуюся въ двухъ словахъ: «свобода дѣйствія». Сидѣть сложа руки и у моря ожидать погоды—значило бы извращать ея истинный смыслъ и значеніе. Свобода *дѣйствія* не должна вырождаться въ свободу *бездѣйствія*. Въ международной политикѣ, гдѣ все кругомъ движется, вращается и живетъ, праздность, безпечность и нѣга—величайшія изъ золъ.

VI.

Король Гумбертъ въ Берлинѣ. — Внѣшняя политика современной Италіи. — Отношенія ея къ Франціи.—Подчиненіе руководству князя Бисмарка.—Миролюбивое настроеніе французскаго правительства и общества.—Рабочее движеніе въ Западной Европѣ. — Связь Россіи съ Востокомъ.—Восточная политика русскаго двора.—Греція.—Румынія.—Сербія.—Болгарія.—Неизбѣжность столкновенія между Западомъ и Востокомъ.

Парижъ, 20 мая, (1 іюня) 1889 г.

Посѣщеніе въ Берлинѣ германскаго императора королемъ Италіи хотя и не создало новаго положенія, но выставило въ яркомъ освѣщеніи тѣсную союзную связь, установившуюся между обоими, почти одновременно объединившимися государствами по сю и по ту сторону Альпійскаго хребта. «Нѣтъ болѣе Пиренеевъ», торжественно провозгласилъ Лудовикъ XIV, водворяя внука своего на испанскомъ престолѣ. Съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ могли бы воскликнуть, протягивая другъ другу руку, императоръ Вильгельмъ II и король Гумбертъ: «Нѣтъ болѣе Альповъ!»

Присоединеніе Италіи къ политической системѣ нѣмецкаго канцлера обыкновенно связываютъ у насъ съ именемъ нынѣшняго главы итальянскаго министерства, г. Криспи. Это не точно, и мысль о сближеніи съ могущественною германскою имперіею зародилась, гораздо ранѣе вступленія названнаго министра въ управленіе, въ умѣ самого короля, подъ вліяніемъ довѣреннаго его совѣтника, графа Робиланта, бывшаго многіе годы представителемъ Италіи въ Вѣнѣ и въ кратковременное завѣдываніе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ приложившаго свою подпись къ первому письменному договору съ Германіей. Корни такой политики кроются еще глубже, въ историческихъ пре-

даніяхъ Савойскаго дома, искони придерживавшагося правила—дружить съ сильнѣйшею стороною въ международныхъ распряхъ, дабы при помощи ея поживиться на счетъ стороны слабѣйшей. Впрочемъ г. Криспи вполнѣ усвоилъ преемственную политику династіи, а князь Бисмаркъ, принявъ въ свое общеніе маститаго революціонера, нѣкогда сообщника Маццини и сподвижника Гарибальди, лишній разъ доказалъ, до какой степени онъ свободенъ отъ дипломатическихъ предубѣжденій и предразсудковъ и какъ мало имѣетъ въ глазахъ его значенія политическое прошлое иностраннаго министра, коль скоро министръ этотъ представляется удобнымъ и покорнымъ орудіемъ для содѣйствія ему въ достиженіи намѣченныхъ имъ политическихъ цѣлей.

Намъ, русскимъ людямъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Италія примкнула къ австро-германскому соглашенію какъ разъ въ то время, когда Россія выступила изъ тройственнаго союза. Занявъ въ помянутомъ союзѣ мѣсто Россіи, она была пріобщена къ замысламъ Германіи и Австріи, къ посягательствамъ ихъ на самобытность и независимость православнаго Востока. Въ этой обѣтованной землѣ нѣмцевъ и австро-мадьяръ извѣстная доля отмежевана и итальянцамъ. Они же должны заинтересовать въ общемъ дѣлѣ дружественно расположенную къ нимъ Англію, убѣдить ее принять участіе въ полюбовномъ дѣлежѣ турецкаго наслѣдства, дѣлежѣ, изъ котораго исключена одна Франція, но и то лишь до тѣхъ поръ, пока она не сознаетъ солидарности своей съ прочими державами Запада и не согласится занять подобающее мѣсто, указанное ей въ европейской федераціи что задумана умомъ князя Бисмарка, руководится его волею.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что, со времени вступленія своего въ тройственный союзъ, итальянское королевство является въ восточныхъ дѣлахъ противникомъ Россіи, по той простой причинѣ, что Россія—единственное препятствіе, встрѣчаемое Западомъ въ его усиліяхъ къ порабощенію Востока. Когда, подобно всѣмъ великимъ міровымъ вопросамъ, вопросъ Восточный будетъ разрѣшаться огнемъ и мечемъ на поляхъ кровопролитныхъ сраженій,—мы неизбѣжно встрѣтимъ итальянцевъ въ рядахъ враговъ нашихъ. Но и теперь, пока еще всѣ восточныя усложненія мирно обсуждаются въ дипломатическихъ

совѣщаніяхъ, въ средѣ европейскаго концерта, голосъ Италіи обезпечиваетъ большинство враждебной намъ стачкѣ Берлина и Вѣны съ Лондономъ. Таково, съ русской точки зрѣнія, послѣдствіе объединенія Италіи, возведенія ея на степень великой державы.

А между тѣмъ, именно съ этой единственно разумной и правильной *національной* точки зрѣнія, никто, кажется, и не думалъ у насъ взирать на событія, совершавшіяся на Аппенинскомъ полуостровѣ. Русская дипломатія при Императорѣ Николаѣ противодѣйствовала стремленіямъ итальянцевъ къ объединенію изъ дружбы къ Австріи, а въ царствованіе Императора Александра II она же признала итальянское королевство, несмотря на его возмутительно-революціонное происхожденіе, въ угоду Наполеону III, наканунѣ дипломатическаго похода, который тотъ уже замышлялъ на Россію по польскому дѣлу. Тогда же русское общество, въ лицѣ передовыхъ представителей науки и литературы, рукоплескало захвату Сардиніею всей Средней Италіи, возстанію Сициліи, беззаконному вторженію пьемонтцевъ въ Неаполитанскую область. Оно видѣло во всѣхъ этихъ актахъ насилія и безправія торжество пресловутыхъ началъ «свободы» и «прогресса» и никому въ голову не приходило спросить себя: какое положеніе займетъ относительно Россіи и ея историческаго призванія на Востокѣ новообразованная шестая великая держава, другими словами: выгодно или нѣтъ для Русскаго государства объединеніе Италіи?

Позволительно надѣяться, что пробужденіе въ Россіи народнаго самосознанія, въ связи съ тщательнымъ изученіемъ исторіи нашей политики, предохранитъ впредь русское общество отъ подобныхъ воззрѣній на внѣшніе политическіе вопросы. Увлеченіе обще-человѣческими идеалами позволительно лишь подъ условіемъ подчиненія ихъ государственнымъ потребностямъ своей страны. Иначе оно является нарушеніемъ священнѣйшей изъ обязанностей гражданина, преступленіемъ противъ родины. Польза своего государства, благо своего народа — таково должно быть для русскаго человѣка единственное мѣрило всѣхъ событій, совершающихся за предѣлами нашего отечества.

Вотъ почему при разсмотрѣніи настоящихъ отношеній Ита-

ліи къ Франціи насъ всего болѣе занимаетъ поразительное сходство ихъ съ положеніемъ, принятымъ относительно Россіи современною Германіею, сходство, истекающее изъ однородности услугъ, нѣкогда оказанныхъ Франціею Италіи, а Германіи Россіей.

Никто не станетъ оспаривать, что Россія помогла объединенію нѣмцевъ въ мѣрѣ едва-ли не бо̀льшей, чѣмъ французы—единству Италіи. За освобожденіе Германіи отъ господства Наполеона I пролито не меньше русской крови, чѣмъ французской—за изъятіе Италіи изъ-подъ гнета австрійцевъ. Какъ политика Наполеона III, въ сочувствіи своемъ къ итальянскому дѣлу, нерѣдко жертвовала ему политическими интересами Франціи, такъ и русская дипломатія въ минувшее царствованіе благопріятствовала, въ ущербъ себѣ самой, мѣрамъ, которыя князь Бисмаркъ принималъ, съ необычайною энергіею и послѣдовательностью, для осуществленія своей завѣтной цѣли. Разница заключается лишь въ томъ, что бонапартовская Франція выговорила себѣ въ присоединеніи Ниццы и Савойи скромное вознагражденіе за оказанныя громадныя услуги, тогда какъ Россія, въ порывѣ безпредѣльнаго великодушія, даже не заикнулась о какомъ-либо возмездіи. Сказаннаго достаточно, чтобы побудить насъ внимательно прослѣдить на франко-итальянскихъ отношеніяхъ естественныя послѣдствія политическихъ благодѣяній, воспринятыхъ одною державою отъ другой.

Отличительная черта отношеній къ Франціи итальянскаго правительства не равнодушіе или холодность, даже не корыстный разсчетъ, а какая-то злобная ненависть, проявляющаяся со страстностью, далеко выходящею за предѣлы всякаго благоразумія и даже пристойности. Не противъ кого инаго, какъ противъ державы-освободительницы, направлены усиленныя вооруженія на сушѣ и на морѣ, подъ непосильнымъ бременемъ которыхъ изнемогаетъ итальянскій народъ. Всѣмъ извѣстно, что цѣль чрезмѣрнаго усиленія военныхъ силъ молодаго королевства не оборона, ибо никто во Франціи не помышляетъ о нападеніи на Италію, а отторженіе отъ французской республики Савойи и Ниццы, а буде возможно, то и Корсики, и всѣхъ цвѣтущихъ колоній на сѣверно-африканскомъ берегу. Для успѣшнѣйшаго достиженія этой цѣли въ Римѣ отложили на

время всякую заботу о возсоединеніи съ общимъ отечествомъ «неискупленныхъ» братьевъ Тріеста и Трентино, мало того: протянули руку исконному врагу, Австро-Венгріи, вступили съ нею въ дружбу и въ союзъ. Опираясь на могущественную Германію, итальянскіе министры въ рѣчахъ своихъ и писаніяхъ пользуются всякимъ случаемъ, чтобы безнаказанно унижать и оскорблять Францію, отзываясь о ней то съ пренебреженіемъ, то съ задоромъ. Никто въ Европѣ, не исключая князя Бисмарка, не позволялъ себѣ еще говорить съ правительствомъ французской республики вызывающимъ языкомъ дипломатическихъ нотъ г. Криспи.

Такой образъ дѣйствій обличаетъ въ государственныхъ людяхъ Италіи своеобразный взглядъ на участіе, принятое Франціею въ освобожденіи и объединеніи ихъ отечества. Они не прощаютъ его сосѣдней странѣ, какъ кровную обиду, и пылаютъ жаждой отмщенія. Примѣръ этотъ, впрочемъ, далеко не единственный въ современной исторіи Европы.

Нѣмецкій канцлеръ давно постигъ всю выгоду для Германіи отъ подобныхъ взаимныхъ отношеній двухъ главнѣйшихъ представительницъ латинской расы. Подстрекнувъ Францію къ занятію Туниса, онъ создалъ между ними новый поводъ къ раздору, который и побудилъ итальянское правительство броситься въ его объятія. Съ тѣхъ поръ онъ пріобрѣлъ въ Италіи передоваго застрѣльщика, всегда готоваго, по первому знаку изъ Берлина, затѣять ссору съ ненавистными французами. Слѣпая покорность итальянцевъ внушеніямъ князя Бисмарка—могучее средство давленія не только на Россію и Францію, но и на союзную австро-мадьярскую монархію. Она позволяетъ нѣмецкому канцлеру поражать умы властною способностью вызывать бури на политической поверхности Европы и укрощать ихъ, по своему произволу, единымъ маніемъ руки.

Таково именно значеніе вѣсти, разнесшейся изъ Берлина о намѣреніи короля Гумберта сопровождать императора Вильгельма въ Страсбургъ. Она была вѣрно разсчитана на болѣзненную впечатлительность французовъ во всемъ, что представляется имъ посягательствомъ на ихъ народную честь и достоинство. Единодушное негодованіе, возбужденное ею во Франціи, доказало, что, какъ ни мала была искра, ея вполнѣ достаточно, чтобы возбудить всеобщій пожаръ. Къ тому же вѣсти о страс-

бургской поѣздкѣ предшествовало сообщеніе о воинственныхъ рѣчахъ, которыми императоръ германскій обмѣнялся со своимъ гостемъ, на торжественномъ обѣдѣ въ бѣлой залѣ берлинскаго замка. Въ Парижѣ забили тревогу. Французская рента понизилась. Но не прошло и сутокъ, какъ телеграфъ принесъ успокоительное извѣстіе, что король возвращается въ Италію тѣмъ же путемъ, т.-е. минуя «имперскія области». Услужливые оффиціозы съ береговъ Шпрее и Рейна поспѣшили разъяснить, что такимъ оборотомъ Франція обязана миролюбію и умѣренности князя Бисмарка, настоявшаго-де на отмѣнѣ демонстраціи, оскорбительной для самолюбія французовъ. Дѣйствіе произведено, цѣль — достигнута. Отнынѣ Европа увѣруетъ, что миръ ея и покой вселенной — въ рукахъ нѣмецкаго канцлера. Какъ бы въ подтвержденіе этого убѣжденія, совершенно неожиданно раздались примирительныя слова г. Криспи на банкетѣ, данномъ въ честь его депутатами рейхстага. Первый министръ Италіи объявилъ во всеуслышаніе, что «онъ хочетъ мира» и что цѣль германо-итальянскаго соглашенія—обезпеченіе свободы и независимости государствъ и народовъ.

Это—давно намъ знакомый и вѣчно одинъ и тотъ же припѣвъ всѣхъ заявленій создателей и руководителей пресловутой «Лиги Мира». Вмѣняя ей въ заслугу попеченіе о спокойствіи Европы, онъ предполагаетъ въ тѣхъ изъ державъ, что не участвуютъ въ лигѣ, стремленіе возмутить это самое спокойствіе или, какъ любитъ выражаться австро-нѣмецкая оффиціозная печать, «нарушить договоры, на которыхъ зиждется современный европейскій строй», причемъ разумѣются трактаты франкфуртскій, отторгнувшій Эльзасъ и Лотарингію отъ Франціи, и берлинскій, лишившій Россію плодовъ ея блестящихъ побѣдъ на Балканскомъ полуостровѣ. Утвержденіе это—чистѣйшая ложь, тѣмъ болѣе гнусная, что распространяется она завѣдомо, извращая въ самой основѣ взаимное положеніе великихъ державъ.

Мы не станемъ терять ни единой минуты на опроверженіе ея, по скольку она касается Россіи, до того извѣстна всѣмъ строгость, съ которою русскій дворъ относится къ своимъ международнымъ обязательствамъ, свято соблюдаемымъ имъ въ ущербъ собственнымъ пользамъ, даже и въ тѣхъ, къ сожалѣнію, нерѣдкихъ случаяхъ, когда прочіе участники договора

не стѣсняются его условіями. Но мы не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ въ защиту Франціи отъ обвиненія въ воинственныхъ вожделѣніяхъ, взведеннаго на нее княземъ Бисмаркомъ въ послѣдней рѣчи его, произнесенной въ германскомъ рейхстагѣ.

Чтобы понять всю несправедливость такого нареканія, достаточно сопоставить бряцаніе оружіемъ, такъ недавно и такъ громко раздававшееся въ Берлинѣ, по поводу пріема, оказаннаго королю Италіи, съ глубоко-мирнымъ характеромъ торжества, празднуемаго нынѣ во французской столицѣ. Всемірная выставка, по замыслу и выполненію, исключаетъ всякое понятіе объ иной борьбѣ между народами, чѣмъ та, что происходитъ въ соревнованіи ихъ на поприщѣ производства умственнаго и вещественнаго. Въ этой борьбѣ — несомнѣнный перевѣсъ въ силахъ на сторонѣ французовъ, и народная ихъ гордость находитъ себѣ полное удовлетвореніе въ успѣхѣ, увѣнчавшемъ ихъ трудовыя усилія въ области науки, художествъ и промышленности. Нагляднымъ ихъ выраженіемъ, свидѣтельствующимъ о неистощимыхъ богатствахъ Франціи, о трудолюбіи и искусствѣ ея гражданъ, является рядъ зданій, чудесъ современнаго зодчества, наполненныхъ разнообразными произведеніями всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ міра. Довольно одного взгляда на оживленное зрѣлище, представляемое Марсовымъ полемъ съ прилежащими мѣстностями, дабы убѣдиться, что народъ, обладающій такими сокровищами, не станетъ легкомысленно подвергать страну свою опасности иноземнаго вторженія, хотя, конечно, напряжетъ всѣ свои силы, чтобъ отстоять ее въ случаѣ нападенія. Отсюда та, граничащая съ расточительностью щедрость, съ коею народное представительство Франціи надѣляетъ свою армію всѣми возможными усовершенствованіями, ежегодно тратя на вооруженія колоссальныя суммы. Но самыя эти вооруженія, всѣ, безъ исключенія, оборонительнаго, а отнюдь не наступательнаго свойства.

Нынѣшнее французское министерство, какъ и всѣ, ему предшествовавшія, твердо держится именно этого взгляда на внѣшнія отношенія Франціи. Поставивъ себѣ задачею содѣйствовать, на сколько это зависитъ отъ него, поддержанію мира въ Европѣ, оно внутри страны вполнѣ искренно преслѣдуетъ подобную же цѣль: примиреніе враждующихъ партій, подъ условіемъ при-

знанія всѣми существующаго государственнаго и общественнаго строя республики.

Призывъ къ примиренію слышится во всѣхъ рѣчахъ, произнесенныхъ президентомъ республики и его министрами по случаю выставки и сопровождавшихъ ея открытіе празднествъ. «Выставка»,—неоднократно заявлялъ г. Карно,—«не есть предпріятіе какой-либо партіи. Она — дѣло рукъ всей Франціи». Будетъ ли услышанъ этотъ призывъ? При крайнемъ обостреніи отношеній между партіями довольно трудно предвидѣть его послѣдствія. До общихъ выборовъ остается около четырехъ мѣсяцевъ, и за это время могутъ возникнуть новыя усложненія, которыя видоизмѣнятъ нынѣшнее положеніе. Но нельзя не признать, что въ настоящую минуту дѣйствительно замѣчается въ проявленіяхъ общественной мысли нѣкоторое успокоеніе, желаніе въ покоѣ наслаждаться выставкою, успѣхъ которой превзошелъ всѣ ожиданія. Настроеніе это отразилось даже на палатѣ депутатовъ, мирно обсуждающей бюджетъ и, за небольшими исключеніями, тщательно воздерживающейся отъ обычныхъ бурныхъ свалокъ, содѣлавшихъ ее «притчею во языцѣхъ». «Франція скучаетъ», говорилъ Ламартинъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, наканунѣ февральской революціи, которую парижское населеніе и въ самомъ дѣлѣ затѣяло едва-ли не отъ скуки. Нынѣ Франція веселится, ликуетъ, въ особенности Парижъ, оживленный давно небывалымъ наплывомъ массы провинціаловъ и иностранцевъ. При такомъ настроеніи—немыслимы проявленія недовольства. Отсюда и тотъ образцовый внѣшній порядокъ, который ни на мгновеніе не былъ нарушенъ какъ въ столицѣ, такъ и на всемъ пространствѣ Франціи.

Съ глубокимъ спокойствіемъ, господствующимъ во Франціи, въ рѣзкомъ контрастѣ болѣе или менѣе продолжительные, во всякомъ случаѣ крайне знаменательные, безпорядки, вспыхнувшіе почти одновременно въ прочихъ государствахъ Западной Европы. Мы разумѣемъ аграрное движеніе въ Сѣверной Италіи и стачки рабочихъ, начавшіяся въ каменноугольномъ бассейнѣ Вестфаліи и оттуда распространившіяся на Сѣверъ Германіи съ одной стороны, на Саксонію и Чехію—съ другой. Онѣ свидѣтельствуютъ о непрерывающемся на Западѣ непримиримомъ антагонизмѣ труда и капитала, о постоянной борьбѣ между

ними, грозящей серіозною опасностью какъ политическому, такъ и общественному строю западно-европейскихъ государствъ. На ожесточеніе, съ какимъ ведется эта борьба, указываютъ мѣры строгости, къ которымъ пришлось прибѣгать противъ забастовавшихъ рабочихъ—расправа оружіемъ. Кровь текла въ изобиліи съ обѣихъ сторонъ. Правда, личному вмѣшательству въ дѣло императора Вильгельма II удалось примирить рабочихъ съ хозяевами и положить конецъ самой обширной изъ стачекъ, вестфальскихъ углекоповъ. Нельзя не поздравить молодаго государя съ великодушнымъ починомъ, а также съ успѣхомъ, увѣнчавшимъ его заботливость о водвореніи согласія между двумя сословіями своихъ подданныхъ. Но вѣдь успѣхъ этотъ временный и преходящій, такъ какъ состоявшееся соглашеніе не устраняетъ ни одной изъ коренныхъ причинъ, ставящихъ на Западѣ личный трудъ въ полную зависимость отъ капитала. Эти-то причины, кроющіяся главнымъ образомъ въ условіяхъ неравномѣрнаго распредѣленія недвижимой собственности, другими словами въ обезземеленіи крестьянъ, и составляютъ ту основу, на которой зиждется соціально-демократическая организація нѣмецкихъ рабочихъ, обнимающая городъ и деревню и разростающаяся съ каждымъ днемъ, не взирая на строгія, предупредительныя и карательныя мѣры, принимаемыя противъ нея имперскимъ правительствомъ. Одинаковыя причины производятъ одинаковыя послѣдствія въ Англіи, въ Австро-Венгріи и въ Италіи. Въ одной лишь Франціи, гдѣ въ большинствѣ случаевъ крестьяне являются собственниками обработываемыхъ ими земель, соціализмъ вынужденъ набирать своихъ сторонниковъ исключительно среди городскаго рабочаго населенія, коимъ ограничивается въ этой странѣ безземельный пролетаріатъ.

Какъ бы то ни было, экономическіе безпорядки послѣдняго времени ясно указываютъ, что спокойствіе народныхъ массъ зависитъ на Западѣ не столько отъ политическаго устройства того или другаго государства, сколько отъ хозяйственныхъ отношеній между различными классами населенія. Мы хотимъ сказать, что въ Западной Европѣ эра политическихъ революцій можетъ считаться законченною, но тѣмъ грознѣе воздвигается надъ нею призракъ революціи соціальной, разрушительному дѣйствію которой невозможно намѣтить предѣловъ ни въ

пространствѣ, ни во времени. Къ счастью для Россіи, ей не страшны всѣ эти перевороты, совершающіеся по ту сторону ея границъ. Какъ революціонное движеніе, начавшееся въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи и завершившееся возстаніемъ парижской коммуны въ 1871 году, наводнивъ весь Западъ. само собою остановилось на русскомъ рубежѣ, такъ не переступитъ послѣдній и движеніе соціальное, еслибы даже ему суждено было преобразить политическую и общественную поверхность западно-европейскихъ государствъ. Порукой въ томъ служитъ намъ наша исторія, самобытныя начала нашего государственнаго развитія. Наша домашняя крамола, съ ея соціально-революціонной подкладкой, по своему безсилію и ничтожеству, составляетъ исключеніе, только подтверждающее общее правило. Какова бы ни была будущность Западной Европы, мы можемъ, мы должны относиться къ ней съ равнодушною холодностью безучастныхъ зрителей. Чѣмъ хуже ей, тѣмъ лучше намъ.

Совсѣмъ иное дѣло Востокъ. Существованіе племенъ и народовъ, его населяющихъ, тѣсно связано съ собственнымъ нашимъ существованіемъ. Связь эта не механическая и случайная, а живая, органическая, запечатлѣнная родствомъ племеннымъ и духовнымъ, общею тысячелѣтнею исторіею. Въ великой всемірной разверсткѣ Востокъ — удѣлъ, наслѣдіе Россіи. Наше міровое призваніе — обезпечить ему самостоятельное развитіе, оградить, оборонить его отъ хищныхъ посягательствъ Запада.

Оглянемся на нашу исторію, и мы убѣдимся, что Россія, въ лицѣ Самодержавныхъ Вождей своихъ, всегда оставалась вѣрною этому призванію, что свобода и независимость христіанскихъ государствъ, народившихся на обломкахъ оттоманскаго владычества въ Европѣ—политы русскою кровью. Бѣда заключалась лишь въ томъ, что, содѣйствуя возрожденію нашихъ братьевъ по вѣрѣ и по племенному родству, мы слишкомъ часто забывали о себѣ, о собственныхъ нашихъ пользахъ и нуждахъ, не заботились о согласованіи ихъ съ учрежденіями, которыя сами создавали въ освобожденныхъ нами странахъ. Зависѣло это прежде всего отъ кореннаго заблужденія нашей безпочвенной дипломатіи, съ начала нынѣшняго вѣка завѣдующей внѣшними сношеніями Россіи, заблужденія, заключающагося

въ томъ, что она безкорыстіе провозглашаетъ руководящимъ началомъ своей политики.

Другую черту ея, сродную съ первой, отмѣтилъ болѣе шестидесяти лѣтъ назадъ одинъ изъ даровитѣйшихъ молодыхъ дипломатовъ того времени, Ф. П. Фонтонъ, писавшій къ другу въ 1828 году изъ главной квартиры нашей Дунайской арміи: «У насъ есть страсть надѣлять другіе народы разнаго рода учрежденіями подъ различными предлогами и названіями. Мы осчастливили этими учрежденіями Іоническіе острова, Испанію, Францію, часть Германіи и т. д. Нынѣ требуемъ, чтобы ихъ придерживались въ Португаліи, приготовленъ проектъ органическаго статута для княжествъ Молдавскаго и Валашскаго, имѣемъ и Сербію на примѣтѣ. Да Богъ вѣсть! Можетъ быть, придется и для блестящей Порты приготовить этакого рода благотворительный статутъ».

Съ тѣхъ поръ подъ гнетомъ тяжкихъ разочарованій мы, повидимому, отказались отъ подобнаго способа благодѣтельствовать государствамъ и народамъ Запада. Но на Востокѣ, до послѣдняго времени политика наша съ настойчивостью, достойною лучшей участи, продолжала ставить себѣ исключительною цѣлью: счастіе и благополучіе нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Русскіе дипломаты не спрашивали себя: что нужно для Россіи въ балканскихъ государствахъ, обязанныхъ ей своимъ существованіемъ, говоря иначе, не занимались прямымъ своимъ дѣломъ. А кто не дѣлаетъ своего дѣла, естественно испытываетъ неодолимое влеченіе ко вмѣшательству въ чужія дѣла. Такимъ образомъ, каждый русскій консулъ на Востокѣ преображался въ проконсула, не для того, чтобы выговаривать въ пользу Россіи какія-либо особыя права или преимущества, а съ тѣмъ, чтобы пещись о благоустройствѣ того государства или племени, среди коего ему доводилось жить и дѣйствовать. Нельзя винить за это мѣстныхъ агентовъ. Они поступали такъ не по своей волѣ и почину, а въ силу извѣстной системы, на точномъ основаніи получаемыхъ изъ азіатскаго департамента приказаній и наставленій. Русскіе консулы, часто сами того не замѣчая, втягивались этимъ путемъ въ борьбу политическихъ партій, коими кишатъ балканскіе муравейники, и въ концѣ концовъ, непрошеннымъ своимъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла возстановляли ихъ всѣ противъ

себя и, что̀ всего печальнѣе—противъ Россіи и ея правительства. Спрашивается: какая намъ нужда въ такой опекѣ, какая проистекаетъ для насъ польза? Ею не только не упрочивается порядокъ и спокойствіе въ молодыхъ государственныхъ организмахъ, вызванныхъ нами къ жизни, но увѣковѣчиваются распри, раздоръ, безначаліе. А между тѣмъ, собственное наше достоинство страдаетъ, исчезаетъ обаяніе. Мы безсознательно играемъ въ руку нашимъ врагамъ и противникамъ, совершая то, о чемъ они не смѣли и мечтать: разрываемъ вѣковую историческую связь между русскимъ народомъ и православнымъ населеніемъ Востока.

И странное дѣло! Та же русская дипломатія, что такъ назойливо вступается во внутренній обиходъ балканскихъ правительствъ, остается вполнѣ безучастною къ ихъ внѣшнимъ сношеніямъ, не только не препятствуетъ сближенію ихъ съ прочими великими державами, но даже поощряетъ ихъ къ тому. Сколько разъ направляли мы грековъ въ Лондонъ, сербовъ и черногорцевъ въ Вѣну и Пештъ! Наконецъ, не мы ли сами обратили такъ называемый «европейскій концертъ» въ высшее судилище для всѣхъ дѣлъ, касающихся Востока, не исключая и тѣхъ, которыя истекаютъ изъ собственныхъ нашихъ отношеній къ нему?

Горькіе плоды такой политики сказались въ постепенной утратѣ вѣковаго историческаго вліянія Россіи въ Греціи, въ Румыніи, въ Сербіи, наконецъ, въ Болгаріи, не говоря уже о Портѣ, обратившейся въ покорную подручницу могущественной германской имперіи.

Это въ порядкѣ вещей, и все, что теряетъ Россія, естественно выигрываютъ западныя правительства, умѣющія искусно пользоваться несогласіями и недоразумѣніями между великою православною державою и ея созданіями на Востокѣ, природою и исторіею призванными служить ей вѣрными друзьями и союзниками. Одно изъ средствъ, пущенныхъ въ ходъ, чтобы разрознить, разобщить ихъ съ нами—утвержденіе, разсчитанное на щекотливость ихъ политическаго самолюбія: Россія-де посягаетъ на независимость балканскихъ государствъ и стремится къ ихъ поглощенію. Трудно было бы изобрѣсти бо̀льшее поруганіе истины, если бы оно не оправдывалось до извѣстной степени ошибками и промахами русскихъ дипломатовъ. Но,

какъ мы уже имѣли случай замѣтить въ нашихъ предшедшихъ бесѣдахъ, чары Запада расторгнуты, и настала для Востока пора отрезвляющихъ размышленій. Во всѣхъ христіанскихъ государствахъ Балканскаго полуострова,—не исключая и Болгаріи—въ настоящую минуту правительственная власть находится въ рукахъ людей, громко исповѣдующихъ начало самобытности въ гражданственности, самостоятельности въ политикѣ.

Начнемъ съ Греціи. Тамъ уже около десяти лѣтъ стоитъ во главѣ управленія чисто національное министерство, пользующееся безусловнымъ довѣріемъ короля, любовью и уваженіемъ народа. Твердою рукою ведетъ оно эллиновъ по пути, предопредѣленному исторіею, къ совершенію судебъ ихъ родины, къ осуществленію ихъ народныхъ идеаловъ. Иноземныя вліянія, такъ недавно еще господствовавшія при аѳинскомъ дворѣ, исчезли безслѣдно. Государственные люди Греціи руководятся единственно соображеніями, почерпаемыми ими въ сознаніи истинныхъ потребностей отечества, въ соблюденіи его пользъ, въ огражденіи достоинства. Упрекнуть ихъ можно развѣ въ чрезмѣрной обособленности ихъ политики, въ отсутствіи общенія съ прочими христіанскими государствами Балканскаго полуострова. Причиною тому—непрекратившаяся доселѣ церковная распря, разъединившая грековъ и болгаръ. Примирить враждующія стороны, разъяснить имъ опасность, угрожающую обѣимъ отъ общихъ враговъ, сплотить ихъ въ противодѣйствіи притязаніямъ Запада на господство на Востокѣ—такова задача, естественно выпадающая на долю Россіи, опоры и защитницы младшихъ своихъ братьевъ, главы и руководительницы всего православнаго міра.

Въ Румыніи народное негодованіе взяло верхъ надъ кучкою политическихъ интригановъ, мнившею закрѣпостить свое отечество политикѣ средне-европейскихъ державъ. Оно низвергло министерство Карпа-Розетти и водворило у власти нынѣшній кабинетъ, состоящій изъ людей, убѣжденныхъ въ необходимости для румынъ дружно отстаивать отъ посягательствъ этихъ самыхъ державъ свою независимость экономическую и политическую. Министерство Катарджи побѣдоносно выдержало нападеніе своихъ противниковъ и доказало, что по всѣмъ вопросамъ, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ, оно находится въ

полномъ единомысліи съ большинствомъ палатъ и страны. При такой поддержкѣ, ему не опасны подпольныя интриги австро-нѣмецкой дипломатіи, даже когда имъ въ тайнѣ благопріятствуетъ дворъ. Интриги эти только скорѣе выяснятъ противуположность національныхъ интересовъ румынъ съ видами, преслѣдуемыми въ Берлинѣ и Вѣнѣ, и сближеніе съ Россіею явится естественнымъ послѣдствіемъ вступленія Румыніи на путь самостоятельной политики.

Сербское правительство продолжаетъ шествовать по этому пути, твердо и неуклонно, доказательствомъ чему служатъ почетный пріемъ, устроенный возвратившемуся въ Бѣлградъ изъ многолѣтняго изгнанія митрополиту Михаилу и предполагаемое торжественное празднованіе пятисотлѣтней годовщины Коссовскаго боя. Послѣднее въ особенности указываетъ на воскресеніе въ сербскихъ правительственныхъ кругахъ великосербской идеи, содержавшейся подъ спудомъ во все продолженіе десятилѣтняго господства австро-мадьярскихъ дипломатовъ въ совѣтахъ короля Милана. Связанное съ этимъ торжествомъ вѣнчаніе на царство въ Крагуевцѣ короля-отрока Александра знаменуетъ возвращеніе Сербіи къ преданіямъ Душана, мощнаго собирателя сербской земли, перваго царя сербскаго. Въ Вѣнѣ и Пештѣ хорошо поняли смыслъ готовящагося событія и уже трепещутъ не только за Боснію и Герцеговину, но и за обладаніе исконными землями, населенными сербами и приписанными къ коронѣ Св. Стефана. Что же удивительнаго, что, въ предвидѣніи неизбѣжной, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, борьбы изъ-за наслѣдія предковъ, взоры сербовъ снова съ надеждою и умиленіемъ устремляются на Россію?

Даже въ Болгаріи, гдѣ невозбранно сидитъ пока на похищенномъ престолѣ ставленникъ и приспѣшникъ Австро-Венгріи, дѣйствительная власть находится въ рукахъ людей, именующихъ себя народниками и, слѣдовательно, стремящихся, хотя и далеко нецѣлесообразными средствами, обезпечить княжеству внутреннюю самостоятельность и независимость внѣшнюю, не теряя при этомъ изъ виду и возстановленія «цѣлокупной» Болгаріи въ предѣлахъ, нѣкогда намѣченныхъ ей Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Заблужденіе этихъ людей заключается именно въ вѣрѣ ихъ въ возможность достигнуть своей цѣли помимо

Россіи, и даже вопреки ей, въ надеждѣ на помощь средне-европейскихъ державъ. Они упорно отказываются понять, что опирающаяся на Германію Австро-Венгрія не можетъ оказать имъ поддержки, потому что сама замышляетъ захватъ путей, ведущихъ чрезъ Македонію къ Эгейскому морю. Обнаруживаемое ими нынѣ тяготѣніе къ Вѣнѣ и къ Пешту покоится, такимъ образомъ, на недоразумѣніи, которое хотя и укоренилось, повидимому, въ мечтахъ нынѣшнихъ правителей Болгаріи, но не замедлитъ разсыпаться въ прахъ при первомъ столкновеніи на Балканскомъ полуостровѣ. Тогда и болгары вспомнятъ про свою благодѣтельницу и освободительницу — Россію, и по-прежнему отъ нея одной станутъ ожидать себѣ спасенія.

Долго ли придется ждать такого столкновенія? Едва-ли, потому что утвержденіе балканскихъ государствъ въ самостоятельномъ направленіи, усвоенномъ недавно ихъ правительствами, сдѣлало бы невозможнымъ осуществленіе хищническихъ замысловъ заговорщиковъ «Лиги Мира» о распространеніи ихъ господства на благословенныя страны Востока. Ни Германія, ни Италія, а и того меньше Австро-Венгрія не отрекутся добровольно отъ своей добычи и, не задумываясь, вступятъ въ борьбу, чтобы удержать ее за собою. За послѣднее десятилѣтіе онѣ не безъ труда навербовали себѣ немало сторонниковъ среди политическихъ дѣятелей Румыніи, Сербіи, Болгаріи, не говоря уже о преобладающемъ вліяніи нѣмецкой дипломатіи на султана Абдулъ-Гамида и его совѣтниковъ. Нужды нѣтъ, что эти почтенные кліенты Берлина и Вѣны являются измѣнниками дѣлу родины; они пользуются среди своихъ соотечественниковъ достаточными связями и значеніемъ, чтобы возбудить раздоръ и смуту, кровавыя схватки въ родѣ тѣхъ, что̀ на-дняхъ происходили въ Бѣлградѣ, словомъ, болѣе или менѣе достаточные поводы къ иноземному вмѣшательству. А если таковое послѣдуетъ, и средне-европейскія державы, сбросивъ личину дружественности, коею прикрывались доселѣ, прямо посягнутъ на свободу и независимость православнаго населенія балканскихъ земель, можно ли надѣяться, что наши единоплеменники и единовѣрцы отстоятъ ихъ собственными силами въ борьбѣ съ двумя или тремя могущественнѣйшими военными государствами Запада?

Тогда какъ и прежде, когда христіане Востока изнывали подъ тяжкимъ и унизительнымъ игомъ мусульманъ, единственнымъ якоремъ спасенія будетъ имъ Россія. Мы твердо вѣримъ, что она не измѣнитъ и впредь своему благородному историческому призванію, хотя желали бы, чтобы, протягивая могучую руку помощи своимъ младшимъ братьямъ, она, сама наученная опытомъ, при опредѣленіи будущихъ своихъ къ нимъ отношеній, не полагалась болѣе на ихъ признательность и обезпечила себя отъ всякихъ неблагопріятныхъ случайностей надежными матеріальными гарантіями. Того требуютъ государственныя пользы Россіи, ея честь и достоинство—высшій законъ для тѣхъ, кто призванъ руководить ея политикою, и требованія эти вполнѣ совпадаютъ съ частными выгодами народовъ, Провидѣніемъ ввѣренныхъ ея защитѣ и попеченію, съ нуждами всего славянскаго племени, скажемъ болѣе: всего православнаго міра.

VII.

Высочайшій тостъ въ честь князя Николая Черногорскаго.—Очеркъ русско-черногорскихъ отношеній. — Сближеніе князя Николая съ Россіей.—Австро-венгерскій взглядъ на самостоятельность балканскихъ государствъ. — Рѣчь императора Франца-Іосифа при открытіи делегацій.—Объясненія графа Кальноки.—Отношенія Австро-Венгріи къ Румыніи, Сербіи и Болгаріи. — Боснія и Герцеговина.—Враждебное Россіи направленіе австро-венгерской политики.— Столкновеніе Германіи съ Швейцаріей.

Парижъ, 19 іюня (1 іюля) 1889 г.

Прошло болѣе мѣсяца со дня произнесенія на военномъ праздникѣ въ Петергофѣ знаменательныхъ словъ, признавшихъ во всеуслышаніе князя Николая Черногорскаго «единственнымъ вѣрнымъ и искреннимъ другомъ Россіи», но не изгладилось еще глубокое впечатлѣніе, произведенное ими во всѣхъ концахъ нашего обширнаго отечества и далеко за его предѣлами. Русская общественная мысль, русское народное чувство радостно и единодушно откликнулись на царскій голосъ, лишній разъ засвидѣтельствовавъ предъ лицомъ всего міра неразрывное единеніе земли съ Вѣнценоснымъ Вождемъ своимъ, тогда какъ враги и ненавистники наши доселѣ не могутъ придти въ себя отъ смущенія и тревоги, возбужденныхъ въ нихъ величественнымъ и державнымъ проявленіемъ русскаго государственнаго самосознанія.

А между тѣмъ, высочайшія слова не заключаютъ въ себѣ угрозы, ниже малѣйшаго выраженія порицанія или неудовольствія кому бы то ни было. Они только устанавливаютъ несомнѣнный историческій фактъ, подтверждаемый вѣковымъ историческимъ опытомъ. За минувшее столѣтіе не мало слышала Россія увѣреній въ преданности и признательности, щедро расточаемыхъ ей монархами и народами, спасенными или облаго-

дѣтельствованными ею. Ублажали насъ и ласкали каждый разъ, когда требовалось заручиться нашимъ согласіемъ и помощью или просто усыпить насъ, либо отуманить. Но чтобы кто и когда-нибудь отплатилъ намъ услугой за услугу, на дѣлѣ доказалъ прочность и искренность дружбы—тому нѣтъ примѣра въ исторіи, за единственнымъ исключеніемъ доблестнаго государя Черной горы, тѣсно связавшаго съ Россіей судьбу свою и своей страны, устоявшаго противъ искушенія и прельщенія нашихъ недруговъ, и въ радости и въ горѣ пребывшаго неизмѣнно вѣрнымъ русскому Царю и русскому народу. Въ сознаніи этой истины заключается надежнѣйшее ручательство за то, что наша внѣшняя политика уже не будетъ уподобляться трости, вѣтромъ колеблемой, и, недоступная отнынѣ чужеземнымъ вліяніямъ, станетъ вполнѣ самостоятельно взвѣшивать нужды и пользы Россіи въ сношеніяхъ ея съ иностранными державами и неуклонно стремиться къ возможно совершеннѣйшему ихъ удовлетворенію.

Но такой поворотъ въ направленіи русской политики есть уже самъ по себѣ величайшее бѣдствіе для средне-европейскихъ дворовъ, привыкшихъ разсчитывать на нашу податливость ихъ внушеніямъ, на готовность нашу выгребать для нихъ жаръ русскими руками. Отсюда вопль притворнаго негодованія, раздавшійся въ австро-нѣмецкой оффиціозной печати по поводу петергофскаго тоста. Въ усердіи своемъ она зашла даже такъ далеко, что усмотрѣла въ ней угрозу европейскому миру. Почему? Потому что Россія прозрѣла и научилась отличать истинныхъ друзей своихъ отъ недоброжелателей, лишь прикрывающихся личиною дружбы. Поучительное признаніе, свидѣтельствующее, что въ отношеніяхъ къ намъ нашихъ западныхъ сосѣдей, явная вражда тотчасъ всплываетъ наружу, послѣ того какъ обнаруживается несостоятельность ухищреній, измышленныхъ съ цѣлью обойдти насъ, обманно обратить въ безсознательныя орудія для легчайшаго достиженія чужихъ, своекорыстныхъ, порою прямо враждебныхъ намъ, политическихъ цѣлей.

Предоставимъ «пресмыкающимся» витіямъ Запада изливать свою безсильную злобу на Россію за то, что милостью Божіею и волею царскою она освободилась наконецъ изъ сѣтей, коими такъ долго опутывали ее ложные друзья и двуличные союзники,

и обратимся къ разсмотрѣнію ея отношеній къ той изъ славянскихъ странъ, которая не словами, а дѣломъ доказала свою къ ней непоколебимую приверженность. Отношенія Россіи къ Черногоріи представляются намъ знаменательными, потому, въ особенности, что служатъ нагляднымъ выраженіемъ естественной связи, которая по нашему убѣжденію, должна соединять всѣ православныя государства Востока съ могущественною державою, призванною служить имъ щитомъ и опорою, и, въ дружномъ общеніи съ ними, обезпечить имъ гражданскую самобытность и самостоятельность политическую.

Тяготѣніе Черногоріи къ Россіи—явленіе не новое. Началось оно съ того дня, какъ черногорцы узнали о существованіи на Сѣверѣ великаго единовѣрнаго и единоплеменнаго царства и, узнавъ, увѣровали въ него, въ его историческое призваніе. Отъ Петра Великаго и до нашихъ дней, «соколы» Черной горы пользовались каждымъ случаемъ, чтобы кровью своею запечатлѣть вѣру въ Россію и вѣрность русскому Царю, безъ которыхъ, какъ выражается ихъ народная поговорка, «*не было бы въ мірѣ креста трехперстнаго*». Грудью стояли они за насъ во всѣ войны наши съ турками и остались едва-ли не единственными нашими союзниками въ поединкѣ Александра Благословеннаго съ Наполеономъ, когда даже Австрія и Пруссія не только покинули насъ, но и сами ополчились на насъ подъ знаменами завоевателя, въ хвостѣ его «великой арміи» вторглись въ наши предѣлы, выговоривъ себѣ земельное приращеніе на счетъ Россіи.

Русскіе государи издавна благоволили къ черногорцамъ, щедрою рукою изливая на нихъ царственныя милости. Великій Петръ и Великая Екатерина постоянно принимали ихъ въ разсчетъ при своихъ политическихъ исчисленіяхъ. Павелъ относился къ нимъ съ попечительною заботливостью. Императоры Александръ I и Николай несомнѣнно питали къ нимъ тѣ же чувства, высоко цѣня ихъ стойкость въ борьбѣ за вѣру и беззавѣтную преданность Россіи. Но въ царствованіе этихъ двухъ государей, русская дипломатія, утратившая, какъ извѣстно, національный и преемственный свой характеръ, плохо наградила ихъ за вѣковую вѣрность всероссійскому престолу. Дипломатамъ Нессельродовской школы была чужда и непонятна связь, основанная на родствѣ кровномъ и духовномъ.

Она являлась имъ, напротивъ, помѣхою къ установленію полнаго согласія съ Австріею, этимъ краеугольнымъ камнемъ политической системы Священнаго Союза. При такихъ условіяхъ не удивительно, что драгоцѣннѣйшіе интересы Черногоріи были принесены нами въ жертву австрійской алчности и подозрительности. Въ 1814 году Владыко Петръ I долженъ былъ, по требованію русскаго двора уступить австрійцамъ Боку Которскую, отвоеванную черногорцами у французовъ. Съ тѣхъ поръ и до самой Крымской войны, изъ Петербурга постоянно журили сыновъ Черной горы за всякое проявленіе независимости, приказывали имъ покорно склонять выи предъ вѣнскимъ дворомъ, отъ него одного ожидать великихъ и богатыхъ милостей. Лишь въ послѣдніе годы царствованія, Императоръ Николай торжественно проявилъ право русскаго царя на гласное покровительство единовѣрному и единоплеменному народу. По личному почину Государя и согласно единодушно выраженному черногорцами желанію, измѣненъ былъ образъ правленія въ княжествѣ, и на мѣсто владыки поставленъ во главѣ его свѣтскій наслѣдственный князь. Черногорцы не забыли этого благодѣянія и доселѣ боготворятъ память Незабвеннаго Николая.

Не смотря на трогательныя доказательства сочувствія и привязанности, данныя намъ черногорцами въ тяжкую годину Севастопольскаго разгрома, дипломатическіе представители Россіи на парижскомъ конгрессѣ отреклись отъ Черногоріи и оставили безъ протеста нагло выраженное турецкими уполномоченными притязаніе на принадлежность этой искони независимой страны къ составу Оттоманской имперіи. Правда, два года спустя, Россія, по соглашенію съ Франціею, отстояла плоды блестящей побѣды, одержанной черногорцами надъ турками на Граховскомъ полѣ, а въ 1862 году остановила движеніе многочисленной арміи Омера-Паши на столицу княжества—Цетинье—и воспротивилась проведенію военной дороги и возведенію турецкихъ укрѣпленій на черногорской территоріи. Но въ первое десятилѣтіе по заключеніи парижскаго мира отношенія нашей дипломатіи къ князю Даніилу и къ преемнику его, князю Николаю, вступившему въ 1860 году на черногорскій престолъ, были холодны и натянуты. Зависѣло это отъ причинъ, на которыя мы имѣли случай указать въ предшедшей бесѣдѣ: безтактнаго вмѣшательства нашихъ консуловъ во внутреннія дѣла

княжества, поддержки, оказанной ими побочной вѣтви династіи Петровичей, оспаривавшей права князей Даніила и Николая, мелочнаго щекотливаго самолюбія мѣстныхъ агентовъ, игры ихъ въ сатраповъ и проконсуловъ съ одной стороны, а съ другой—изъ стремленія ихъ же угодить начальству въ Петербургѣ, которое въ свою очередь смотрѣло на Черногорію исключительно чрезъ ихъ очки, такъ какъ черногорскіе князья не имѣли собственныхъ представителей въ русской столицѣ.

Въ такомъ положеніи находилось русское дѣло въ Черногоріи, когда въ началѣ 1866 года пишущему эти строки довелось восемнадцати-лѣтнимъ юношею впервые посѣтить эту страну. Привело насъ туда назначеніе на должность секретаря консульства въ Рагузѣ, вѣдавшаго сношенія съ Цетинскимъ дворомъ. Сношенія эти — какъ уже было замѣчено выше — были далеко неудовлетворительны, князь и политика его находились у азіатскаго департамента на самомъ дурномъ счету. Извѣты и доносы, обвинявшіе его высочество въ нерасположеніи къ Россіи, въ пристрастіи къ Франціи и Австріи, встрѣчались у насъ съ довѣрчивою благосклонностью. Русскимъ путешественникамъ, которые могли бы ихъ провѣрить, всячески затруднялся доступъ въ Черногорію. Дипломатическо-бюрократическая рутина тщательно заботилась о поддержаніи таинственнаго полумрака, при которомъ только и было возможно столь коренное извращеніе естественныхъ отношеній славянскаго княжества къ великой Россіи.

Признаемся, сами мы не безъ предубѣжденій переступили черногорскій рубежъ. Они разсѣялись послѣ первой встрѣчи и объясненія съ юнымъ владѣтелемъ Черногоріи, какъ утренній туманъ при первыхъ лучахъ восходящаго солнца. Исчезли зловѣщіе призраки, овладѣвшіе нашимъ воображеніемъ, подъ вліяніемъ консульскихъ наговоровъ и сплетенъ. Мѣсто ихъ заступило сознаніе, что никогда государственныя пользы Россіи не страдали отъ бо̀льшаго недоразумѣнія. Даже теперь, по истеченіи двадцати лѣтъ, мы не считаемъ себя въ правѣ разглашать его тайны, но мы исполнимъ священный долгъ, засвидѣтельствовавъ, что передъ нами предсталъ славянскій государь, носитель преданій и вѣрованій своего народа, беззавѣтно преданный Россіи и Царю ея, ясно сознававшій ея историческое

призваніе и сопряженное съ нимъ право нравственнаго и политическаго руководительства въ православномъ мірѣ.

Неизгладима въ нашей памяти продолжительная и задушевная бесѣда, которою удостоилъ насъ князь Николай наканунѣ Петрова дня—народнаго праздника Черногоріи—подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что полученной вѣсти о жестокомъ пораженіи, претерпѣнномъ австрійцами подъ Кёнигрецомъ. Съ изумительною проницательностью государственнаго человѣка, зрѣлаго не по лѣтамъ, провидѣлъ онъ всѣ послѣдствія этого событія, видоизмѣнившія политическую поверхность Европы. Novus rerum nascitur ordo. Наступила пора положить конецъ пагубному недоразумѣнію.

Подчиненность не заглушила въ насъ сознанія чувства высшей отвѣтственности. Испросивъ отчисленіе отъ должности, мы возвратились въ Петербургъ. Воздадимъ справедливость памяти покойнаго канцлера князя А. М. Горчакова и бывшаго директора азіатскаго департамента П. Н. Стремоухова. Оба они выслушали насъ со вниманіемъ и пригласили развить въ пространной запискѣ вынесенныя нами изъ Черногоріи впечатлѣнія. Мы получили разрѣшеніе вести съ Цетиньемъ довѣрительную переписку, которая, разумѣется, сообщалась нами директору и канцлеру, а послѣднимъ повергалась на воззрѣніе самого Государя. Потребовалось, однако, болѣе года для того, чтобы устранить остальныя препятствія къ примиренію. Наконецъ, осенью 1868 года, князь Николай приглашенъ лично прибыть въ Петербургъ, къ Высочайшему Двору. Лестною и неоцѣнимою для насъ наградою послужило назначеніе состоять при особѣ его высочества, во время пребыванія его въ Россіи [1]).

Да простятъ намъ читатели упоминаніе о скромномъ участіи, выпавшемъ намъ лично на долю въ дѣлѣ выясненія недоразумѣнія, удалявшаго отъ Россіи въ продолженіе восьми лѣтъ того изъ европейскихъ государей, который съ высоты русскаго

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ спустя, уже будучи секретаремъ посольства въ Вѣнѣ, я, просматривая архивы посольства, узналъ, что тотчасъ по отъѣздѣ моемъ изъ Цетинья, въ августѣ 1866 года, князь Николай отправилъ архимандрита Дучича къ нашему посланнику при австрійскомъ дворѣ, поручивъ ему ходатайствовать о назначеніи меня консуломъ въ Рагузѣ. Донося объ этомъ князю Горчакову, графъ Стакельбергъ отозвался: «j'ai naturellement traité la chose de plaisanterie».

престола провозглашенъ нынѣ единственнымъ ея вѣрнымъ и искреннимъ другомъ. Сдѣлали мы это не ради суетнаго тщеславія, въ доказательство чего сошлемся на то, что, со времени вступленія нашего на историко-литературное поприще, мы ни разу не занимали читателей собою и повѣствованіями о нашей тринадцатилѣтней дипломатической дѣятельности. Но въ данномъ случаѣ мы отступили отъ принятаго правила, потому что сочли немаловажнымъ свидѣтельство очевидца и участника въ событіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ установленіе между Россіею и Черногоріею прямыхъ, задушевныхъ, чисто братскихъ отношеній, достойныхъ возбудить соревнованіе и въ прочихъ христіанскихъ государствахъ Балканскаго полуострова и послужить для нихъ образцомъ той естественной связи, которая должна существовать между ними и великою державою, ихъ общею освободительницею отъ иновѣрнаго ига. Да вразумятся они примѣромъ Черногоріи и убѣдятся, что могущественная Россія и не думаетъ посягать на самостоятельность славянскихъ державъ, ввѣрившихся ея защитѣ, и честь свою поставляетъ въ томъ, чтобы оправдать на дѣлѣ оказанное ей довѣріе. Она никогда и ничего не требовала отъ Черногоріи, но доблестный вождь черногорскаго народа, по долгу славянской взаимности, не задумался, когда раздался бранный кличъ русскаго Царя, призывавшій Россію къ оружію для освобожденія единовѣрныхъ братьевъ, стать подъ его знамена со всѣми вооруженными силами Черногоріи. Такъ будетъ и впредь, и Черногорія не перестанетъ считать враговъ Россіи собственными врагами своими и всего славянства.

Другой поучительный выводъ, истекающій изъ нашего разсказа, тотъ, что непосредственное общеніе князя черногорскаго съ русскимъ Царемъ и его августѣйшею семьею, начало коему было положено въ концѣ 1868 года, предохранило Черногорію отъ повторенія недоразумѣній, порожденныхъ бюрократіею, узкостью ея взглядовъ, низменною назойливостью и придирчивостью. Вѣнцомъ этого общенія служитъ нынѣ вожделѣнный брачный союзъ княжны Милицы съ его императорскимъ высочествомъ государемъ великимъ княземъ Петромъ Николаевичемъ. Великій Фридрихъ любилъ повторять, что изъ родственныхъ ему государей признаетъ родными лишь тѣхъ, кто вправду дружитъ ему. Болѣе возвышенное зрѣлище являетъ свѣту рус-

скій Самодержецъ, вводящій доблестнаго друга въ кругъ царственной семьи своей. Въ умиленіи сердца, просимъ князя Николая милостиво принять по этому случаю поздравительный привѣтъ человѣка, въ жизни котораго драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніемъ навсегда останутся минуты, проведенныя въ его близости и посвященныя ревностному служенію дѣлу русско-черногорскаго взаимства и единенія.

Наконецъ, на Черногоріи всего легче прослѣдить, кого выгоднѣе держаться южно-славянскимъ государствамъ: единовѣрной Россіи или разноязычной, двойственной Австро-Венгріи? За доводами ходить недалеко. Ни для кого не тайна, какими преимуществами надѣлила Россія Черногорію по Санъ-Стефанскому договору: расширеніе ея государственной области въ направленіи, оправдываемомъ этнографіею и исторіей, обезпеченіе ей самостоятельнаго положенія на Адріатическомъ побережьи. Берлинскій конгрессъ, по настоянію вѣнскаго двора и ему въ угоду, съузилъ границы княжества, отнявъ у него южную часть Герцеговины, прирѣзалъ къ нему округа, населенные албанцами, и развитіе морскихъ силъ его, военныхъ и торговыхъ, поставилъ въ прямую зависимость отъ Австро-Венгріи, подчинивъ ихъ ея надзору и контролю. Такъ понимаютъ въ Вѣнѣ и Пештѣ самостоятельное развитіе христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова.

Вопросъ этотъ на очереди современной политики. Имъ главнымъ образомъ занимаются засѣдающія въ Вѣнѣ делегаціи парламентовъ австрійскаго и венгерскаго. Въ этомъ отношеніи нашего вниманія, несомнѣнно, заслуживаютъ рѣчи, произнесенныя въ помянутыхъ собраніяхъ какъ императоромъ Францомъ-Іосифомъ при открытіи делегацій, такъ и графомъ Кальноки—при обсужденіи въ коммисіяхъ бюджета общаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ императорской рѣчи—два выдающіяся мѣста, посвященныя Сербіи и Болгаріи. Отреченіе короля Милана отъ престола императоръ назвалъ прискорбнымъ и, упомянувъ о полученномъ отъ регентовъ формальномъ завѣреніи, что они будутъ тщательно соблюдать и продолжать дружественныя отношенія къ Австро-Венгріи, далъ понять, что неисполненіе этого обѣщанія грозитъ Сербіи серіозною опасностью. Вслѣдъ затѣмъ онъ выразилъ удовольствіе по поводу порядка и спокойствія, якобы

господствующихъ въ Болгаріи и поздравилъ болгаръ съ достигнутыми ими успѣхами, не смотря на трудное положеніе, въ коемъ находится ихъ страна. Изъ словъ этихъ явствуетъ, что въ Вѣнѣ недовольны переворотомъ, совершившимся въ Сербіи, и въ то же время считаютъ для себя благопріятнымъ нынѣшнее состояніе Болгаріи.

Положенія эти пространно развилъ, видимо стараясь впрочемъ ихъ смягчить въ своихъ объясненіяхъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Онъ отрицалъ прежде всего враждебное Австріи значеніе, приписываемое совершившейся въ Румыніи перемѣнѣ министерства. Кабинетъ Катарджи—утверждаетъ онъ—столь же мало можно назвать руссофильскимъ, какъ и кабинетъ Братіано, такъ какъ онъ-де слишкомъ гордъ своею національностью и независимостью, чтобы поступиться ими ни за что, ни про что, безъ всякой видимой причины.

Признаемся, мы не понимаемъ, что именно хотѣлъ сказать этимъ графъ Кальноки? Возражая противъ мнѣнія, усматривающаго въ замѣнѣ у власти прежнихъ дѣятелей консерваторами неудачу австро-венгерской дипломатіи, онъ ровно ничего не привелъ въ его опроверженіе. Дѣло не въ томъ, расположено или нѣтъ къ Россіи министерство Катарджи, а въ томъ, станетъ ли оно продолжать политику своихъ соотечественниковъ, закрѣпостившихъ Румынію пресловутой «Лигѣ Мира»? На вопросъ этотъ глава румынскаго кабинета и министръ иностранныхъ дѣлъ давно уже дали недвусмысленный отвѣтъ въ заявленіяхъ своихъ предъ румынскою палатою. Этимъ самымъ они признали, что опасность грозитъ самостоятельности Румыніи не со стороны Россіи, которая ничего инаго и не желаетъ, какъ, чтобы румынскіе министры продолжали твердо стоять на стражѣ независимости своего отечества. Еслибы графъ Кальноки ограничился заявленіемъ, что мирится съ такимъ положеніемъ, мы, зная его за государственнаго человѣка умѣреннаго и осторожнаго, охотно повѣрили бы ему. Но утверждать, что происшедшая въ Румыніи перемѣна отвѣчаетъ задушевнѣйшимъ его желаніямъ и искренно радуетъ его—это уже слишкомъ и превышаетъ мѣру всякаго вѣроятія.

Еще безсвязнѣе сужденія австро-венгерскаго министра о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Сербіи. Онъ признаетъ, что удаленіе Милана и переходъ власти отъ напредняковъ въ руки на-

родниковъ имѣли послѣдствіемъ коренное измѣненіе правительственныхъ цѣлей и способовъ. Онъ даже находитъ, что политическія страсти разыгрались въ странѣ вслѣдствіе упраздненія сдерживавшихъ ихъ преградъ и стѣсненій. Но, заключаетъ онъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы былъ поводъ опасаться немедленнаго осуществленія «нѣкихъ фантастическихъ идей и мечтаній, всплывшихъ нынѣ на поверхность». Надо подождать, исполнятъ ли регенты принятое ими на себя обязательство не измѣнять ничего въ отношеніяхъ молодаго королевства къ сосѣдней монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ они были установлены королемъ Миланомъ. Лишь когда ручательства эти окажутся недостаточными, Австро-Венгерія сумѣетъ отстоять свои интересы.

Очевидно, что въ Сербіи, какъ и въ Румыніи, графъ Кальноки волей-неволей мирится съ новымъ порядкомъ, измѣнить или устранить который зависитъ не отъ него. Въ сознаніи безсилія ему не остается ничего инаго, какъ оправдывать свое бездѣйствіе ссылкою на уваженіе, будто-бы питаемое Австро-Венгріею къ независимости балканскихъ государствъ. Вотъ почему онъ безропотно сноситъ такія проявленія сербской самобытности, какъ водвореніе во главѣ сербской церкви митрополита Михаила, рѣшительныя мѣры правительства въ вопросахъ финансовыхъ и промышленныхъ, торжественное чествованіе пятисотлѣтней годовщины Коссовской битвы. Quos ego Австро-Венгріи онъ отлагаетъ до того времени, когда первые шаги къ осуществленію велико-сербской идеи станутъ прямо угрожать цѣлости монархіи Габсбурговъ. Но и тутъ онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что Сербія-де слишкомъ мала и немощна, чтобы приняться за осуществленіе столь многотрудной задачи.

Мы можемъ только похвалить австро-венгерскаго министра за благоразумное подчиненіе своихъ воззрѣній на Сербію извѣстной французской поговоркѣ: quand on n'a pas ce que l'on aime, il faut aimer ce que l'on a. Лишь строго воздерживаясь отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Сербіи, онъ можетъ надѣяться, что современемъ уляжется въ сердцахъ сербовъ глубокая ненависть къ Австро-Венгріи, возбужденная въ нихъ десятилѣтнимъ беззастѣнчивымъ хозяйничаньемъ австрійской дипломатіи въ ихъ странѣ. Въ Вѣнѣ и Пештѣ принято приписывать проискамъ Россіи, дѣйствію русскаго рубля бѣд-

ственный для австрійцевъ и мадьяръ оборотъ, одновременно состоявшійся въ двухъ христіанскихъ государствахъ Балканскаго полуострова. Пора бы разстаться съ такимъ ровно ни на чемъ неоснованнымъ оправданіемъ собственныхъ ошибокъ и промаховъ. Пробужденіе народнаго самозознанія въ Румыніи и въ Сербіи есть прямое послѣдствіе посягательствъ Австро-Венгріи на свободное и естественное развитіе этихъ странъ, какъ политическое, такъ и экономическое. Нельзя невозбранно насиловать природу и исторію, и никакая искусственная плотина не въ силахъ задержать мощнаго потока, стремящагося къ цѣли, намѣченной ему божественнымъ Провидѣніемъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что полное осуществленіе великосербской идеи, созданіе сербскаго царства, обнимающаго всѣ земли, населенныя сербами, равносильно не расчлененію, а конечному разрушенію дряхлой монархіи Габсбурговъ. Бѣдствіе это могло бы быть отстранено отъ нея на долгіе годы, еслибы она не противилась распространенію бывшаго княжества, въ направленіи этнографическомъ, на счетъ распадавшейся Турціи, и сама не захватила исконныя сербскія области: Боснію и Герцеговину. Такимъ захватомъ она поставила независимую Сербію въ необходимость либо вовсе отречься отъ всякаго приращенія, либо, при первой попыткѣ осуществленія національной программы, стать къ Австро-Венгріи въ прямо враждебныя отношенія. Программа эта—собираніе сербской земли, и не вина сербовъ, если австрійцы сами стали поперегъ ихъ пути. Напрасно графъ Кальноки ищетъ успокоить себя и своихъ слушателей указаніемъ на несоразмѣрность силъ сербовъ съ трудностью замышляемаго ими подвига. Конечно, въ сравненіи съ громадными матеріальными средствами, коими располагаетъ австро-венгерская монархія, средства Сербіи представляются малыми и ничтожными. Но въ великомъ историческомъ процессѣ національнаго объединенія главнымъ рычагомъ служатъ силы не вещественныя, а нравственныя. Вѣдь первоначальное ядро лавины—небольшой комъ снѣга, той самой могучей и всеразрушающей на пути своемъ лавины, что́ засыпаетъ обширныя пространства. Не сильнѣе нынѣшней Сербіи были и Бранденбургъ и Пьемонтъ, когда становились во главѣ стремленій къ единству, первый—нѣмцевъ, второй—итальянцевъ. Неужели въ

Вѣнѣ забыли бѣдственный исходъ вѣковой борьбы съ Пруссіею и Сардиніею?

Печаленъ удѣлъ Австріи, нѣкогда слывшей счастливѣйшею державою въ мірѣ. На долю ея въ новѣйшей исторіи Европы выпало бороться съ явленіемъ стихійнымъ, выразившимся доселѣ въ объединеніи Италіи и Германіи, и быть побѣжденною имъ. Вытѣсненная съ Аппенинскаго полуострова, исключенная изъ состава Германскаго Союза, она, подчиняясь коварнымъ внушеніямъ государственнаго человѣка, нѣкогда поразившаго ее въ самое сердце, а нынѣ приминувшагося ея лучшимъ и безкорыстнѣйшимъ другомъ, пытается вернуть утраченное на счетъ христіанскихъ балканскихъ народностей, но и здѣсь встрѣчается съ давнимъ врагомъ своимъ, національнымъ геніемъ, алчущимъ и жаждущимъ свободы и независимости. Задержать его ростъ она можетъ, лишь прибѣгая къ старому испытанному средству — раздѣлять, чтобы властвовать, сѣять смуту и раздоръ между родственными народностями, возстановлять ихъ другъ противъ друга. Такъ поступала она четыре года назадъ, натравляя сербовъ на болгаръ. Такъ и нынѣ, обратясь къ Сербіи спиною, она ублажаетъ и превозноситъ Болгарію.

Въ дополненіе къ рѣчи императора Франца-Іосифа, графъ Кальноки заявилъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ болгары ясно доказали, «что въ высокой степени обладаютъ качествами, необходимыми для основанія благоустроеннаго, многообѣщающаго государственнаго организма» и что факты оправдали довѣріе къ ихъ мудрости и патріотическимъ совмѣстнымъ трудамъ. Но такимъ «почетнымъ признаніемъ» должны пока удовольствоваться болгары. О признаніи же оффиціальномъ не можетъ быть и рѣчи въ настоящую минуту, потому-де, что возбужденіе болгарскаго вопроса, по мнѣнію министра, прежде всего неблагопріятно отразилось бы на самой Болгаріи. Австро-Венгрія хотя и имѣетъ право признать нынѣшнее правительство княжества, но польза такого признанія крайне проблематична, ибо, чтобы стать вполнѣ законнымъ, правительство это еще нуждается въ признаніи Порты и всѣхъ прочихъ великихъ державъ.

Слѣдовательно и по отношенію къ Болгаріи вѣнскій дворъ вынужденъ сознать полное свое безсиліе и безпомощность. Ему остается лишь въ жалобномъ тонѣ увѣрять болгаръ, также

какъ и румынъ и сербовъ, въ чистотѣ и безкорыстіи своихъ намѣреній, въ уваженіи своемъ къ независимости балканскихъ государствъ, къ порядку, созданному международными договорами. Но какъ согласовать съ этимъ послѣднимъ утвержденіемъ сочувствіе, выраженное Фердинанду Кобургскому, водвореніе котораго въ Софіи составляетъ вопіющее нарушеніе постановленій берлинскаго трактата? Мы не беремся выяснить это противорѣчіе, корень коего кроется въ двусмысленности отношеній Австріи къ христіанскимъ народамъ Востока.

Какъ бы то ни было, австро-мадьярскіе государственные люди горько жалуются на неблагодарность этихъ народовъ, не оцѣнившихъ-де всѣхъ благодѣяній, оказанныхъ имъ Австро-Венгріею. Въ доказательство въ Вѣнѣ и Пештѣ любятъ ссылаться на успѣхи гражданственности въ Босніи и Герцеговинѣ, со времени австрійскаго занятія этихъ областей, удивляются, что, несмотря на проложенные пути шоссейные и желѣзные, на развитіе экономическаго благосостоянія, на распространеніе грамотности и просвѣщенія, общественное настроеніе въ этихъ странахъ продолжаетъ быть до того враждебнымъ, что приходится вводить въ нихъ военное положеніе. Удивленіе, по меньшей мѣрѣ, наивное. Не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ, не о единомъ хлѣбѣ живутъ и народы. Кто не знаетъ, напримѣръ, что въ чисто хозяйственномъ отношеніи австрійцы не мало потрудились на пользу Ломбардіи и Венеціанской области, а, между тѣмъ, они вышли оттуда при единодушномъ ликованіи населенія, радостно привѣтствовавшаго давно желанный часъ освобожденія отечества отъ унизительнаго господства иноземцевъ?

Такіе уроки не должны были бы проходить безслѣдно. Памятуя ихъ, можно было бы и воздержаться отъ обвиненія противъ мнимыхъ систематическихъ подстрекательствъ извнѣ, коимъ графъ Кальноки приписываетъ враждебное Австро-Венгріи настроеніе сербовъ и румынъ. Онъ даже идетъ далѣе, утверждая, что подобными внушеніями вызвано броженіе народныхъ страстей противъ всего существующаго въ Европѣ правоваго международнаго порядка. Усматривая въ такомъ возбужденіи общественнаго мнѣнія «нѣкоторыхъ» странъ главнѣйшую опасность, угрожающую европейскому миру, австро-венгерскій министръ оговаривается, что «всѣ» монархи преисполнены-де миролюбивѣйшихъ намѣреній.

Намекъ ясенъ. Подъ «нѣкоторыми» странами графъ Кальноки, очевидно, разумѣетъ Россію и Францію. Но образъ правленія во Франціи не монархическій; остается, стало быть, Россія, политическія стремленія которой находятся яко-бы въ противорѣчіи съ видами монарха.

Понятно, съ какимъ коварнымъ умысломъ взводится на русское общество подобная клевета. Въ единомысліи Царя съ народомъ — несокрушимая сила Россіи. Никто не въ состояніи расторгнуть эту связь, установленную вѣками, такъ нельзя ли попытаться поколебать ее, подорвавъ довѣріе Царя къ народу, изобразивъ послѣдній какъ бы преслѣдующимъ во внѣшней политикѣ иныя цѣли, чѣмъ тѣ, что указываютъ ему съ высоты престола? Такъ разсуждаютъ враги и ненавистники Россіи. Безумцы! Иль не знаютъ они нашей тысячелѣтней исторіи, не вѣдаютъ, что русскіе Цари искони признавались землею Богомъ вѣнчанными и вдохновенными вождями, ведущими народъ по пути совершенія историческихъ судебъ его. И теперь, какъ всегда, воля Царя есть въ то же время воля русскаго народа. Царь хочетъ мира, и ничего инаго не желаетъ народъ. Но вполнѣ подчиняясь въ дѣлахъ внѣшнихъ, какъ и внутреннихъ, верховному руководительству Самодержца, мы, русскіе люди, живо сознаемъ нашъ долгъ предъ нимъ, всѣми силами земли, духовными и вещественными, содѣйствовать ему въ совершеніи его царственнаго подвига.

Во внѣшней политикѣ ближайшею исполнительницею Высочайшихъ предначертаній является дипломатія. Но вѣдь это только штабъ, составляющій планъ кампаніи, распоряжающійся походомъ, руководящій сраженіемъ. Въ огонь идутъ боевыя части: онѣ рѣшаютъ участь битвы. Въ качествѣ таковыхъ важное значеніе имѣютъ историческая литература и повременная печать. Первая выясняетъ общіе законы, управляющіе отношеніями государства къ иноземнымъ державамъ, подводя итоги прошлаго, разсѣевая предразсудки и заблужденія, проливая яркій свѣтъ научной истины на настоящее и отчасти на будущее; вторая зорко слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ въ мірѣ, стараясь угадать и распознать дипломатическіе умыслы, враждебные отечеству. Въ дружномъ и согласномъ взаимодѣйствіи всѣхъ этихъ вѣтвей общественной мысли — вѣрнѣйшій залогъ успѣха.

Да позволено же намъ будетъ указать въ рѣчахъ графа Кальноки на то мѣсто, что̀ вызываетъ въ насъ серіозныя размышленія, ибо, вникая въ сокровенный его смыслъ, мы не можемъ не усмотрѣть въ немъ угрозы Россіи. Убѣждая мадьярскихъ делегатовъ не требовать отъ него немедленнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла балканскихъ государствъ для возстановленія въ нихъ прежняго, столь любезнаго Австріи порядка, австро-венгерскій министръ указалъ на повсемѣстное накопленіе горючихъ матеріаловъ и замѣтилъ по этому поводу, что на Востокѣ все снова пойдетъ по-старому, какъ только «великая политика» одержитъ верхъ въ Европѣ. Было бы непростительною ошибкою—прибавилъ онъ—преждевременнымъ вмѣшательствомъ въ малыя дѣла причинить вредъ крупному дѣлу. Слѣдуетъ-де принять въ разсчетъ всестороннее положеніе монархіи. Болѣе всякой другой державы она вынуждена, при каждомъ политическомъ предпріятіи, не упускать изъ виду воздѣйствіе его на ея общія отношенія, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ.

Нельзя было яснѣе выразить полное подчиненіе политики вѣнскаго двора центру средне-европейской коалиціи, находящемуся, какъ извѣстно, въ Берлинѣ. Дѣйствительно, поступательное движеніе на Востокѣ немыслимо для Австріи безъ согласія и поддержки Германіи, тѣмъ болѣе, что, какъ показалъ опытъ, никакіе успѣхи, достигнутые ею въ этомъ направленіи, не прочны, пока національныя стремленія балканскихъ народностей могутъ искать себѣ опору и защиту въ Россіи. Такимъ образомъ, вопросъ о преобладаніи Австріи по ту сторону Дуная находится въ прямой зависимости отъ другаго несравненно болѣе сложнаго и грознаго вопроса: достаточны ли силы пресловутой Лиги Мира, чтобы вызвать Россію на брань и побороть ее? Вотъ оно, то «крупное дѣло», повредить которому такъ боится графъ Кальноки и успѣху коего онъ даже готовъ пожертвовать—конечно, только на время—ближайшими интересами монархіи Габсбурговъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Но неблагоразумно вступать въ столкновеніе съ Россіей, пока не обуздана Франція или не примирена съ судьбою, постигшею ее въ 1870—71 годахъ. Вызовъ, нагло брошенный Германіею Швейцаріи, можетъ одинаково повести какъ къ той, такъ и къ другой цѣли. Смирится Франція, и ее вознаградятъ французскими кантонами. Если же она будетъ продолжать упор-

ствовать, то нарушеніе швейцарскаго нейтралитета въ значительной степени облегчитъ ея конечный разгромъ.

Въ виду этой двойной цѣли подивимся искусству, съ которымъ нѣмецкій канцлеръ изыскалъ предлогъ для предъявленія союзному совѣту Гельветической республики своихъ требованій, совершенно несовмѣстимыхъ съ ея правами нейтральной и независимой державы. Предлогъ этотъ—потворство швейцарскаго правительства анархистамъ всѣхъ странъ, находящимъ въ Швейцаріи убѣжище, подъ кровомъ котораго они не только избѣгаютъ заслуженной кары за преступленія, совершенныя на родинѣ, но еще имѣютъ возможность продолжать свои злодѣйскія посягательства на ниспроверженіе въ ней законнаго порядка.

Спору нѣтъ, въ этомъ частномъ вопросѣ Швейцарія во многомъ виновата предъ монархическими державами Европы, которыя на вѣнскомъ конгрессѣ провозгласили нейтральность ея территоріи и даже поручились за ея неприкосновенность. Это призналъ самъ союзный совѣтъ, поспѣшившій принять цѣлый рядъ мѣръ для успѣшнѣйшаго предупрежденія преступныхъ замысловъ политическихъ выходцевъ противъ своихъ правительствъ. Не странно ли, однако, что поводомъ къ протесту Германіи, присоединиться къ которому она пригласила и прочія великія державы, послужили арестъ и высылка изъ Швейцаріи одного изъ ея полицейскихъ чиновниковъ, тогда какъ не далѣе восьми лѣтъ назадъ она же осталась глуха къ убѣжденіямъ Россіи воздѣйствовать сообща противъ безнаказанности успѣвшихъ скрыться заграницу участниковъ величайшаго изъ злодѣяній, совершеннаго 1 марта 1881 года?

Полагаемъ, что простаго этого сопоставленія достаточно, дабы оцѣнить по достоинству искренность и правдивость нѣмецкихъ оффиціозовъ, силящихся увѣрить насъ, будто дипломатическій походъ на Швейцарію предпринятъ княземъ Бисмаркомъ едва-ли не исключительно въ интересахъ Россіи. Мы даже позволимъ себѣ усомниться въ выгодныхъ для насъ послѣдствіяхъ исполненія главнаго изъ его требованій: чтобы за нѣмецкими полицейскими агентами было признано право невозбранно распространять свою наблюдательную дѣятельность за предѣлами Германской имперіи безъ предварительнаго уговора съ мѣстными властями. Вѣдь тотъ же Вольгемутъ могъ бы

при этихъ условіяхъ пожаловать къ намъ въ прибалтійскія области или въ сѣверо-западный край и распоряжаться тамъ на всей своей волѣ, не опасаясь ни ареста, ни высылки. Еще болѣе важнымъ послѣдствіемъ, съ нашей русской точки зрѣнія, было бы желаемое нѣмцами упраздненіе нейтралитета Швейцаріи, которое, установивъ непосредственную связь между Германіею и ея заальпійскою союзницею Италіею, открыло бы нѣмецко-итальянскимъ соединеннымъ силамъ прямой и безпрепятственный путь въ сердце Франціи. Недаромъ по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ Императоръ Александръ I утвердилъ швейцарскій нейтралитетъ своею подписью. Самовольное нарушеніе его со стороны Германской имперіи было бы нарушеніемъ обязательства ея предъ Россіею, въ ущербъ одного изъ существеннѣйшихъ нашихъ интересовъ: равновѣсія силъ главнѣйшихъ членовъ великой европейской семьи.

VIII.

Политическое затишье.—Взгляды высшихъ нѣмецкихъ круговъ на Россію.—Обзоръ дѣйствій нѣмецкой дипломатіи.—Историческое обозрѣніе отношеній Россіи и Пруссіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.—Князь Бисмаркъ о Восточной войнѣ 1877—78 годовъ.—Исповѣдь его графу Сенъ-Валье объ австро-германскомъ союзѣ 1879 года.—Попытки привлечь Турцію къ тройственному союзу.—Образованіе Лиги Мира равносильно распаденію европейскаго концерта.—Вопросъ о франко-русскомъ союзѣ.—Возстановленіе внутренняго порядка во Франціи.

Парижъ 20 іюля (1 августа) 1889 г.

Цѣлый мѣсяцъ на политической поверхности Европы царила глубокая тишина. Страстные возгласы, бранные клики умолкли въ парламентахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, на столбцахъ воинствующихъ газетъ. Дипломатическая работа кабинетовъ продолжалась плавно и безъ шума, безъ трескучихъ взрывовъ, безъ пробныхъ шаровъ, возбуждающихъ всеобщую тревогу и опасенія. Нагляднымъ проявленіемъ такого, давно небывалаго, чисто-идиллическаго по внѣшности настроенія явилось путешествіе молодаго нѣмецкаго императора вдоль береговъ Норвегіи. Одинъ изъ могущественнѣйшихъ государей Запада въ продолженіе цѣлыхъ трехъ недѣль наслаждающійся, въ обществѣ главнаго руководителя военныхъ силъ своихъ, красотами сѣверной природы—не есть ли это лучшее доказательство того, что европейскому миру не грозитъ непосредственной опасности?

Но, странное дѣло! общественное мнѣніе Европы не довѣряетъ всѣмъ этимъ мирнымъ признакамъ, и чуется ему, что наступившее затишье—затишье предъ бурей.

Тѣмъ временемъ, за неимѣніемъ обычнаго матеріала для нападеній на «сосѣдственныя» и «дружественныя» страны, обыкновенно поставляемаго германскою государственною кан-

целяріею, многочисленная свора нѣмецкихъ оффиціозовъ, тяготясь своими досугами, вдалась въ междоусобіе и удивила міръ яростью и ожесточеніемъ, съ которыми газеты, получающія внушенія и средства къ существованію изъ одного и того же источника, стали перегрызаться другъ со другомъ. Въ берлинской оффиціозной печати довольно неожиданно, но совершенно ясно обозначились два противуположныя направленія: первое, служащее выраженіемъ мыслей и мнѣній отвѣтственнаго руководителя внѣшней политики Германіи; второе — проповѣдующее взгляды, господствующіе въ высшихъ военныхъ кругахъ.

Перебранка *Крестовой газеты* съ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, хотя и имѣетъ значеніе чисто домашняго спора, но несомнѣнно заслуживаетъ нашего вниманія потому, что отражаетъ въ неприглядной формѣ газетной полемики не только личныя, но и политическія препирательства имперскаго канцлера князя Бисмарка съ главой нѣмецкаго главнаго штаба графомъ Вальдерзее.

Что же выяснилъ намъ этотъ споръ, какія можемъ мы вывести изъ него заключенія для уразумѣнія политики Германской имперіи по отношенію къ нашему отечеству?

Россія, — разсуждаютъ питомцы берлинскаго генеральнаго штаба,—естественный врагъ Германіи, историческій и географическій. Задача новосозданной имперіи Гогенцоллерновъ—разгромить, расчленить ее, отбросить за Вислу, за Нѣманъ, за Днѣпръ, вогнать въ Азію, лишить всякаго вліянія на судьбы Европы. Такова историческая миссія, оказавшаяся не подъ силу Фридриху Великому и Наполеону, выпавшая на долю современнаго нѣмецкаго поколѣнія. Съ уничтоженіемъ могущества Россіи, ничто уже не будетъ препятствовать широкому распространенію нѣмецкой культуры во всѣ концы вселенной и утвержденію политическаго господства Германіи не только надъ всѣмъ нѣмецкимъ, но и надъ романскимъ и славянскимъ мірами. А если такъ, то чего же медлить? Чѣмъ раньше примется Германія за осуществленіе своей задачи, тѣмъ легче разрѣшитъ ее. Пока еще перевѣсъ силъ на ея сторонѣ. Она вооружена съ головы до ногъ, измышлены всѣ способы нападенія, приняты всѣ мѣры. Съ другой стороны, Россія еще не готова отразить вторженіе. Вооруженныя силы ея далеко не достигли крайняго предѣла напряженія. Финансы не вполнѣ окрѣпли, стратегическіе желѣзные пути не достроены, наконецъ, у нея нѣтъ

пока союзниковъ въ Европѣ. Не заключенъ оборонительный союзъ съ Франціею, не возстановлены нормальныя отношенія къ единовѣрнымъ государствамъ Балканскаго полуострова. Всего этого еще нѣтъ, но все это можетъ быть со временемъ. Ждать ли той минуты, когда Россія, познавъ все, чего требуютъ ея интересы политическіе и военные, изъ великой могущественной державы, какова она уже и нынѣ, преобразуется въ державу *неодолимую?*

Что же отвѣчаютъ на это органы нѣмецкаго канцлера? Отвергаютъ ли они исходную точку разсужденій берлинскихъ стратеговъ? Ставятъ ли иную цѣль внѣшней политикѣ Германіи? Ничуть! Относительно этой цѣли, между всѣми нѣмцами, военными и штатскими, учеными и неучеными, правительственными чиновниками и простыми обывателями, господствуетъ трогательное единомысліе. Но если въ цѣли согласны всѣ, то о средствахъ спорятъ съ остервененіемъ. Не дѣло военныхъ — утверждаютъ газетные голоса, внушаемые изъ Wilhelmstrasse—опредѣлять ни способы, ни время дѣйствія. Армія есть ничто иное, какъ орудіе политики, и къ ней прибѣгаютъ, какъ къ ultima ratio, лишь когда исчерпаны всѣ прочія *мирныя* средства.

Въ возраженіяхъ этихъ прежде всего сказывается страстная ревнивость, съ которою князь Бисмаркъ оберегаетъ ввѣренное ему вѣдомство отъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Но нельзя не признать также, что мнѣніе свое о дѣйствительности дипломатическихъ средствъ въ борьбѣ съ возрастающею мощью Россіи нѣмецкій канцлеръ основываетъ на двухвѣковомъ опытѣ, извѣстномъ въ исторіи подъ названіемъ *традиціонной русско-прусской дружбы.*

Кто не слыхалъ у насъ объ этой пресловутой дружбѣ, въ продолженіи двухъ столѣтій яко-бы связывавшей неразрывными узами Россію и Пруссію? Въ нашихъ дипломатическихъ кругахъ вѣра въ нее недавно еще была возведена на степень догмата и стояла выше какихъ-либо испытаній или сомнѣній. Никому и въ голову не приходило изслѣдовать ея сущность, провѣрить дѣйствительность, подвесть итоги ея политическихъ результатовъ. Напротивъ, въ Германіи она была подвергнута тщательному и всестороннему изученію. Давно уже нѣмецкая историческая наука пришла къ убѣжденію, что если трудно

побороть Россію, то ничего нѣтъ легче, какъ обойдти ее. Князь Бисмаркъ съ первыхъ лѣтъ вступленія своего на дипломатическое поприще усвоилъ себѣ этотъ урокъ исторіи и за все время нахожденія своего у власти никогда не упускалъ его изъ виду.

Въ томъ-то и главная наша бѣда, ставящая насъ относительно прочихъ государствъ, и въ частности Германіи, въ положеніе невыгодное, а порою и унизительное,—что мы плохо знаемъ собственную нашу исторію.

Легенду о двухсотлѣтней дружбѣ и союзѣ съ Пруссіею мы съ настойчивостью, достойною лучшей участи, повторяемъ съ голоса нѣмцевъ, не подозрѣвая, что, при мало-мальски внимательномъ отношеніи къ предмету, она не выдерживаетъ самой поверхностной и снисходительной критики.

Начало нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Пруссіей относится къ XVI вѣку, когда Альбрехтъ Бранденбургскій, послѣдній великій магистръ нѣмецкаго ордена и первый свѣтскій герцогъ Пруссіи, предложилъ великому князю Василію Іоанновичу Московскому союзъ противъ Польши и Литвы. Обнародованные Русскимъ Историческимъ Обществомъ документы устанавливаютъ, что эта первая попытка государя изъ дома Гогенцоллерновъ заручиться поддержкою Россіи была разсчитана на обманъ и что, заполучивъ отъ насъ помощь людьми и деньгами, герцогъ Альбрехтъ заключилъ съ Рѣчью Посполитою отдѣльный миръ, ни мало не заботясь о выполненіи принятыхъ на себя передъ нами союзныхъ обязательствъ. То же повторилось сто тридцать лѣтъ спустя, когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ возобновлена была союзная связь между Московскимъ государствомъ и великимъ курфирстомъ. Ссылаемся въ данномъ случаѣ на профессора Ѳ. Ѳ. Мартенса, котораго никто, конечно, не заподозритъ въ предвзятой враждебности къ Пруссіи и который въ предисловіи къ V тому своего «*Собранія трактатовъ и конвенцій*» приводитъ неоспоримыя доказательства недобросовѣстности берлинскаго двора въ его сношеніяхъ съ Москвою въ XVII вѣкѣ.

Исторія отношеній Петра Великаго къ королямъ прусскимъ Фридриху I и Фридриху-Вильгельму I составляетъ продолженіе той же системы лицемѣрія и обмана, которые позволили Пруссіи усилиться и расшириться благодаря помощи Россіи, безъ того, чтобы она, когда-либо, оказала ей поддержку или

просто доброжелательство. Въ теченіе всей первой половины XVIII столѣтія она то и дѣло переходила съ нашей стороны на сторону враговъ нашихъ и обратно, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, иногда на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, руководствуясь исключительно собственными выгодами и нисколько не стѣсняясь договорами, попеременно заключенными то съ нами, то съ нашими противниками.

Прусская беззастѣнчивость относительно насъ достигла крайнихъ предѣловъ въ правленіе Фридриха II. Изданная берлинскою академіею наукъ политическая переписка этого государя являетъ намъ на каждомъ шагу двуличіе, коварство и обманъ, возведенные на степень руководящихъ началъ его политики по отношенію, впрочемъ, не къ одной Россіи, но и ко всѣмъ остальнымъ государствамъ Европы. Мы ничего не знаемъ возмутительнѣе тѣхъ лживыхъ увѣреній въ дружбѣ, которыя онъ расточалъ императрицамъ Елисаветѣ и Екатеринѣ II, осыпая ихъ одновременно бранью и клеветою въ довѣрительныхъ сообщеніяхъ своихъ собственнымъ министрамъ или иностраннымъ государямъ. Къ счастію для Россіи, обѣ императрицы не поддавались льстивымъ словамъ и съумѣли, первая въ открытой борьбѣ съ Фридрихомъ, вторая въ настойчивомъ противодѣйствіи его своекорыстнымъ замысламъ,—отстоять государственныя пользы, честь и достоинство Россіи.

Еще далѣе пошелъ порочный и презрѣнный преемникъ знаменитаго дяди, Фридрихъ-Вильгельмъ II. Постоянныя колебанія его между Россіею и ея врагами въ эпоху второй турецкой войны, французской революціи и двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши превышаютъ всякое вѣроятіе и превзойдены лишь поведеніемъ Фридриха-Вильгельма III, отъ самаго вступленія его на престолъ, до славнаго для Россіи исхода отечественной войны 1812 года.

Въ тридцатилѣтній промежутокъ времени между вѣнскимъ конгрессомъ и революціею 1848 года, въ политикѣ берлинскаго двора замѣчается болѣе устойчивости, и она какъ будто примыкаетъ къ Россіи во всѣхъ внѣшнихъ вопросахъ, но и тутъ дѣло не обходится безъ значительныхъ недочетовъ и уклоненій.

Объясняется это прежде всего неисчислимыми выгодами, извлеченными Пруссіею изъ благосклоннаго выше всякой мѣры расположенія къ ней императоровъ Александра I и Николая.

За то, съ перваго дня возникновенія восточныхъ замѣшательствъ, приведшихъ къ Крымской войнѣ, она снова, подъ личиною дружбы и преданности, точитъ въ тайнѣ ножъ на Россію, замышляетъ ея расчлененіе и если не вступаетъ въ ряды ея явныхъ враговъ, то потому только, что морскія державы отвергли, въ угоду Австріи, предложенныя имъ королемъ прусскимъ услуги.

Такимъ образомъ, повторяемъ, въ продолженіе трехъ столѣтій, Пруссія въ отношеніяхъ своихъ къ Россіи руководилась исключительно своекорыстнымъ разсчетомъ, то примыкала къ намъ, то обращалась противъ насъ, извлекая изъ союза съ нами всевозможныя выгоды, но никогда не помышляя объ отплатѣ намъ услугой за услугу. Государственному росту Россіи она помогала лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда тотъ сопровождался собственнымъ ея приращеніемъ, и не упускала ни единаго случая поживиться на нашъ счетъ, приступая къ общеевропейскимъ противъ насъ коалиціямъ. Такъ было въ 1790-мъ году, въ 1812-мъ, въ 1854-мъ. Удивительнѣе всего, что всѣ эти прямо враждебные намъ замыслы берлинскій дворъ никогда не переставалъ прикрывать щедро расточаемыми намъ увѣреніями въ союзнической вѣрности и родственной любви.

Вотъ чего не знали или, вѣрнѣе, знать не хотѣли въ Петербургѣ, у Пѣвческаго моста, по той весьма понятной причинѣ, что нельзя было вывести на чистую воду прусскія интриги и недобросовѣстность, не произнеся строгаго осужденія нашей «внѣземельной» дипломатіи, столь долго потворствовавшей имъ. Но въ Берлинѣ все это было хорошо извѣстно, и главная заслуга Бисмарка предъ своими соотечественниками состоитъ въ томъ, что онъ, не пренебрегая указаніями исторіи, сумѣлъ примѣнить ихъ къ своей государственной дѣятельности. Уже въ бытность свою посланникомъ въ Петербургѣ, онъ понялъ, что для того, чтобы заручиться нашимъ благоволеніемъ не нужны существенныя услуги, а вполнѣ достаточно время отъ времени увѣрять насъ въ «уваженіи и преданности,» на которыя такъ падки наши дипломатическіе Хлестаковы. Благодаря этому несложному и дешевому пріему, онъ достигъ того, что Россія не только не воспротивилась осуществленію его замысловъ, клонившихся къ объединенію Германіи подъ верховенствомъ Пруссіи и къ доставленію ей преобладающаго положенія въ Европѣ, но усердно содѣйствовала имъ.

Едва завершилось «великое дѣло» разгромомъ Франціи въ 1870—71 годахъ и не высохли еще чернила на письмѣ, коимъ нововѣнчанный императоръ Германіи призналъ, что успѣхомъ его онъ обязанъ могучей поддержкѣ своего любимаго племянника, Императора Александра II, какъ берлинская государственная канцелярія уже измышляла планъ примиренія съ Австро-Венгріею, цѣною подчиненія ей всего православнаго Востока, въ ущербъ вѣковыхъ историческихъ правъ русскаго государства, въ поруганіе священнѣйшихъ завѣтовъ и вѣрованій русскаго народа. Весьма естественно, что въ предвидѣніи казавшагося неизбѣжнымъ столкновенія съ Россіей, берлинскій генеральный штабъ приступилъ къ составленію плана вторженія въ наши предѣлы, подобно тому, какъ тотчасъ по освобожденіи Германіи русскою кровью въ 1813, 1814 и 1815 годахъ, прусскіе генералы занялись изысканіемъ средствъ къ завладѣнію прибалтійскимъ краемъ. Но князь Бисмаркъ остановилъ ихъ рвеніе, могшее послужить лишь помѣхою къ осуществленію его видовъ. Не посредствомъ борьбы съ Россіей, а при ея соучастіи имѣла быть приведена въ исполненіе программа вытѣсненія русскаго вліянія съ Балканскаго полуострова и замѣны его австро-венгерскимъ. Отсюда тройственный союзъ 1872 года и естественное его послѣдствіе—Восточная война 1877—78 годовъ.

Россія ополчилась на брань, и вздрогнули берлинскіе стратеги, даже не подозрѣвавшіе, что натолкнулъ ее на Турцію никто иной, какъ нѣмецкій канцлеръ. Имъ показалось какъ нельзя болѣе своевременнымъ воспользоваться сосредоточеніемъ главныхъ силъ Россіи на Дунаѣ, чтобы напасть на нее врасплохъ и отторгнуть очищенныя отъ войска пограничныя области, давно составляющія предметъ алчныхъ нѣмецкихъ вожделѣній. «Если мы упустимъ этотъ случай»—сѣтовали они—«то Россія, одолѣвъ Турцію, твердою ногою станетъ въ Царьградѣ, между двумя проливами, на рубежѣ Азіи и Европы». Характерно презрительное размышленіе, вызванное въ князѣ Бисмаркѣ такими разсужденіями умнѣйшихъ дѣльцовъ генеральнаго штаба. «Они мнятъ себя полубогами (Halbgötter)»—воскликнулъ онъ—«въ сущности же они только—полуживотныя (Halbe-Ochsen)». Нѣмецкій канцлеръ зналъ заранѣе, что кровопролитная и побѣдоносная война разрѣшится для Россіи ничѣмъ инымъ, какъ, по

живописному выраженію его, «нѣсколькими бунчуками плѣнныхъ пашей и побѣдною пальбою въ Москвѣ». (Einige Roszschweife und Victoria-Schiessen in Moskau).

Не станемъ распространяться ни о поведеніи Германіи на Берлинскомъ конгрессѣ, нагло выдаваемомъ за благодѣяніе, оказанное намъ княземъ Бисмаркомъ, ни о еще болѣе дерзкомъ вызовѣ, брошенномъ имъ Россіи заключеніемъ союзнаго договора съ Австро-Венгріею, прямо и исключительно направленнаго противъ державы, столь недавно считавшейся союзницею обѣихъ договаривающихся сторонъ. Долго не хотѣлъ ратификовать этотъ актъ покойный императоръ Вильгельмъ I, убѣжденный, что онъ неминуемо поведетъ къ войнѣ съ Россіей, и не желавшій на закатѣ дней своихъ принять на душу тяжкій грѣхъ и обнажить мечъ противъ Государя, коему, какъ самъ онъ признавался, онъ обязанъ былъ императорскою короною Германіи. Но послушаемъ, что повѣдалъ по этому поводу самъ князь Бисмаркъ:

«Взгляните на полученные результаты», говорилъ онъ французскому послу при берлинскомъ дворѣ, графу Сенъ-Валье, 2 (14) ноября 1879 года, т.-е. всего мѣсяцъ по подписаніи союзной конвенціи. «Тому назадъ шесть недѣль Россія мечтала лишь объ огнѣ и пламени; пріемъ, оказанный вами ея предложеніямъ, заставилъ ее призадуматься; мой уговоръ съ Австріею окончательно ее образумилъ. Мы рѣшили въ Вѣнѣ, что сообщимъ С.-Петербургскому кабинету наше соглашеніе. Императоръ, мой государь, полагалъ, что сообщеніе это будетъ сочтено за вызовъ; онъ нѣсколько дней отказывалъ въ своемъ согласіи. Я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ крайнему средству и подалъ въ отставку. Онъ ее не принялъ и отвѣчалъ предложеніемъ самому отречься отъ престола. Я отклонилъ это въ свою очередь, и мы кончили тѣмъ, что уговорились. Желаемое мною сообщеніе состоялось; восемь дней спустя, какъ я предсказалъ императору, въ С. Петербургѣ стали покладистѣе (on devenait plus doux à Saint-Pétersbourg), а теперь и совершенно пріостановили газетный походъ, воспретивъ газетамъ всякое нападеніе на насъ и на Австрію... Боевой медвѣдь спряталъ когти при видѣ всѣхъ сторожевыхъ псовъ на ногахъ и въ согласіи (en voyant debout et unis tous les dogues de garde)».

Такіе крупные дипломатическіе успѣхи не легко изглажи-

ваются изъ памяти. Припоминая ихъ, нѣмецкій канцлеръ и нынѣ льститъ себя надеждою, что, для достиженія своихъ политическихъ цѣлей, ему легче и безопаснѣе снова провести Россію, чѣмъ побороть ее въ открытой борьбѣ. Такова причина нынѣшней разноголосицы между нѣмецкими оффиціозами различныхъ оттѣнковъ. *Сказать* это было мало, намъ нужно было *доказать*, и да простятъ намъ читатели пространное отступленіе, представлявшееся необходимымъ для правильнаго выясненія вопроса, важность котораго, при современномъ положеніи дѣлъ, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію.

При всемъ нашемъ уваженіи къ политической прозорливости и къ дипломатическому искусству князя Бисмарка, намъ все же сдается, что въ данномъ случаѣ онъ легко можетъ ошибиться въ разсчетѣ. Die schönen Tagen von Aranjuez sind vorüber, они миновали и миновали навсегда. Державная воля, руководящая судьбами Россіи, не поддается ни лести, ни угрозѣ, недоступна иноземнымъ внушеніямъ. Она самостоятельно взвѣшиваетъ нужды и пользы государства, вдохновляемая свыше, умудряемая опытомъ исторіи. Въ непоколебимой твердости ея — залогъ внутренняго порядка и внѣшней безопасности отечества.

Трудно допустить, чтобы этого не сознавала нѣмецкая дипломатія, хотя она и не признается въ томъ. Иначе, стала ли бы она такъ усердно искать расширить область пресловутой Лиги Мира включеніемъ новыхъ членовъ въ порѣдѣвшіе ряды ея? Ни за чѣмъ инымъ рѣшился, наконецъ, посѣтить свою бабку королеву Викторію вѣчно плавающій или путешествующій юный германскій императоръ. Въ тѣхъ же видахъ князь Бисмаркъ уже нѣсколько лѣтъ заигрываетъ съ Турціею.

По свѣдѣніямъ, доходящимъ до насъ изъ заслуживающаго полнаго довѣрія источника, недавно произведено было изъ Берлина сильное давленіе на султана и его совѣтниковъ, съ цѣлью побудить Порту формально приступить къ союзу среднеевропейскихъ державъ. Политика эта не увѣнчалась успѣхомъ. Абдулъ-Гамидъ прекрасно понялъ, что принятіе предложенія не доставило бы ему никакой выгоды, а между тѣмъ, подвергло бы грозной опасности самое существованіе Оттоманской имперіи.

Признаемся, намъ жаль, что на этотъ разъ благоразуміе

восторжествовало въ совѣтахъ Порты. Воздавая должную справедливость отличнымъ боевымъ качествамъ турецкой арміи, мы тѣмъ не менѣе находимъ, что они едва-ли возмѣстили бы нравственный ущербъ, причиненный Лигѣ Мира союзною связью съ Турціею въ глазахъ христіанскихъ народностей Востока. Очнулись бы и отрезвились окончательно Греція, Румынія, Сербія, быть можетъ, и Болгарія, научась отличать истинныхъ друзей своихъ отъ ложныхъ. Всякое недоразумѣніе исчезло бы. Христіанскія государства Балканскаго полуострова дружнѣе бы сплотились вокругъ православнаго знамени, Богомъ ввѣреннаго Россіи, которая, въ свою очередь, была бы въ правѣ разъ навсегда покончить со столько разъ пощаженною ею Турціею. Утвержденіе Россіи на рубежѣ Европы и Азіи, на благословенныхъ берегахъ Дарданеллъ и Босфора и распредѣленіе остальныхъ подвластныхъ Портѣ европейскихъ областей между ея законными наслѣдниками, греками, румынами, сербами, болгарами и черногорцами подъ покровительствомъ и охраною русскаго Царя, въ силу его третейскаго рѣшенія, — явилось бы естественною развязкою Восточнаго вопроса, столько десятковъ лѣтъ служащаго для вселенной неистощимымъ источникомъ смутъ, раз.ора и кровопролитной брани.

Русская дипломатія долго вѣрила, что сложный этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ полюбовно, общимъ соглашеніемъ всѣхъ великихъ державъ. Пора разстаться съ этимъ роковымъ заблужденіемъ. Такая Европа, умиротворенная внутри и дѣйствующая согласно и дружно во всемірно-историческихъ вопросахъ, существовала только въ воображеніи дипломатическихъ метафизиковъ, неисправимыхъ доктринёровъ, убѣжденныхъ, что судьбы государствъ и народовъ вершатся въ тиши кабинетовъ и канцелярій, или вокругъ зеленаго стола такъ называемаго «европейскаго ареопага». Въ дѣйствительности же помянутый ареопагъ былъ лишь ристалищемъ для борьбы международныхъ страстей и интересовъ, изъ которой побѣдителемъ выходилъ тотъ, кто, отрѣшившись отъ всякихъ сентиментальныхъ бредней, смѣло и настойчиво преслѣдовалъ своекорыстныя свои выгоды. Такъ происходили дѣла на собраніяхъ дипломатовъ временъ Священнаго Союза, въ Вѣнѣ, Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ, и не иначе—на совѣщаніяхъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Константинополѣ и Берлинѣ, на обсужденіе и рѣше-

ніе которыхъ мы болѣе или менѣе добровольно отдали отношенія Россіи къ Востоку, къ непосредственной нашей сосѣдкѣ Турціи, также какъ и къ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ народностямъ, освобожденнымъ русскою кровью, словомъ собственныя наши историческія судьбы и призваніе.

Такой «коллективной» или, какъ любятъ выражаться наши дипломаты, «великой Европы» вовсе нѣтъ, а есть въ центрѣ этой части свѣта задуманное и осуществленное геніемъ нѣмецкаго канцлера скопище трехъ крупныхъ и нѣсколькихъ мелкихъ державъ, покорно подчиняющихся руководству Берлина, въ чаяніи богатой добычи, обѣщанной имъ на счетъ тѣхъ изъ государствъ, что̀ не принимаютъ участія въ средне-европейскомъ заговорѣ, обѣщаной во всевозможныхъ направленіяхъ, на Югѣ, какъ на Сѣверѣ, на Западѣ, какъ и на Востокѣ.

Между участниками Лиги все условлено и предусмотрѣно заранѣе. Распредѣлены роли, намѣчены цѣли, изысканы и приготовлены средства. Наступитъ время дѣйствовать, и все пойдетъ какъ по маслу, дружно, стройно, безъ недоумѣній и замѣшательствъ, зрѣло обдуманными и ясно предначертанными путями и способами. Прибавимъ къ тому, что, благодаря своему географическому положенію въ центрѣ Европы, союзники разобщаютъ двѣ независимыя группы своихъ противниковъ, образуемыя на Западѣ — Франціею съ Голландіею и Швейцаріею, на Востокѣ — Россіей съ сонмомъ опирающихся на нее тѣхъ изъ балканскихъ государствъ, что̀ дорожатъ своею свободою и самостоятельностью.

Возможно ли—спрашиваютъ себя не безъ смущенія и тревоги нѣмецкіе, австро-мадьярскіе и итальянскіе оффиціозы, — чтобы между упомянутыми обѣими группами не существовало на случай общей опасности никакого предварительнаго уговора или соглашенія? И такъ какъ plaider le faux pour apprendre le vrai довольно излюбленный пріемъ средне-европейской печати, то мы читаемъ на столбцахъ «свѣдущихъ» газетъ пространные и фантастическіе разсказы о съѣздахъ государственныхъ людей, русскихъ и французскихъ, о будто-бы происходившихъ между ними оживленныхъ бесѣдахъ и совѣщаніяхъ, о заключенныхъ договорахъ, самыя тайныя статьи которыхъ обнародываются во всеобщее свѣдѣніе досужими публицистами, не останавливающимися ни предъ какою невѣроятностью или просто нелѣпостью.

За такими «разоблаченіями» слѣдуетъ обыкновенно вопль негодованія по поводу чудовищнаго сочетанія между «красною» республикою и самодержавною монархіею, исповѣдующею строгія охранительныя начала. Соглашеніе между ними провозглашается въ одинъ голосъ верхомъ безобразія, съ тою лишь разницею, что тогда какъ одна часть оффиціозовъ стыдитъ Россію вступленіемъ въ дружбу съ радикалами, анархистами, едва-ли не цареубійцами, другая часть упрекаетъ французовъ за принесеніе якобы въ жертву русскому «деспотизму» своихъ политическихъ вольностей, составляющихъ-де общее достояніе всѣхъ культурныхъ народовъ Запада.

Мы еще вернемся къ вопросу о томъ, насколько выгоды Россіи требуютъ и достоинство допускаетъ сплоченіе силъ ея съ силами республиканской Франціи для противодѣйствія сообща опасности, одинаково угрожающей имъ со стороны среднеевропейской федераціи, присвоившей себѣ столь мало приличествующее названіе Лиги Мира. Вопросъ этотъ—при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ—мы считаемъ необыкновенно важнымъ и затрогивающимъ высшіе политическіе интересы Россіи. Читатели наши хорошо знаютъ, какъ глубока и искренна наша вѣра въ силу и истину самодержавной власти и тѣсно связанныхъ съ нею прочихъ нравственныхъ основъ нашего государственнаго и общественнаго строя, которымъ мы дорожимъ, какъ зѣницею ока, и не поступимся ни передъ кѣмъ, и ни за что. Но разбирая поставленный выше вопросъ, мы будемъ руководиться исключительно русскими соображеніями и останемся глухи къ нашептываніямъ враговъ и недоброжелателей Россіи, доводы которыхъ слишкомъ явно клонятся ко введенію насъ въ заблужденіе относительно нашихъ истинныхъ политическихъ потребностей. Въ доказательство отмѣтимъ здѣсь недобросовѣстность и лживость двухъ изъ такихъ доводовъ, которые мы постоянно встрѣчаемъ при обсужденіи въ нѣмецкихъ, австрійскихъ и итальянскихъ газетахъ взаимныхъ отношеній Россіи и Франціи.

Намъ говорятъ: Съ Франціею при существующемъ въ ней образѣ правленія нельзя-де вступать въ обязательства, потому что она не даетъ достаточныхъ ручательствъ въ томъ, что договоръ, заключенный нынѣшнимъ министерствомъ, будетъ уважаемъ и соблюдаемъ его преемниками. Мало того, такой дого-

воръ непремѣнно-де долженъ быть гласнымъ, ибо подлежитъ утвержденію палатъ.

Разсужденіе совершенно ложное. Въ отношеніи международныхъ договоровъ, французская республика представляетъ ни болѣе ни менѣе ручательствъ, чѣмъ любая изъ конституціонныхъ монархій Европы. Въ Парижѣ также, какъ и въ Лондонѣ, въ Римѣ, въ Вѣнѣ, министерство, заключившее договоръ, можетъ пасть рано или поздно, но самый договоръ остается въ обязательной силѣ для слѣдующихъ кабинетовъ. Отвѣтственнымъ лицомъ за точное его исполненіе является глава государства, президентъ республики, не болѣе и не менѣе, чѣмъ конституціонный государь. Французская конституція предвидѣла этотъ случай, разрѣшивъ президенту республики не только заключать договоры съ иностранными государствами, но и не представлять ихъ на утвержденіе палатъ, другими словами — соблюдать ихъ въ строгой тайнѣ, до тѣхъ поръ пока обнародованіе ихъ перестанетъ считаться вреднымъ для интересовъ государства.

Другое утвержденіе: Франція разлагается. Нынѣшній республиканскій строй расшатанъ въ своихъ основаніяхъ. Республикѣ грозитъ близкое низверженіе, за которымъ не минуемо-де послѣдуетъ политическій хаосъ, полное безначаліе, междоусобная война.

Поводомъ къ подобнымъ нареканіямъ безспорно послужило броженіе, вызванное во французскомъ обществѣ скопомъ и заговоромъ всѣхъ враждебныхъ нынѣшнему порядку элементовъ, соединившихся въ одномъ общемъ усиліи къ его ниспроверженію подъ знаменемъ генерала Буланже.

Мы не разъ уже имѣли случай высказаться въ нашихъ бесѣдахъ о смыслѣ и значеніи этого движенія. Оно являлось намъ скопищемъ недовольныхъ всѣхъ партій и оттѣнковъ, стремящихся къ разрушенію нынѣшняго государственнаго зданія, но по своему разномастному составу неспособнаго воздвигнуть что-либо опредѣленное и прочное на его обломкахъ. По поводу удаленія генерала и двухъ главныхъ его сообщниковъ заграницу, во избѣжаніе грозившаго имъ суда и наказанія за посягательство на государственный строй, установленный основными законами страны, мы выразили мнѣніе, что оно повлечетъ за собой отпаденіе отъ буланжизма народныхъ массъ, въ значительномъ большинствѣ подававшихъ голоса за вождя движенія

*

на выборахъ въ палату депутатовъ, происходившихъ въ концѣ минувшаго и въ началѣ настоящаго года.

Событія оправдали наши предсказанія. Состоявшіеся надняхъ выборы въ генеральные совѣты на всемъ пространствѣ Франціи неопровержимо доказали, что сочувствіе избирателей не на сторонѣ ярыхъ противниковъ республики. Генералъ Буланже, выставившій свою кандидатуру въ нѣсколькихъ стахъ избирательныхъ округовъ, едва добился избранія въ двѣнадцати изъ нихъ. Друзья его и поддержанные имъ кандидаты почти нигдѣ не одолѣли своихъ противниковъ. Пораженіе, понесенное буланжизмомъ, объясняется тѣмъ, что страна извѣрилась въ человѣкѣ, обѣщавшемъ ей возрожденіе политическое и нравственное, но не успѣвшемъ оправдать самого себя отъ обвиненій въ злоупотребленіи денежными суммами, ввѣренными ему въ качествѣ военнаго министра для организаціи вооруженныхъ силъ Франціи. Оно свидѣтельствуетъ также, что французскій народъ, хотя недоволенъ многими несовершенствами управленія, но и не помышляетъ о коренномъ преобразованіи своихъ государственныхъ учрежденій. Такая работа, влекущая за собою страстную борьбу между политическими партіями, была бы крайне несвоевременна въ настоящую минуту, когда республикѣ угрожаетъ серіозная опасность извнѣ. Усиленныя вооруженія Италіи, сосредоточеніе итальянскихъ войскъ на французской границѣ, не только съ согласія, но и по указаніямъ берлинскаго генеральнаго штаба, предвѣщаютъ близкое наступленіе бури.

Все это позволяетъ надѣяться, что предстоящіе будущею осенью общіе выборы въ палату депутатовъ дадутъ не менѣе благопріятный результатъ. Искренно желаемъ, чтобы онъ упрочилъ внутренній порядокъ и спокойствіе страны и сплотилъ во-едино ея духовныя и матеріальныя силы противъ внѣшняго врага, болѣе чѣмъ когда-либо грозящаго земельной цѣлости и политической независимости Франціи.

IX.

Поѣздка Вильгельма II въ Лондонъ.—Сближеніе Англіи съ Германіей.—Приступленіе лондонскаго двора къ тройственному союзу.—Бездѣйствіе русской дипломатіи.—Дѣятельность графа С. Р. Воронцова въ Лондонѣ въ 1790 году.—Печать какъ орудіе дипломатическаго вліянія. — Причины неразрывности австро-нѣмецкаго соглашенія.—Взглядъ князя Бисмарка на Австро-Венгрію.—Печальное будущее монархіи Габсбурговъ.

Тейфенбахъ, въ Штиріи, 20 августа (1 сентября) 1889 г.

Въ наше время, посѣщенія монархами родственныхъ или союзныхъ дворовъ не составляютъ явленія чрезвычайнаго, выходящаго изъ границъ обычнаго международнаго обихода, но политическое значеніе ихъ опредѣляется какъ поводами, ихъ вызвавшими, такъ и обстановкою, при которой они совершаются. Съ этой двойной точки зрѣнія безспорно заслуживаетъ нарочитаго вниманія недавняя поѣздка императора Вильгельма II въ Англію.

Не смотря на близкое родство свое съ англійскимъ королевскимъ домомъ, молодой германскій императоръ не выказалъ ему особой предупредительности и не только не включилъ королеву Викторію въ разрядъ государей, посѣщенныхъ имъ въ первые мѣсяцы по вступленіи на престолъ, но медлилъ цѣлый годъ исполненіемъ этого долга вѣжливости. Причины, имъ руководившія, были двоякаго рода. Съ одной стороны онѣ заключались въ натянутыхъ отношеніяхъ Вильгельма II къ своей матери, выразившихся не въ однихъ пререканіяхъ, но и въ довольно крутыхъ мѣрахъ, не отличавшихся сыновнею почтительностью. Однако, мы едва-ли ошибемся утверждая, что посѣщеніе лондонскаго двора было отложено также по причинамъ чисто политическаго свойства, въ силу соображеній, тѣсно связанныхъ съ положеніемъ берлинскаго кабинета, какъ средоточія средне-

европейской федераціи, именующей себя «Лигою Мира». Въ убѣжденіи этомъ утверждаетъ насъ и то обстоятельство, что свиданію царственнаго внука съ престарѣлою бабкою предшествовали дѣятельные дипломатическіе переговоры между государственными людьми нѣмецкими и англійскими, и что для устраненія послѣднихъ препятствій понадобилась даже предварительная развѣдка въ Лондонѣ сына имперскаго канцлера.

Для Россіи далеко не безразлична сущность отношеній, установившихся со времени съѣзда въ Осборнѣ между сильнѣйшею морскою державою въ мірѣ и Германскою имперіею, вкупѣ съ союзниками своими располагающею многочисленнѣйшими вооруженными силами на сухомъ пути. Попытаемся же выяснить ихъ въ настоящемъ, не пренебрегая при томъ и указаніями прошлаго.

Первымъ политическимъ предпріятіемъ нынѣшняго князя Бисмарка при вступленіи имъ, болѣе четверти вѣка назадъ, въ завѣдываніе внѣшними дѣлами Пруссіи, былъ хищническій набѣгъ на Данію и насильственное отторженіе отъ нея трехъ при-эльбскихъ герцогствъ. Въ предпріятіи этомъ сообщницею его явилась Австрія, горько поплатившаяся впослѣдствіи за участіе свое въ столь беззаконномъ дѣлѣ. Отуманенныя льстивыми рѣчами прусскаго министра, Россія и Франція оказали ему неожиданное потворство. Одна Англія хотя ничего не сдѣлала въ защиту датчанъ, но, по крайней мѣрѣ, громко протестовала противъ вопіющаго нарушенія лондонскаго договора 1852 года, обезпечивавшаго Даніи обладаніе герцогствами и скрѣпленнаго подписью всѣхъ великихъ державъ. Когда же у г. фонъ-Бисмарка хватило духу потребовать отъ лондонскаго двора признанія своего образа дѣйствій «умѣреннымъ и примирительнымъ», то лордъ Джонъ Россель рѣзко отвѣтилъ ему, «что предпочелъ бы полное молчаніе попыткѣ оправдать условія мира». Еще строже звучалъ отзывъ великобританскаго министра иностранныхъ дѣлъ о Гаштейнской конвенціи, непосредственно предшествовавшей австро-прусской войнѣ 1866 года. «Соглашеніемъ въ Гаштейнѣ», заявилъ онъ, «нарушены всѣ права, какъ старыя, такъ и новыя, на чемъ бы они ни были основаны, на торжественныхъ ли договорахъ между государями или на ясномъ выраженіи народной воли, и авторитетъ силы есть единственная власть, съ которою соображались и которую признали».

Нѣмецкій канцлеръ долго не прощалъ англійскому правительству столь гласнаго осужденія его политическихъ пріемовъ, какъ не прощалъ впослѣдствіи робкой попытки протестовать во имя нарушеннаго права противъ распаденія Германскаго Союза и едва-внятнаго лепета министровъ королевы Викторіи въ защиту разгромленной Франціи въ 1870—71 годахъ. Самъ онъ выражался о нихъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, доколѣ они принадлежали къ либеральной партіи виговъ, и даже по возвращеніи къ власти торіевъ, въ 1874 году, потребовались такія міровыя событія, какъ русско-турецкая война и завершившій ее берлинскій конгрессъ, чтобы создать между Германіей и Англіей общую политическую почву, на которой они сошлись въ дружномъ противодѣйствіи распространенію политическаго вліянія Россіи на Востокѣ.

Когда осенью 1879 года разнеслась по Европѣ вѣсть о заключеніи явно направленнаго противъ Россіи австро-германскаго союза, преемникъ Биконсфильда лордъ Салисбюри громко привѣтствовалъ ее, какъ самую желанную и счастливую. Это не помѣшало князю Бисмарку отклонить приступленіе Англіи къ упомянутому ядру нынѣшней средне-европейской коалиціи. Тогда еще онъ дѣлилъ великія державы Европы на два разряда: миролюбивыхъ и воинственныхъ. «*Рѣшительно миролюбивыми*» онъ признавалъ лишь Германію, Австрію и Францію; Англію называлъ воинственною въ прочихъ частяхъ свѣта, но мирною въ Европѣ; Россію—задорною и завоевательною, а Италію—безпокойною и готовою на всякія приключенія. «Средство сдержать воинственныя державы»—говорилъ онъ французскому послу графу Сенъ-Валье,—«осуществленіе соглашенія державъ миролюбивыхъ. Вотъ почему я обрадовался вашему сближенію съ Англіей. Я рукоплескалъ ему, поддерживая его предъ англичанами равно какъ предъ вами. Въ моихъ глазахъ вашъ союзъ съ Англіей—существенный залогъ нашего общаго спокойствія, потому что Франціи, опирающейся на Англію, нечего бояться за свою безопасность и, сознавая свою силу, она можетъ жить мирно, вдали отъ рискованныхъ предпріятій. Служа ей опорою, Англія сдерживаетъ Францію, а та въ свою очередь сдерживаетъ Англію, которая могла бы даже увлечь себя на путь приключеній, еслибы оставалась одинокою. Такимъ образомъ, въ моихъ мысляхъ соглашеніе наше съ Австріею

является дополненіемъ вашего соглашенія съ Англіею: это сплоченіе въ два пука соединенныхъ между собою любовью къ миру, спокойныхъ и мирныхъ началъ въ Европѣ. Союзъ австро-германскій, союзъ англо-французскій, дружественныя отношенія между обѣими группами—таково краснорѣчивѣйшее предостереженіе буянамъ, чтобы они оставались въ покоѣ, и вѣрнѣйшее ручательство за поддержаніе европейскаго мира».

Чего не договаривалъ князь Бисмаркъ, но что̀ несомнѣнно составляло предметъ его страстныхъ, хотя и затаенныхъ желаній—это надежда стравить Англію съ Россіею, вызвать тѣмъ или другимъ способомъ исполинскую борьбу «кита» со «слономъ», послѣдствіемъ которой неизбѣжно явилось бы ослабленіе обоихъ противниковъ. Отсюда двусмысленное положеніе, занятое берлинскимъ дворомъ въ продолженіе афганской распри, едва не приведшее къ разрыву кабинеты с.-петербургскій и лондонскій; отсюда и поперемѣнныя заигрыванія то съ англичанами, то съ нами. А когда весь этотъ трудъ оказался напраснымъ, и Россія и Англія предпочли «доброй ссорѣ» «худой миръ» и путемъ временныхъ уступокъ уладили возникшія между ними несогласія, то князю Бисмарку осталось лишь удовольствоваться единственнымъ благопріятнымъ для него послѣдствіемъ англо-русской размолвки: паденіемъ въ іюнѣ 1885 года кабинета Гладстона и вторичнымъ водвореніемъ лорда Салисбюри во главѣ торійскаго министерства.

Впрочемъ результатъ этотъ былъ весьма немаловаженъ для цѣлей нѣмецкой политики на Востокѣ, если припомнимъ, что Гладстонъ, тотъ самый государственный человѣкъ, что̀, въ виду замышляемыхъ Австро-Венгріею, съ одобренія и даже по наущенію Германіи, захватовъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ ущербъ самобытности и независимости населяющихъ его христіанскихъ племенъ, не задумался громко кликнуть вѣнскому двору: «руки прочь!» Вѣрный кореннымъ началамъ своей долголѣтней политической дѣятельности, маститый вождь виговъ никогда не пошелъ бы на сдѣлку, клонящуюся къ порабощенію иноземнымъ вліяніямъ молодыхъ государственныхъ организмовъ, имѣющихъ несомнѣнное право на самостоятельное развитіе, не пошелъ бы, невзирая ни на какія преимущества. предоставленныя Великобританіи Германіей и ея союзниками. Другое дѣло—лордъ Салисбюри, продолжатель начинаній Би-

консфильда. Возникшая въ Болгаріи смута сразу опредѣлила полную его солидарность въ восточныхъ дѣлахъ со средне-европейскими дворами. Оставалось оформить эту связь, такъ сказать, узаконить ее письменнымъ обязательствомъ. Самъ князь Бисмаркъ начиналъ признавать необходимость такого расширенія своей первоначальной программы и допущенія Англіи къ участію въ раздѣлѣ восточной добычи. Побуждали его къ тому выходъ Россіи изъ состава тройственнаго союза, возвращеніе себѣ ею полной свободы дѣйствій и какъ послѣдствіе таковой—грозный призракъ союза съ Франціею, которая уклончивостью своею отъ столько разъ предложеннаго ей сближенія съ Германіей не оправдала надеждъ, возложенныхъ на нее нѣмецкимъ канцлеромъ десять лѣтъ назадъ. Третій членъ «Лиги Мира» — Италія, въ особенности настаивала на привлеченіи въ ея составъ Сентъ-Джемскаго кабинета, не полагаясь на собственныя морскія силы для защиты береговъ своихъ въ случаѣ нападенія на нихъ французскаго флота.

Неожиданнымъ препятствіемъ явился разладъ въ нѣмецкой императорской семьѣ, который не могъ, разумѣется, не отразиться на отношеніяхъ Берлина не только къ англійскому двору, но и къ правительству. Всѣмъ памятны острыя проявленія этого разлада въ послѣдній годъ царствованія императора Вильгельма I, вокругъ болѣзненнаго одра его несчастнаго сына и преемника, въ стодневное правленіе Фридриха III, наконецъ въ первый годъ воцаренія Вильгельма II, гоненіе на всѣхъ, кто пребылъ вѣренъ царственному страдальцу на престолѣ: на врача его Макензи, довѣреннаго совѣтника Гефкена, личнаго друга Моріера, на мужественную его подругу и неутѣшную вдову, саму императрицу Викторію.

Но утоливъ жажду личной мести, отвѣтственный руководитель нѣмецкой политики снова взглянулъ на сильно поколебленныя отношенія Германіи къ Англіи съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ первой изъ этихъ державъ. Ему ясно представилось, что пора прекратить задорную игру, не только безплодную, но и положительно вредную въ своихъ политическихъ результатахъ. Исходя изъ тѣхъ же соображеній, въ Лондонѣ поспѣшили ему навстрѣчу, и примиреніе родственное и дипломатическое запечатлѣлось нынѣ торжественнымъ пріемомъ,

оказаннымъ германскому императору англійскою королевою, ея семьею, министрами, арміею и флотомъ.

Мы не станемъ касаться степени искренности тѣхъ увѣреній въ родственной любви и привязанности, кои расточали другъ другу и гость, и хозяева. Что дѣло не ограничилось выраженіемъ однихъ этихъ чувствъ, — явствуетъ изъ воинственныхъ рѣчей, произнесенныхъ Вильгельмомъ II, рѣчей, взывающихъ къ воспоминаніямъ братства по оружію двухъ вѣтвей великаго германскаго племени на поляхъ Мальплакэ и Ватерлоо. Отголосокъ этихъ рѣчей раздался и въ Берлинѣ на пирѣ гвардейскаго драгунскаго полка, шефомъ коего вновь пожалованный «почетный» адмиралъ англійскаго флота назначилъ, вопреки преданіямъ прусскаго двора, бабку свою, королеву Викторію, и даже въ стѣнахъ Вестминстерскаго дворца, въ отвѣтномъ заявленіи г. Фергюссона на запросъ г. Лабушера. Но всего знаменательнѣе представляется намъ возвѣщенное «Сѣверо-Германскою Всеобщею газетою», рѣшеніе берлинскаго кабинета задержать дальнѣйшее развитіе колоніальной политики Германіи на Африканскомъ побережьи. Это несомнѣнная уступка притязаніямъ Сентъ-Джемскаго двора, и если князь Бисмаркъ рѣшился ее сдѣлать, то, конечно, не даромъ. Она прямо указываетъ на приступленіе Англіи къ пресловутой «Лигѣ Мира», въ томъ или другомъ видѣ, но во всякомъ случаѣ не безъ признанія верховнаго руководительства ея создателя и главнаго вождя.

Излишне распространяться о проистекающемъ отъ того усиленіи боевыхъ средствъ средне-европейской коалиціи. Достаточно указать на неизбѣжныя послѣдствія участія въ ея военныхъ операціяхъ англійскаго флота. На Западѣ оно парализуетъ дѣйствіе морскихъ силъ Франціи и обезпечиваетъ отъ нападенія обширную береговую линію: Германіи—на моряхъ Сѣверномъ и Балтійскомъ, Италіи и Австріи—въ водахъ Средиземныхъ и Адріатическихъ. Еще важнѣе для наступательныхъ цѣлей «Лиги» содѣйствіе англійскихъ моряковъ, въ случаѣ войны съ Россіею, на Сѣверѣ—для угрозы Кронштадту и самой столицѣ русской имперіи, на Востокѣ—для предупрежденія насъ въ занятіи Проливовъ. Но это еще не все. Примѣры 1854 и 1877 годовъ доказываютъ, что одного появленія англійскихъ военныхъ судовъ въ Архипелагѣ достаточно, чтобы по-

мѣшать нашимъ естественнымъ союзникамъ, грекамъ, стать подъ наши знамена. Наконецъ, необходимость оградить отъ вторженія со стороны Афганистана наши средне-азіатскія области заставитъ насъ оттянуть значительную часть нашихъ силъ отъ главнаго театра войны въ Европѣ.

Въ виду столь опасныхъ для Россіи послѣдствій отъ приступленія Англіи къ такъ называемой «Лигѣ Мира», позволительно поставить вопросъ: пыталась ли русская дипломатія воспрепятствовать осуществленію означеннаго политическаго сочетанія? Напрягла ли свой умъ, чтобы изыскать способы къ удержанію Англіи отъ предлагаемаго Германіей соглашенія? Пустила ли въ ходъ всѣ средства, дабы, не скажемъ переманить Сентъ-Джемскій кабинетъ на нашу сторону, но, по крайней мѣрѣ, убѣдить его не покидать нейтральнаго положенія между тройственнымъ союзомъ и державами, стоящими внѣ его?

Сдается намъ, что нынѣ, какъ и десять лѣтъ назадъ, когда состоялся первый враждебный намъ уговоръ Германіи съ Австро-Венгріею, наше дипломатическое вѣдомство равнодушно и безучастно отнеслось къ событію, несомнѣнно заключающему въ себѣ угрозу и прямую опасность для Россіи. Это тѣмъ болѣе жаль, что у насъ нѣтъ недостатка въ средствахъ воздѣйствія на Англію, которая хорошо знаетъ, что спокойное обладаніе Индіей зависитъ отъ доброй воли русскаго правительства. Есть въ нашей исторіи и блестящій примѣръ того, чего можетъ достигнуть именно на британской почвѣ, и притомъ «*мирными*» средствами, русскій дипломатъ, вдохновленный пламенною любовью къ отечеству и неустанно трудящійся на его пользу. Мы разумѣемъ кипучую и плодотворную дѣятельность въ Лондонѣ въ 1790 году нашего посланника при англійскомъ дворѣ, графа С. Р. Воронцова.

Тогда, какъ и теперь, Пруссія, стремясь задержать государственный ростъ Россіи на Востокѣ, заключила союзные договоры съ Портою и съ Швеціею и предложила соединиться съ ними великобританскому правительству, во главѣ котораго стоялъ знаменитый Питтъ младшій. Рѣчь шла ни болѣе, ни менѣе какъ объ объявленіи дворами Берлинскимъ, Лондонскимъ и Стокгольмскимъ войны Россіи, съ цѣлью принудить императрицу Екатерину заключить миръ съ Турціей на условіи отказа отъ какихъ-либо завоеваній. Англія уже приступила къ

обширнымъ вооруженіямъ, снарядивъ противъ насъ сильный флотъ. Воронцовъ потребовалъ объясненій отъ Питта и, не получивъ ихъ, обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ герцогу Лидсу со слѣдующею энергическою рѣчью: «Такъ какъ я вижу, что министерство въ ослѣпленіи своемъ упорствуетъ въ намѣреніи вести войну несправедливую и равно вредную для обѣихъ странъ, то считаю себя обязаннымъ предупредить зло. Вы, конечно, будете имѣть за себя большинство въ обѣихъ палатахъ, но я достаточно знакомъ съ Англіей, чтобы знать, что министерство и самый парламентъ почерпаютъ силу лишь въ поддержкѣ областнаго мнѣнія. мнѣнія людей имущихъ и независимыхъ, которые, въ концѣ концовъ, управляютъ страною. А потому я объявляю вамъ, герцогъ, что напрягу всѣ усилія, дабы нація увидала ваши намѣренія, столь противныя пользамъ страны, и я слишкомъ выгоднаго мнѣнія о здравомъ смыслѣ англичанъ, чтобы не надѣяться, что общій крикъ народа вынудитъ васъ отказаться отъ столь несправедливаго предпріятія».

Слова эти, по свидѣтельству графа Семена Романовича, «ошеломившія» англійскаго министра, не остались праздною угрозою. Русскій посланникъ вошелъ въ сношенія съ членами парламента и, благодаря его убѣжденіямъ, оппозиція министерству въ одной Нижней палатѣ въ нѣсколько дней увеличилась на сто человѣкъ. Раздались пламенныя и краснорѣчивыя рѣчи, обвинявшія правительство въ принесеніи интересовъ Англіи въ жертву себялюбивымъ проискамъ Пруссіи. Но этимъ не удовольствовался графъ Воронцовъ. «Чтобы заставить г. Питта разоружиться», разсказываетъ онъ въ автобіографической запискѣ, «я распорядился составленіемъ брошуръ, на основаніи доставленныхъ мною подлиннѣйшихъ и убѣдительнѣйшихъ данныхъ, въ которыхъ доказывалось націи, что ее хотятъ увлечь на путь погибели, уничтожить ея торговлю, и все это изъ-за интересовъ ей совершенно чуждыхъ. Я велѣлъ перевести ихъ на англійскій языкъ и по напечатаніи разослалъ по всѣмъ областямъ. Это распространило тревогу въ промышленныхъ городахъ, изъ числа коихъ въ Норвичѣ, Векфильдѣ, Лидсѣ и Манчестерѣ состоялись сходки и общественныя собранія, обнародовавшія свои пренія, требовавшія подачи прошеній парламенту противъ мѣръ, принятыхъ министерствомъ по отношенію

къ Россіи. Прочіе города уже собирались слѣдовать этому примѣру. Изъ многихъ графствъ независимые избиратели писали своимъ представителямъ въ парламентѣ, приглашая ихъ отдѣлиться отъ Питта и подавать голоса противъ него. Въ Лондонѣ на стѣнахъ всѣхъ домовъ народъ писалъ мѣломъ: *Не хотимъ войны съ Россіей*! Въ двадцати и болѣе газетахъ, появляющихся здѣсь, ежедневно помѣщались статьи, исходившія отъ меня (хотя объ этомъ не зналъ никто) и просвѣщавшія націю, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возбуждалась противъ министерства, и все это не стоило моему двору и 250 фунтовъ стерлинговъ, мнѣ же и всѣмъ чиновникамъ моей канцеляріи стоило за то много труда. Ибо съ марта по іюль продолжалась эта борьба, и ни я, ни они не знали покоя. Ночи проводили мы за бумагомараніемъ, а днемъ бѣгали во всѣ стороны, и даже когда я отдыхалъ нѣсколько минутъ, то чиновники мои отдыха не знали, такъ какъ по ночамъ относили они въ различныя редакціи газетъ статьи, имѣвшія появиться на слѣдующій день».

Наконецъ Питтъ призналъ себя побѣжденнымъ. Флотъ разоружили, Швеціи отказали въ субсидіяхъ, Пруссіи—въ союзѣ. Король шведскій жестоко поплатился за одинокую попытку вторженія въ наши предѣлы. Покинутая Англіей, Пруссія не рѣшилась вступить съ Россіей въ борьбу. Вскорѣ Ясскій миръ упрочилъ за нами плоды блестящихъ побѣдъ надъ турками Потемкина, Суворова и Репнина. Онъ былъ заключенъ непосредственно съ Портою, безъ всякаго участія или вмѣшательства западно-европейскихъ кабинетовъ.

Освѣжая въ памяти нашихъ читателей этотъ эпизодъ изъ исторіи русской политики въ XVIII вѣкѣ, мы не можемъ не обратить ихъ вниманія на то характерное обстоятельство, что русская дипломатія того времени, по смѣлости и энергіи своихъ пріемовъ, по искусству и разнообразію способовъ дѣйствія, далеко опередила прочіе европейскіе дворы, еще не высвободившіеся изъ тугихъ пеленокъ тупой и мертвенной дипломатической рутины. Примѣръ, приведенный нами, едва-ли не первый примѣръ дипломата, вступающаго въ непосредственное общеніе, скажемъ прямо—въ союзъ съ общественнымъ мнѣніемъ страны, при правительствѣ которой онъ уполномоченъ, чтобы вынудить это правительство измѣнить свою политику въ желае-

момъ имъ смыслѣ. Такой поступокъ былъ для дипломатіи конца прошлаго столѣтія новшествомъ необычайнымъ, и рѣшиться на него могъ только родовитый русскій вельможа, почерпающій мужество въ сознаніи высшей отвѣтственности своей предъ престоломъ, коего онъ являлся не только преданнымъ, но и самоотверженнымъ слугою. Одушевляла его и спасительная вѣра въ успѣхъ, источникомъ которой было убѣжденіе въ вещественной и нравственной мощи Россіи. Вотъ что̀ дозволяло графу Воронцову говорить съ государственными людьми Великобританіи «тономъ, приличествующимъ представителю одного изъ сильнѣйшихъ государствъ вселенной». Но, quod licet Jovi, non licet bovi, и недозволительно было бы ожидать такихъ проявленій величавой твердости отъ дипломатовъ, выслужившихся изъ разночинцевъ иноземнаго происхожденія, чуждыхъ Россіи по всему умственному складу, по родственнымъ и имущественнымъ связямъ, не говоря уже объ антинаціональныхъ чувствахъ и предпочтеніяхъ, обязанныхъ своимъ возвышеніемъ угодливости предъ начальствомъ, и всего менѣе способныхъ подняться самимъ до принесенія въ жертву собственныхъ положеній и выгодъ пользамъ или достоинству родной страны. А таковы-то именно и были преемники графа Семена Романовича на лондонскомъ посту, отъ Алопеуса, котораго министръ-патріотъ графъ Ростопчинъ достойно заклеймилъ названіемъ: «пруссака тѣломъ и душою» и до пресловутаго Бруннова, этого совершеннѣйшаго воплощенія личнаго эгоизма, являвшагося за счетъ своего двора невозмутимымъ выразителемъ безкорыстія политическаго.

По горькой ироніи судьбы, по мѣрѣ того, какъ новые и совершеннѣйшіе дипломатическіе пріемы усвоивались западноевропейскою дипломатіею, русскіе дипломаты XIX вѣка все болѣе и болѣе чуждались ихъ, упорно пятясь назадъ, обращаясь къ преданіямъ временъ Вестфальскаго мира и ограничивая свою дѣятельность тѣсными предѣлами дворовъ и гостиныхъ, государственныхъ и посольскихъ канцелярій. Въ началѣ столѣтія даже такіе своенравные люди, какъ Наполеонъ I и Меттернихъ, уже чуяли возникавшую силу общественнаго мнѣнія и искали заручиться его поддержкой. Послѣ революціи 1848 года воздѣйствіе дипломатіи на общество и въ частности на иностранную политическую печать было доведено до еще болѣе широкихъ размѣровъ заботливостью Наполеона III

во Франціи и національныхъ министровъ: Пальмерстона въ Англіи, Кавура въ Италіи. Высшей же степени совершенства достигло оно въ Пруссіи и впослѣдствіи въ Германіи, подъ личнымъ руководствомъ нѣмецкаго канцлера, самого прошедшаго чрезъ школу публициста и научившагося цѣнить по достоинству всю гибкую и неудержимую мощь печатнаго слова.

Умѣлому и постоянному пользованію этимъ могучимъ орудіемъ обязанъ князь Бисмаркъ своими поразительными дипломатическими успѣхами, по меньшей мѣрѣ столько же, если не болѣе, чѣмъ блестящимъ побѣдамъ прусской и германской арміи, отъ которыхъ, къ слову сказать, насъ отдѣляютъ почти два десятилѣтія, тогда какъ политика Германіи не перестаетъ расширять кругъ своего вліянія не только въ Европѣ, но и въ отдаленнѣйшихъ концахъ вселенной. Такимъ образомъ для нея военная сила — дѣйствительно «ultima ratio rerum», къ коей приходится прибѣгать лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда исчерпаны всѣ прочія средства, болѣе сообразныя съ природою человѣческаго разума, или когда средствами этими подточены корни дерева настолько, что требуется лишь послѣдній ударъ сѣкиры, дабы повергнуть его на земь.

Ничего подобнаго не замѣчаемъ мы въ дѣятельности нашей дипломатіи, «умѣренность и аккуратность» которой составляетъ рѣзкую противоположность съ обвиненіями въ хитрыхъ и коварныхъ замыслахъ, въ таинственныхъ проискахъ, постоянно раздающимися противъ нея въ оффиціозной средне-европейской печати. Даже когда въ той или другой странѣ, какъ напримѣръ въ настоящее время во Франціи или въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ, проявляется сильное сочувственное Россіи теченіе, можно съ увѣренностью сказать, что дипломаты наши тутъ не причемъ, и вымолвить имъ сердечное спасибо уже и за то, что они по старой привычкѣ не становятся ему поперегъ пути. Густой мракъ, покрывающій ихъ дѣйствія, не дозволяетъ проникнуть въ сущность послѣднихъ, и остается предположить, что они кромѣ наблюденія за иностранными правительствами, сводятся къ попыткамъ переубѣдить ихъ посредствомъ внушеній или увѣщаній съ цѣлью отклонить этимъ платоническимъ способомъ отъ предпріятій, замышленныхъ въ ущербъ нашему отечеству.

Напрасный трудъ и тщетная надежда. Пусть подобнаго рода

иллюзіи поддерживаются порою въ шаткихъ дипломатическихъ умахъ нѣмецкими оффиціозами, утверждающими то, что «Лига Мира» вовсе-де не питаетъ враждебныхъ замысловъ противъ Россіи, то, что это политическое сочетаніе не вѣчно и что отъ Россіи яко бы зависитъ снова броситься на распростертыя объятія своего вѣковаго друга, берлинскаго двора. Что «Лига» преслѣдуетъ боевыя и наступательныя цѣли—достаточно явствуетъ изъ военной обстановки императора Франца-Іосифа и короля Гумберта при посѣщеніи ими нѣмецкой столицы и изъ застольныхъ рѣчей, коими обмѣнялись оба монарха съ молодымъ германскимъ императоромъ. Что же касается до прочности союзной связи, соединяющей Германію съ Австро-Венгріей и Италіей, то гдѣ и когда видано, чтобы могущественное государство оттолкнуло отъ себя двѣ державы, добровольно ставшія въ подчиненныя, чисто вассальныя отношенія, для того только, дабы возобновить дружбу съ третьею державою, столь же, какъ она, могущественною и съ которою пришлось бы считаться, какъ равному съ равнымъ?

Не въ однихъ дипломатическихъ кругахъ, но и въ извѣстной части русскаго общества довольно распространено мнѣніе, что, стóитъ намъ захотѣть, и Германія предпочтетъ нашу дружбу австрійской, и даже пожертвуетъ намъ славянскими областями Габсбургской монархіи, чтобы закрѣпить нѣмецкія ея земли за собою. Мнѣніе это навѣяно увѣреніями прусской дипломатіи въ ту довольно отъ насъ уже далекую пору, когда Пруссія нуждалась въ помощи Россіи для того, чтобы извергнуть Австрію изъ Германіи и объединить послѣднюю подъ главенствомъ Гогенцоллернскаго дома. Ему повѣрили наши славянофилы, и глава ихъ Аксаковъ до такой степени усвоилъ его, что упорно повторялъ, вопреки всякому вѣроятію и не взирая на совершенно измѣнившіяся обстоятельства, до самой своей кончины.

Между тѣмъ, достаточно малѣйшаго знакомства съ исторіей австро-германскихъ отношеній за минувшія двадцать пять лѣтъ, чтобы признать упомянутое мнѣніе за ничѣмъ не оправдываемое заблужденіе.

Если до осуществленія германскаго единства Бисмаркъ еще колебался въ выборѣ своихъ союзниковъ, то со дня провозглашенія имперіи въ Версалѣ онъ безповоротно остановилъ его

на Австро-Венгріи. То не было дѣломъ личнаго предпочтенія, а глубокаго политическаго разсчета. Въ первой нашей бесѣдѣ мы, со словъ князя, привели часть побудившихъ его къ тому причинъ. Дополняемъ ихъ нынѣ воспроизведеніемъ весьма убѣдительныхъ объясненій, данныхъ нѣмецкимъ канцлеромъ по этому вопросу въ концѣ 1879 года.

«Относительно Австріи»—говорилъ онъ графу Сенъ-Валье—«мнѣ предстояло, по пораженіи ея, одно изъ двухъ: или окончательно ее уничтожить или уважать ея цѣлость, подготовляя наше будущее примиреніе, какъ только угаснетъ пламя старой вражды. Я избралъ второй путь, ибо первый представлялся въ моихъ глазахъ совершеннымъ безуміемъ. Допустивъ исчезновеніе Австріи, вотъ какія были бы его послѣдствія: Пришлось бы присоединить къ Германской имперіи нѣмецкія области, то-есть чрезмѣрно усилить анти-прусскій элементъ, и безъ того значительный въ Баваріи, въ Виртембергѣ, въ Баденѣ и въ Гессенѣ. Это было бы равносильно лишенію перевѣса протестантскаго населенія, столь преданнаго и сроднаго новому порядку вещей, и передачѣ его элементу католическому, враждебному прусскому управленію. Я велъ «культурную борьбу» (Kulturkampf) не удовольствія ради и не изъ-за протестантскаго сентиментализма. Я велъ ее противъ воли, подчиняясь безусловной необходимости, въ виду осуществленія единства. Спрашиваю васъ: что сталось бы съ «культурною борьбою» при избыткѣ въ 10 милліоновъ католиковъ, притомъ еще такихъ фанатиковъ, каковы тирольцы и штирійцы? Я самъ погибъ бы въ борьбѣ, и государство погибло бы вмѣстѣ со мною. Собственными руками я разрушилъ бы зданіе, мною воздвигнутое. Я бы осуществилъ химеру, которую лелѣялъ Наполеонъ III: двѣ другъ другу враждебныя Германіи, папистская на Югѣ, гугенотская на Сѣверѣ. Вотъ что бы сдѣлалъ я, что повлекло бы за собою присоединеніе къ имперіи нѣмецкихъ областей Австріи. Вотъ почему, пока я живъ, этого не будетъ никогда! Но это еще не все. Положимъ, что Австрія уничтожена: вообразите себѣ Вѣну, вѣковую столицу имперіи, преображенную въ главный городъ области! Какое накопленіе ненависти и злобы вызвало бы подобное обезглавленіе! Овладѣвъ Вѣною, можемъ ли мы остановиться на этомъ? Пришлось бы дойти до Тріеста, естественной гавани, необходимаго дополненія Вѣны.

Но Тріестъ—это вѣчная борьба съ Италіею, влекущая за собою страшное ослабленіе, которое причинило бы намъ принятіе въ нашу нѣмецкую среду враждебныхъ населеній Истріи, Каринтіи и Далмаціи. Нельзя было бы намъ удержать Трентино. Мы должны были бы отдать его Италіи, то-есть отдать ей ключъ Альповъ».

«Предстояло бы также»—продолжалъ князь Бисмаркъ—«организовать Венгрію: въ какомъ видѣ, подъ какою властью? Возможна была бы одна только республика Кошута и Тюрра, революціонное начало береговъ Савы, водворенное на нашей юго-восточной границѣ и протягивающее руку итальянскому революціонному началу, угрожающему нашимъ предѣламъ на Юго-Западѣ. Галиція обратилась бы въ добычу Россіи, которая поглотила бы всѣхъ славянъ Австрійской имперіи. Оставалась бы Богемія, вѣчное поле сраженій Европы, великая плоскость, на которой берутъ начало всѣ рѣки, протекающія среди насъ, обширный укрѣпленный природою станъ, воздвигнутый самимъ Богомъ въ срединѣ нашего материка. Богемія во власти Россіи означала бы наше порабощеніе; Богемія въ нашей власти—вѣчная безпощадная борьба съ имперіей царей. Вы видите, для собственной нашей жизни нужно, чтобы жила Австрія».

Нѣмецкій канцлеръ заключилъ: «Я не колебался. Начиная съ 1866 года, всѣ мои усилія стремились къ тому, чтобы сшить снова великую разодранную ткань и возобновить «дружественныя» сношенія со старымъ участникомъ Германскаго Союза».

Если ко всѣмъ этимъ соображеніямъ прибавить еще, что Дунайская монархія служитъ для Германіи удобнѣйшимъ проводникомъ политическаго и культурнаго вліянія на весь славянскій и православный Востокъ, то вполнѣ понятнымъ станетъ разсчетъ князя Бисмарка и неисчислимыя выгоды, извлекаемыя Германскою имперіей изъ союза ея съ Австро-Венгріей. Обоюдны ли эти выгоды—это другой вопросъ, и при ближайшемъ съ нимъ ознакомленіи нельзя не придти къ заключенію, что тѣсная связь съ Германіей, уже столь обременительная въ настоящемъ, сулитъ дряхлому царству Габсбурговъ и въ будущемъ однѣ невзгоды.

Мы уже имѣли случай установить въ одной изъ предшедшихъ нашихъ бесѣдъ, что въ основу австро-германскаго

союза княземъ Бисмаркомъ положенъ завѣдомый обманъ, такъ какъ для вовлеченія въ свои сѣти императора Франца-Іосифа онъ не задумался приписать Россіи враждебные Австріи замыслы, посягательство на ея земельную цѣлость, въ то самое время, когда русскій дворъ нѣсколько наивно искалъ въ полюбовномъ соглашеніи съ нею мирной развязки Восточнаго вопроса. Вселивъ въ австро-мадьярскихъ государственныхъ людей это ложное убѣжденіе, нѣмецкому канцлеру не стоило большаго труда увѣрить ихъ, что Германія естественная опора и защитница ихъ монархіи противъ Россіи. Желанный союзъ былъ заключенъ, и неизбѣжнымъ его результатомъ было разубѣжденіе Россіи въ возможности идти рука объ руку съ Австріею на Востокѣ и коренной разладъ между Петербургомъ и Вѣною. Такимъ образомъ *измышленная* причина австро-нѣмецкаго союза стала *дѣйствительнымъ* его послѣдствіемъ.

Теперь одно изъ двухъ: въ предстоящемъ столкновеніи средне-европейской коалиціи съ русскимъ міромъ, она или одержитъ верхъ надъ нимъ или потерпитъ пораженіе? Въ первомъ случаѣ зависимость Австро-Венгріи отъ Германіи станетъ еще полнѣе, какъ это и случилось съ южно-германскими государствами—Баваріею, Виртембергомъ и Баденомъ послѣ побѣдоносной войны 1870—71 годовъ, и едва-ли удастся тогда сохранить Габсбургамъ хотя бы тѣнь политической самостоятельности. Въ случаѣ же пораженія, имъ придется поплатиться самымъ существованіемъ въ качествѣ великой державы, и остаться свидѣтелями раздѣла ихъ владѣній между ихъ противниками и бывшими союзниками.

Какъ бы то ни было, не наше дѣло скорбѣть о бѣдственной участи, которую подготовляютъ себѣ и своему государству недалекіе и растерянные руководители политическихъ судебъ Австро-Венгріи. Долгъ нашъ смотрѣть прямо въ лицо опасности, угрожающей нашему отечеству отъ скопа и заговора его завистниковъ и враговъ, и искать уменьшить ее всѣми зависящими отъ насъ средствами, а если нельзя вовсе устранить, то побороть ее, въ мужественномъ порывѣ единенія всѣхъ нравственныхъ и вещественныхъ силъ Россіи, сосредоточенныхъ въ самодержавныхъ рукахъ ея вѣнценоснаго Вождя.

X.

Парламентскіе выборы во Франціи.—Положеніе французскихъ политическихъ партій. — Признаніе республики консерваторами. — Призывъ къ примиренію президента Карно.—Сочувствіе Франціи къ Россіи.—Враждебныя отношенія къ ней средне-европейской печати.—Вооруженія Лиги Мира.—Усиленная дѣятельность нѣмецкой дипломатіи.—Пріѣздъ Государя Императора въ Берлинъ.

Парижъ, 19 сентября (1 октября) 1889 г.

Исходъ состоявшихся 10 (22) сентября всеобщихъ выборовъ во французскую палату депутатовъ, упрочивъ внутренній порядокъ во Франціи, несомнѣнно усилилъ и внѣшнее ея значеніе, а потому нельзя не признать въ немъ явленія благопріятнаго для поддержанія политическаго равновѣсія въ Европѣ.

Избирательная борьба велась съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ. Гласною цѣлью ея былъ пересмотръ конституціи, дѣйствительною — ниспроверженіе существующаго государственнаго строя. Сомкнутыми рядами шли на приступъ парламентской республики всѣ ея враги и противники, отъ убѣжденнаго монархиста, вѣрнаго и ревностнаго слуги алтаря и престола, до яраго анархиста, нагло отрицающаго и Бога, и власть, и всѣ прочія основы гражданскаго общества. Послѣдніе сплотились вокругъ бѣглеца-генерала, осужденнаго общественною совѣстью еще болѣе нежели закономъ за непозволительныя средства, къ коимъ онъ прибѣгалъ для личнаго своего возвышенія, и съ ними вступили въ стачку, въ формальный союзъ, политическія партіи именующія себя охранительными: сторонники графа Парижскаго и принца Виктора Бонапарта.

Нельзя себѣ и вообразить того хаоса, что̀ неминуемо произошелъ бы въ этой столько разъ и такъ тяжко испытанной странѣ, если бы восторжествовала чудовищная коалиція разномастныхъ противниковъ республики и избиратели послали въ

палату большинство, которое дѣйствительно потребовало бы созыва учредительнаго собранія для пересмотра основнаго закона страны. Въ составъ таковаго вошли бы представители разнообразнѣйшихъ политическихъ мнѣній, несогласуемыхъ, непримиримыхъ, преисполненныхъ другъ ко другу ненависти и озлобленія. Всякій изъ нихъ сталъ бы требовать «пересмотра» въ смыслѣ личныхъ своихъ предпочтеній, навязывая свою единичную волю собранію. При современной одичалости политическихъ нравовъ во Франціи дѣло не ограничилось бы схватками, кулачною расправою между полномочными «избранниками народа». Безпорядокъ не преминулъ бы перенестись изъ палаты на улицу, и въ результатѣ получилось бы совершенное безначаліе внутри страны, полное внѣшнее ея обезсиленіе, быть можетъ даже продолжительная кровопролитная междоусобная война.

Здравый смыслъ народа предохранилъ Францію отъ грозившей ей страшной опасности. Избиратели поняли, что не время помышлять о коренныхъ преобразованіяхъ въ государственномъ строѣ отечества, когда, съ одной стороны, французы болѣе чѣмъ когда-либо разъединены въ политическихъ взглядахъ, съ другой же—внѣшній врагъ зорко слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ во Франціи, наровя уловить первый благопріятный поводъ, чтобы напасть на нее въ расплохъ и разгромить въ конецъ. Въ рѣшеніи ихъ ясно сказалось страстное и единодушное желаніе французскаго народа, желаніе внутренняго спокойствія и внѣшняго мира, какъ необходимыхъ условій продолженія успѣшнаго и плодотворнаго труда, блестящіе плоды котораго Франція пожала, при рукоплесканіяхъ всего свѣта, на всемірномъ состязаніи, устроенномъ въ ея столицѣ. Вотъ чѣмъ объясняется и оправдывается пораженіе, понесенное на выборахъ соединенными силами оппозиціи, и значительное большинство голосовъ, выпавшее на долю такъ называемыхъ «умѣренныхъ республиканцевъ».

Хотя первый день выборовъ и не былъ рѣшительнымъ днемъ, такъ какъ черезъ двѣ недѣли послѣ него предстоитъ еще много перебаллотировокъ, но по распредѣленію голосовъ между кандидатами можно и теперь уже составить себѣ приблизительное понятіе о составѣ будущей палаты депутатовъ. Въ ней изъ числа 576 членовъ никакъ не болѣе 250 будутъ

принадлежать къ оппозиціи и притомъ самой разнородной, обнимающей нетолько монархистовъ обоихъ лагерей и буланжистовъ, но и радикаловъ, высказавшихся за пересмотръ конституціи, тогда какъ остальные 320 членовъ составятъ твердое и сплоченное правительственно-республиканское большинство.

Достойно замѣчанія, что на выборахъ восторжествовали наиболѣе умѣренные изъ республиканскихъ депутатовъ, тѣ, что въ своихъ заявленіяхъ избирателямъ настаивали на необходимости возстановить согласіе между французами, не насиловать свободы совѣсти мирныхъ гражданъ, прекратить всякое религіозное преслѣдованіе, равно какъ и всѣ преобразовательные опыты въ радикальномъ духѣ, и въ тоже время воздѣйствовать законадательнымъ путемъ на буйство и своеволіе противуобщественныхъ элементовъ, обуздавъ ихъ, если нужно, строгими мѣрами, предупредительными и карательными. Въ этихъ заявленіяхъ нельзя не усмотрѣть стремленія французскихъ республиканцевъ возвратить третью республику къ тому направленію, которое силился придать ей при ея основаніи Тьеръ, къ направленію *консервативному*.

Если за послѣднее десятилѣтіе Франція значительно уклонилась съ этого пути, предначертаннаго ей патріотическою заботливостью мудраго старца, то виною тому была непримиримость консерваторовъ, упорно отказывавшихся признать республику, что имѣло естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ полное устраненіе ихъ отъ руководства ея судьбами. Такой образъ дѣйствій не только былъ безплоденъ, но и положительно вреденъ для консервативныхъ интересовъ страны, ибо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на сторону ихъ становилось большинство въ средѣ республиканской партіи, послѣднее не въ силахъ оказывалось отстоять ихъ противъ напора радикаловъ, союзниками которыхъ, всегда готовыми помочь имъ низвергнуть умѣренно-республиканское министерство, являлись охранители, депутаты *правой*. Въ отместку за это, *лѣвый центръ* и *лѣвая* сторона палаты въ свою очередь вступали въ стачку *съ крайнею лѣвой* стороною и поступались въ ея пользу собственными политическими воззрѣніями. Отсюда успѣхи радикальной политики въ устройствѣ, чтобы не сказать въ разстройствѣ, внутреннихъ дѣлъ Франціи, не смотря на то, что въ палатѣ депутатовъ, не говоря уже о сенатѣ, радикалы всегда

находились въ меньшинствѣ. Нынѣшній союзъ *правой* съ буланжистами, которые суть ничто иное, какъ самое крайнее крыло радикальной партіи, является лишь послѣднимъ шагомъ на пути, съ коего не сходили французскіе консерваторы въ продолженіе минувшихъ десяти лѣтъ.

Умѣренные республиканцы не разъ приглашали *правую* соединить съ ними свои голоса для противодѣйствія общими силами увлеченіямъ радикаловъ. Если та и вступала съ ними въ соглашеніе, то всегда неохотно, неискренно, и главное—не на долго, все оттого, что составныя ея части—роялисты и бонапартисты—никогда не теряли изъ виду конечной своей цѣли: возстановленія монархіи во Франціи въ пользу своихъ претендентовъ. Ясно, что пока замыселъ этотъ не будетъ ими оставленъ, не можетъ быть и рѣчи о совокупномъ дѣйствіи ихъ съ умѣреннѣйшими изъ республиканцевъ и о предоставленіи имъ въ управленіи страною той степени вліянія, на которое они имѣютъ право и по личнымъ своимъ качествамъ, и даже по общему числу избирательныхъ голосовъ, представляемыхъ ими въ палатѣ. Въ самомъ дѣлѣ, подведеніе итоговъ за послѣдніе выборы доказало, что изъ восьми милліоновъ избирателей четыре съ половиною подали голоса за республиканцевъ, а три съ половиною за монархистовъ. Разница между ними составляетъ слѣдовательно всего одинъ милліонъ.

Возможно ли при современныхъ условіяхъ прочное возстановленіе во Франціи королевства или имперіи? Исторія разрѣшила этотъ вопросъ и разрѣшила его отрицательно. За истекшее столѣтіе Франція семь разъ перемѣнила образъ правленія, переходя отъ чистой монархіи къ республикѣ, отъ той къ имперіи, затѣмъ снова къ монархіи, но уже конституціонной, къ другой монархіи, еще болѣе ограниченной и притомъ основанной на такъ называемой «народной волѣ», опять къ республикѣ, къ имперіи и наконецъ въ третій разъ—къ республикѣ, торжество которой на послѣднихъ выборахъ несомнѣнно доказываетъ, что французы сжились, освоились съ нею и разставаться не хотятъ. Нынѣшнимъ претендентамъ на упраздненный французскій престолъ: внуку Лудовика-Филиппа и племяннику Наполеона III смѣло можно повторить слова, нѣкогда начертанныя Первымъ Консуломъ Бонапартомъ въ письмѣ къ графу Прованскому, впослѣдствіи королю Лудовику XVIII: «Вы не должны желать

вашего возвращенія во Францію; вамъ пришлось бы перешагнуть чрезъ пятьсотъ тысячъ труповъ».

Все это хорошо сознаютъ вожаки французскихъ консерваторовъ и если бы они этого не сознавали, то не стали бы пятнать себя стачкою съ анархистами худшаго свойства, собравшимися вокругъ буланжистскаго знамени. Разсчетъ, руководившій ими, былъ слѣдующій: «Мы не въ силахъ», разсуждали они, «водворить излюбленный нами порядокъ собственными нашими средствами, такъ станемъ не созидать, а разрушать. Девизъ нашъ: *чѣмъ хуже, — тѣмъ лучше.* Низвергнемъ сперва ненавистную республику, а потомъ увидимъ чѣмъ ее удастся замѣнить?»

Но разсчетъ этотъ не оправдался на выборахъ. Что же остается дѣлать *правой*, подъ которою мы разумѣемъ роялистовъ или имперіалистовъ, т.-е. въ большинствѣ строгихъ консерваторовъ, тщательно отличая ихъ отъ нынѣшнихъ ихъ союзниковъ, буланжистовъ анархическаго пошиба, провалъ которыхъ на всемъ пространствѣ Франціи, за исключеніемъ одного Парижа, позволяетъ просто устранить ихъ, какъ величину чисто отрицательную, изъ всѣхъ будущихъ политическихъ исчисленій?

Французскіе консерваторы властны, конечно, продолжать подкапываться подъ существующій государственный строй въ сообщничествѣ съ вѣчными заклятыми врагами всякаго порядка и законности, но игра эта не только не приблизитъ ихъ къ власти, а окончательно уронитъ во мнѣніи населенія, жаждущаго мира и спокойствія и безъ обиняковъ высказавшагося за сохраненіе политическаго status quo. Остается имъ испытать иное средство, прямо противуположное первому: искать сближенія съ тѣми изъ республиканцевъ, которые, подобно имъ, преслѣдуютъ во внутренней политикѣ охранительныя цѣли, и, соединясь съ ними, образовать въ средѣ палаты депутатовъ сильную консервативную партію, способную служить могучимъ противовѣсомъ посягательствамъ радикаловъ на основныя начала христіанской гражданственности: вѣру, семью, собственность. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобнаго рода союзъ совершенно видоизмѣнилъ бы численное отношеніе партій, какъ въ палатахъ, такъ и странѣ, и на долго обезпечилъ бы преобладаніе охранительныхъ началъ во внутреннихъ дѣлахъ Франціи.

Но союзъ консерваторовъ съ умѣренными республиканцами— мы разумѣемъ не мимолетную сдѣлку, а искреннее и прочное

соглашеніе—зависитъ отъ одного необходимаго предварительнаго условія: отказа консерваторовъ отъ всякой задней мысли низверженія нынѣшняго порядка и замѣны его монархическою реставраціей, другими словами, отъ гласнаго, полнаго и безповоротнаго признанія республики. Понятно, что только подъ этимъ условіемъ республиканцы могутъ согласиться раздѣлить съ ними власть, ибо нельзя допустить, чтобы люди, принимаемые въ домъ и привлекаемые къ участію въ его управленіи, вступали въ него съ затаенною цѣлью разрушить его при первомъ удобномъ случаѣ.

Жертва, конечно, тяжелая для французскихъ монархистовъ, коихъ связываютъ съ падшими династіями преданія нѣсколькихъ поколѣній, но она безусловно необходима, если они только хотятъ занять въ правительствѣ страны подобающее имъ мѣсто. Сами «принцы» облегчили имъ ее, основавъ свои притязанія въ послѣднее время не на наслѣдственномъ правѣ, а на такъ называемомъ «народномъ самодержавіи», признанномъ въ воззваніяхъ къ французамъ и графомъ Парижскимъ и принцемъ Викторомъ. А если ужь претенденты перестали считать источникомъ власти основное начало монархіи, право божественное, то это прямо обозначаетъ, что они не достойны служить его представителями. Цѣпь историческаго преемства порвана событіями послѣдняго столѣтія во Франціи въ столькихъ мѣстахъ, что нельзя и мечтать о ея возстановленіи, и съ точки зрѣнія государственнаго права нынѣшніе Бурбоны-Орлеаны или Бонапарты имѣютъ столь же мало правъ на французскій престолъ, какъ тотъ или другой Рюриковичъ на Смоленскъ или Рязань, Гедиминовичъ—на Вильну или Полоцкъ.

Мы отнюдь не желали бы, чтобъ слова наши послужили соблазномъ для тѣхъ русскихъ людей, которые, будучи беззавѣтно преданы зиждительнымъ началамъ государственной жизни Россіи, полагаютъ, что начала эти могутъ находить примѣненіе во всѣ времена и у всѣхъ народовъ міра. Никто больше насъ не цѣнитъ ихъ, никто громче ихъ не исповѣдуетъ. Но въ томъ то и высокое ихъ значеніе, что они составляютъ нашу русскую особенность и мало имѣютъ общаго, со сходными лишь по внѣшности, подобными же учрежденіями чужихъ странъ. Только у насъ Царская власть сохранилась въ величавой своей полнотѣ и неприкосновенности, вѣра Христова—въ первобытной, еван-

гельской чистотѣ, а потому можно быть вѣрнымъ подданнымъ и слугою русскаго Самодержца, и не скорбѣть о паденіи монархіи во Франціи, какъ можно, оставаясь послушнымъ сыномъ православной церкви, помириться съ тѣмъ, что римско-католическое вѣроисповѣданіе перестало быть господствующимъ въ этой странѣ. Мечтать же о водвореніи въ ней королевской или императорской власти, какъ мы ихъ понимаемъ въ Россіи, все равно, что задаться мыслью о поголовномъ обращеніи французовъ въ православіе.

Въ политикѣ слѣдуетъ считаться не съ нашими предпочтеніями, какъ бы они ни были почтенны и законны, а съ дѣйствительностью. Опытъ цѣлаго столѣтія неопровержимо доказалъ, что одна только республика можетъ разсчитывать во Франціи на продолжительное и прочное существованіе. Но если Франція не можетъ стать монархіей, то французская республика можетъ быть охранительной. Исторія являетъ намъ не мало примѣровъ республикъ со строго консервативнымъ направленіямъ, а съ другой стороны—и такихъ монархій, гдѣ сама верховная власть, въ пагубномъ ослѣпленіи, вводила преобразованія въ смыслѣ худшихъ, крайнихъ радикально-демагогическихъ вожделѣній. О третьей же республикѣ во Франціи основатель ея Тьеръ не безъ причины сказалъ, что или она *станетъ* консервативною, или *перестанетъ* существовать, ибо въ послѣднемъ случаѣ ее ждетъ увы! никакъ не возстановленіе порванныхъ монархическихъ традицій, а либо анархія, либо—военная диктатура. Дополнимъ эти слова великаго французскаго патріота сужденіемъ высказаннымъ злѣйшимъ врагомъ и противникомъ Франціи, и которое не мѣшало бы затвердить наизусть всѣмъ французскимъ политическимъ дѣятелямъ, къ какой бы партіи они не принадлежали: «Отечество требуетъ»—выразился князь Бисмаркъ Жюлю Фавру, приступая къ веденію съ нимъ переговоровъ о мирѣ въ Версали въ 1871 году,—«чтобы ему служили, а не искали господствовать надъ нимъ».

Настоящая минута крайне благопріятна для сближенія людей одинаковыхъ убѣжденій по всѣмъ основнымъ вопросамъ политики, раздѣляемыхъ же только привязанностью къ той или другой правительственной вывѣскѣ. Потребность въ немъ уже сознаютъ умѣренные республиканцы, отъ которыхъ, въ качествѣ побѣдителей на выборахъ, зависѣло бы конечно сдѣлать и пер-

вый шагъ къ примиренію, еслибы шагъ этотъ не былъ давно уже сдѣланъ и даже неоднократно повторенъ главою государства, президентомъ республики Карно, въ рѣчахъ произнесенныхъ имъ при разныхъ случаяхъ со времени открытія всемірной выставки и во все продолженіе ея. Если призывъ этого' достойнаго и почтеннаго человѣка будетъ услышанъ на лѣво также, какъ и на право, то можно надѣяться, что министерскіе кризисы, столь губительные для пользъ и самаго достоинства Франціи, сдѣлаются явленіемъ рѣдкимъ и страна обрѣтетъ правительство устойчивое и дѣловое, способное посвящать свое время и силы не заботѣ объ удержаніи за собою власти, а трудамъ и попеченіямъ о благѣ Франціи, о развитіи ея внутренняго благосостоянія и поддержаніи внѣшняго могущества. Искренно желаемъ такого исхода изъ пережитаго тяжелаго кризиса французскому народу, явившему столько доказательствъ своего теплаго, дружественнаго расположенія къ нашему дорогому отечеству, глубокаго благоговѣнія и трогательной преданности къ Самодержавному Вождю русской земли.

Непрерывныя проявленія сочувствія французовъ къ Россіи пріобрѣтаютъ особое значеніе, если сопоставить ихъ съ ненавистью и враждою ко всему русскому, такъ и сквозящему въ сужденіяхъ о насъ и вообще въ отношеніяхъ къ намъ прочихъ народовъ Запада. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно сравнить отзывы о Россіи и русскихъ — средне-европейскихъ газетъ съ такими же отзывами французской печати. Но это далеко не все. Намъ достовѣрно извѣстно, что во время частыхъ переѣздовъ по Франціи нашего посла, нѣтъ того города или мѣстечка, нѣтъ почти сколько-нибудь значительной желѣзнодорожной станціи, гдѣ бы населеніе не встрѣчало съ криками радости и восторга представителя русскаго Царя. Такія же манифестаціи выпадали на долю и другихъ выдающихся русскихъ дѣятелей, посѣтившихъ Парижъ или Францію въ этомъ году: генераловъ Ванновскаго, Обручева, Анненкова. Гдѣ бы ни раздавались звуки нашего народнаго гимна, всюду сопровождаютъ ихъ шумныя восклицанія и рукоплесканія толпы. Когда на торжествѣ роздачи выставочныхъ наградъ, происходившемъ во дворцѣ Промышленности въ присутствіи президента республики, на эстрадѣ появилось знамя съ двуглавымъ императорскимъ орломъ — стонъ прошелъ по залѣ и долго не умол-

кали оглушительные крики: да живетъ Россія! не прекратившіеся и тогда, когда участники торжества узнали, что передъ ними не русское знамя, вовсе устраненное изъ программы, а только хоругвь Великаго Княжества Финляндскаго.

Мы далеки отъ мысли приписывать чувству значеніе главнаго рычага или двигателя въ политикѣ и охотно признаемъ, что разумная политика должна быть построена на строгомъ, холодномъ и безстрастномъ взвѣшиваніи пользъ и нуждъ государства, короче сказать на разсчетѣ. Но когда чувство совпадаетъ съ интересомъ и притомъ охвативъ цѣлый народъ проявляется съ неудержимою, стихійною силою, съ нимъ нельзя не считаться и не отвести ему подобающаго мѣста въ качествѣ немаловажнаго подспорья въ политическихъ исчисленіяхъ или сочетаніяхъ. А такимъ-то именно и представляется движеніе французовъ всѣхъ партій, званій и состояній на встрѣчу русской дружбѣ, и надо отдать имъ справедливость, они отдаются увлеченію безъ малѣйшей задней мысли, не завидуютъ намъ, а прямо и искренно желаютъ намъ всякихъ благъ, протягиваютъ къ намъ руки, любятъ насъ и ласкаютъ, и не только вѣруютъ въ Россію, но гласно и открыто исповѣдуютъ свою вѣру въ нее предъ лицомъ всего міра. И все это не на однихъ словахъ, но и на самомъ дѣлѣ. Радуясь нашимъ успѣхамъ, Франція оффиціальная какъ и неоффиціальная готова помочь намъ въ чемъ и гдѣ только можетъ. Не вдаваясь въ подробности, укажемъ на содѣйствіе оказываемое ею нашимъ финансовымъ операціямъ, вооруженіямъ, политикѣ нашего двора въ пререканіяхъ его со средне-европейскими державами и съ Англіею по дѣламъ Востока.

Перенесемся по ту сторону Вогезовъ и взорамъ нашимъ откроется иное, совершенно противоположное зрѣлище. Тамъ, въ Германіи, какъ и въ Австро-Венгріи, съ придачею Англіи и Италіи, систематически возбуждаемое противъ насъ оффиціозною печатью, общественное мнѣніе, кипитъ злобою на Россію. Нѣтъ той клеветы, порою самой нелѣпой, которая не раздавалась бы противъ нашего отечества и не была бы тотчасъ принята на вѣру, въ особенности нѣмцами. Снова объявили они безпощадную войну нашимъ финансамъ, а о нашихъ оборонительныхъ вооруженіяхъ говорятъ не иначе какъ съ пѣною у рта. Въ газетахъ поднимается вой, плачъ и скрежетъ зубовный. Въ этомъ

отношеніи едва-ли не перещеголяла всѣ другія *Кёльнская газета*, какъ извѣстно, получающая свои внушенія прямо изъ берлинской государственной канцеляріи. На дняхъ она напечатала, ручаясь за его подлинность, довѣрительный докладъ, приписанный ею начальнику русскаго Главнаго Штаба, о необходимости возведенія на нашей западной границѣ новыхъ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ и тутъ же разразилась по этому поводу градомъ ругательствъ на Россію.

Документъ «разоблаченный» *Кёльнскою газетою* мало внушаетъ намъ довѣрія къ своей подлинности, по той причинѣ, что въ русскомъ Главномъ Штабѣ конечно приняты всѣ нужныя мѣры для сокрытія нашихъ военныхъ тайнъ отъ нескромныхъ взоровъ нѣмецкихъ шпіоновъ. Но если бы онъ паче чаянія оказался и не подложнымъ, то мы рѣшительно не видимъ въ немъ ничего такого, что могло бы оправдать злобные коментаріи къ нему. Всѣмъ давно извѣстно, что приведеніе нашей западной границы въ оборонительное положеніе вызвано ничѣмъ инымъ, какъ усиленными вооруженіями Германіи и Австро-Венгріи, не только не прекращающимися, но принимающими съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Не успѣлъ еще собраться германскій рейхстагъ, какъ уже возвѣщаютъ о намѣреніи имперскаго правительства потребовать отъ него новаго кредита въ 300 милліоновъ марокъ на военныя надобности, и это—послѣ колосальныхъ затратъ на тотъ же предметъ за послѣдніе годы.

Народы изнываютъ подъ бременемъ непосильныхъ жертвъ, и съ ужасомъ убѣждаются, что нѣтъ имъ ни мѣры, ни предѣла. Возможно ли допустить, чтобы такое страшное напряженіе силъ оставалось долго безъ примѣненія къ дѣлу? Говорятъ о разоруженіи, но исторія доказываетъ намъ, что государства разоружаются не иначе какъ послѣ кровопролитныхъ и продолжительныхъ войнъ, по истощеніи всѣхъ силъ и средствъ своихъ. Она же насъ поучаетъ, что вопросъ о разоруженіи часто возбуждается, какъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, чтобы привести къ войнѣ, вызвать вооруженное столкновеніе. И такъ, будемъ на сторожѣ, когда заведутъ съ нами рѣчь о примиреніи.

Да и что означаетъ примиреніе между Россіею и Германіею? Развѣ мы враждуемъ съ нѣмцами, составляемъ противъ нихъ

заговоры, ищемъ въ чемъ либо повредить имъ или нанести какой ущербъ? Ничего подобнаго Россія не замышляла и не замышляетъ. Россія, пользуясь сама благами государственнаго единства, всегда признавала и признаетъ за нѣмецкимъ народомъ право на такое же единство. Одна, изъ великихъ державъ Европы, она не только не препятствовала стремленію нѣмцевъ къ объединенію, но усердно имъ помогала. Жить въ мирѣ и согласіи съ могучею своею сосѣдкою, Германскою имперіею— таково было и есть нелицемѣрное желаніе и русскаго правительства, и русскаго общества.

Но не того хотятъ въ Берлинѣ. Тамъ хотятъ закабалить Россію, закрѣпостить ее видамъ и цѣлямъ германской политики. Широкіе замыслы князя Бисмарка для утвержденія преобладанія Германіи во всѣхъ концахъ Европы давно перестали быть тайною. Если послушать нѣмцевъ, то долгъ Россіи — отдать имъ Францію на съѣденіе, а съ другой стороны—не препятствовать порабощенію имъ, какъ въ хозяйственно-торговомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, молодыхъ православныхъ государствъ балканскаго полуострова. Нужды нѣтъ, что съ тою и съ другими связываютъ насъ наши собственные интересы; по нѣмецкой логикѣ мы обязаны принесть ихъ въ жертву «традиціонной двухвѣковой прусской дружбѣ».

Пробовали побудить насъ къ тому лаской; не удалось— перешли къ угрозамъ. Заключили союзъ съ Австро-Венгріей, потомъ съ Италіей, пристегнули къ нему Англію. Всѣ второстепенныя державы получили приглашеніе приступить къ великой средне-европейской Лигѣ, кто волею, а кто и неволей.

Противъ кого такія обширныя приготовленія, такія громадныя понудительныя мѣры? Конечно не противъ Франціи, расправиться съ которою Германія легко могла бы и однѣми собственными силами. Нѣтъ, бывшій тройственный, разросшійся нынѣ въ четверной, союзъ направленъ не на кого иного, какъ на ненавистную Россію, за то только, что она осмѣлилась открыто провозгласить и твердо отстоять свою народную самобытность и государственную самостоятельность. Да и то сказать: пока не поколеблено могущество Россіи, пока она не расчленена, не отброшена въ Азію, нечего и думать объ удовлетвореніи всѣхъ нѣмецкихъ вожделѣній, о разгромѣ Франціи, о распространеніи господства нѣмцевъ, австро-мадьяръ и итальян-

цевъ на благословенныя страны Востока, до Босфора и Дарданеллъ включительно.

А до тѣхъ поръ почему не попытаться заманить въ свои сѣти тѣ самыя народности, которыя, будучи обязаны Россіи своею политическою независимостью, могутъ сохранить послѣднюю лишь подъ ея могучимъ покровомъ? Съ французами это не удалось, такъ авось удастся съ греками, съ румынами, съ болгарами. Отсюда предпринимаемое съ такою торжественностью путешествіе императора Вильгельма II на Востокъ, коему брачная церемонія въ Аѳинахъ служитъ лишь благовиднымъ предлогомъ. И для всѣхъ припасена своя особая приманка: для Греціи—Критъ многострадальный и давно желанный, для Болгаріи — признаніе ея независимости. А не удастся уговориться съ ними, такъ можно по пути воздѣйствовать на Султана и съ бою взять согласіе его на вступленіе Порты въ ряды заговорщиковъ пресловутой «Лиги Мира».

Изъ всѣхъ балканскихъ государствъ въ немилости у Берлина—одна Сербія. Тамъ проснулась народная мысль, заговорило народное чувство. Расторгнуты чары, раскованы цѣпи и народъ сербскій дружнымъ и мощнымъ усиліемъ скинулъ съ себя унизительную иноземную опеку. Но что австро-нѣмецкая интрига не вполнѣ еще лишилась своего вліянія на правительственныя сферы Сербіи, доказываетъ возмутительное зрѣлище, продолжавшееся въ Бѣлградѣ нѣсколько дней сряду: разъединеніе короля-отрока съ нѣжно любимою матерью. На нашъ взглядъ поведеніе регентовъ, не дозволяющихъ королевѣ Наталіи свиданія съ сыномъ, едва-ли не постыднѣе образа дѣйствій прусскихъ властей въ Висбаденѣ, два года назадъ вырвавшихъ его изъ ея объятій.

Куда ни взглянешь въ Европѣ или въ другихъ частяхъ свѣта, вездѣ замѣчаешь плоды неустанной, непрерывной дѣятельности нѣмецкой политики, всюду чувствуешь желѣзную руку ея верховнаго руководителя, вся заботливость котораго направлена къ нанесенію Россіи, ея вліянію и достоинству, возможно чувствительнѣйшаго ущерба. За то напрасно стали бы мы искать проявленія хотя бы тѣни противодѣйствія ему со стороны русской дипломатіи.

Обстоятельство это наводитъ на насъ странное раздумье. До сихъ поръ мы склонны были приписывать воздержность нашихъ

дипломатовъ ихъ безпочвенности, малому знакомству съ исторіею, отсутствію въ нихъ національныхъ побужденій. Ужъ не ошибались ли мы? Безмолвно-равнодушное созерцаніе ими всѣхъ наносимыхъ намъ дипломатическихъ ударовъ и уколовъ не обличаетъ ли въ нихъ напротивъ сознательнаго проникновенія народными взглядами, какъ они выражаются въ извѣстномъ ученіи графа Льва Толстаго: *О непротивленіи злу?*

---

29 Сентября (11 Октября).

Телеграфъ принесъ извѣстіе о прибытіи Государя Императора въ Берлинъ для отдачи прошлогодняго посѣщенія его величеству императору Германскому. Съ искренной радостью привѣтствуемъ это событіе, въ твердой увѣренности, что державное Слово Русскаго Царя, какъ совершеннѣйшее выраженіе русской правды, внесетъ яркій лучъ свѣта въ темныя хитросплетенія средне-европейской политики и выяснитъ окончательно степень прочности мира Европы, коего само оно является надежнѣйшимъ залогомъ и ручательствомъ.

XI.

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ берлинскаго двора.—Значеніе заздравныхъ рѣчей Вильгельма II.—Путешествіе его на Востокъ.—Отношенія Германіи къ Греціи и Турціи. — Восточная политика князя Бисмарка. — Европейскій концертъ въ дѣлахъ Востока.—Россія въ правѣ не признавать обязательной силы Берлинскаго трактата. — Источники самостоятельной политики Россіи.

Парижъ, 20 октября (1 ноября) 1889 г.

Состоявшееся три недѣли назадъ въ Берлинѣ, свиданіе двухъ могущественнѣйшихъ государей въ мірѣ продолжаетъ возбуждать всеобщее вниманіе и служитъ предметомъ оживленныхъ толковъ и разсужденій. Услужливыя средне-европейскія газеты сообщаютъ о немъ бездну подробностей, которыя по самому существу своему не могутъ быть достовѣрными. Съ особеннымъ удареніемъ распространяются онѣ о продолжительной аудіенціи, которой удостоился отъ Государя Императора нѣмецкій канцлеръ, и о политическихъ вопросахъ, повергнутыхъ имъ на воззрѣніе своего царственнаго собесѣдника. Мы не послѣдуемъ за ними въ ихъ выводахъ и заключеніяхъ чисто гадательнаго свойства и ограничимся выраженіемъ увѣренности, что непосредственное общеніе обоихъ монарховъ составляетъ уже само по себѣ благопріятное условіе для устраненія недоразумѣній, грозящихъ миру Европы и, въ частности, отношеніямъ добраго сосѣдства между Россіей и Германіей.

Но мы долгомъ почитаемъ остановиться на рѣчахъ, произнесенныхъ во всеуслышаніе императоромъ Вильгельмомъ II на торжественномъ обѣдѣ въ Бѣлой залѣ берлинскаго замка, и два дня спустя, на завтракѣ, данномъ гренадерскимъ полкомъ имени императора Александра I своему августѣйшему шефу. Оба тоста предложенные молодымъ государемъ, по свидѣтельству очевид-

цевъ, въ возвышенномъ и прочувствованномъ тонѣ, несомнѣнно доказываютъ желаніе его почтить своего державнаго гостя упоминаніемъ о вѣковыхъ узахъ дружбы и кровнаго родства, связывающихъ династію Гогенцоллерновъ съ русскимъ императорскимъ домомъ. Нельзя также не признать добраго намѣренія, внушившаго германскому императору его восторженный отзывъ о русской арміи и хвалу, возданную имъ ея военнымъ доблестямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ рядахъ ея, какъ и во всемъ русскомъ обществѣ, слова эти встрѣтятъ благодарный и сочувственный откликъ.

Вникая однако въ историческій смыслъ событій, перечисленныхъ въ военномъ тостѣ императора Вильгельма II, мы въ нихъ именно и найдемъ предостереженіе противъ увлеченій, всегда опасныхъ въ политикѣ, противъ розовыхъ надеждъ, столь часто разсѣваемыхъ суровою дѣйствительностью. Императоръ упомянулъ о четырехъ эпохахъ, дѣйствительно покрывшихъ русское оружіе неувядаемою, безсмертною славой: то были двѣнадцатый годъ, борьба за освобожденіе Германіи и Европы, славное Севастопольское сидѣніе и послѣдняя Восточная война. Объ этихъ богатырскихъ подвигахъ царственный ораторъ отозвался съ теплымъ и неподдѣльнымъ чувствомъ и въ заключеніе поднялъ бокалъ за своихъ «русскихъ товарищей». Но въ томъ то и дѣло, что изъ всѣхъ приведенныхъ имъ сраженій прусская армія «истекала кровью» въ дружномъ единеніи съ нашею, лишь въ тѣхъ, что̀ имѣли непосредственною цѣлью низверженіе, тяготѣвшаго столько лѣтъ надъ Пруссіею, Наполеоновскаго ига. Ни до, ни послѣ, «прусскіе товарищи» не приходили къ русскимъ на помощь. Нужды нѣтъ, что на поляхъ Бородина и подъ стѣнами Севастополя мы дрались съ французами, что̀ вѣроятно и побудило Вильгельма II напомнить объ этихъ именахъ, какъ въ обращеніи къ англійскому флоту онъ, незадолго предъ тѣмъ, напомнилъ о Мальплакэ и Ватерлоо. Пока подъ Бородинымъ русская рать грудью заграждала Наполеону путь къ Москвѣ, пруссаки въ хвостѣ его великой арміи подступали къ Ригѣ, заручившись на случай удачи обѣщаніемъ земельнаго приращенія на нашъ счетъ. Также точно, когда мы геройски отстаивали каждую пядь земли въ Севастополѣ, что помѣшало намъ побѣдоносно отразить нападеніе, какъ не необходимость содержать бо̀льшую и лучшую часть нашихъ военныхъ силъ

на западной границѣ Имперіи, которой во все время Крымской войны угрожало вторженіе не открытыхъ враговъ, французовъ, англичанъ или турокъ, а еще недавно называвшихся друзьями нашими и союзниками, пруссаковъ и австрійцевъ, болѣе или менѣе явно перешедшихъ на сторону нашихъ противниковъ? Наконецъ, въ столь близкую отъ насъ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за паденіемъ Плевны и появленіемъ русскихъ орловъ въ виду Царяграда, кто какъ не Германія, предсѣдательствовавшая на берлинскомъ конгрессѣ, именемъ соединенной Европы лишила насъ плодовъ нашихъ побѣдъ и содѣйствовала не только обездоленію Россіи, но и униженію ея международнаго достоинства?

Все это, конечно, старые счеты и можно было бы ихъ не поминать, еслибы военный тостъ императора Вильгельма II не представилъ событій въ идеализованномъ видѣ и не воскресилъ снова легенды о двухвѣковой прусской дружбѣ, легенды бывшей источникомъ столькихъ заблужденій русской политики и противъ которой съ такою силою вопіетъ историческая дѣйствительность, къ сожалѣнію слишкомъ мало извѣстная у насъ. Мы отнюдь не хотимъ этимъ сказать, что Россія не можетъ жить въ мирѣ и согласіи съ могущественною сосѣдкою, государственному росту которой она такъ усердно и такъ безкорыстно помогала. Мы только хотимъ установить, что эти столь желанные согласіе и миръ упрочатся не иначе, какъ подъ условіемъ уравновѣшенія пользъ и нуждъ обѣихъ имперій, и что по меньшей мѣрѣ неблагоразумно напоминать намъ о сдѣлкахъ минувшихъ лѣтъ, всѣми выгодами отъ коихъ воспользовалась Пруссія, оставивъ Россіи на долю лишь, чувствительный и понынѣ, нравственный и политическій ущербъ.

Нѣмцы часто и громко жалуются на то, что французы де ихъ не любятъ. Но за что же ихъ и любить? Неужели за то, спросимъ мы, что не довольствуясь выкупомъ въ пять милліардовъ, они насильственно отторгли у Франціи Лотарингію и Эльзасъ и нанесли ей тѣмъ глубокую рану, неуспѣвшую зажить въ восемнадцать лѣтъ? Другой примѣръ непомѣрной нѣмецкой притязательности—обращенные къ Россіи укоры за недовѣріе къ Германіи. А что сдѣлала Германія, чтобы пріобрѣсти и сохранить за собою довѣріе Россіи?

Какъ ни щекотливъ этотъ вопросъ, мы не считаемъ себя

въ правѣ уклоняться отъ его обсужденія. Внимательно изучая внѣшнюю политику князя Бисмарка за истекшую четверть вѣка, мы охотно признаемъ, что она не разъ вызывала въ насъ чувство удивленія, порою даже не чуждое нѣкоторой зависти, но довѣрія не внушала никогда. За примѣромъ ходить не далеко. Такъ, еще недавно князь Бисмаркъ громогласно заявлялъ, что Германія прямо не заинтересована въ дѣлахъ Востока и равнодушно относится къ судьбамъ его. Долго вѣрила ему на слово русская дипломатія, но и она, пожалуй, встрепенется при видѣ путешествія въ Аѳины и Царьградъ, съ такою торжественностью предпринятаго германскимъ императоромъ и стоящаго въ прямомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ приведеннымъ выше увѣреніемъ его канцлера.

Обстановка, среди которой происходитъ это путешествіе, крайне характерна для опредѣленія, какъ цѣлей, такъ и способовъ и пріемовъ нѣмецкой политики. Извѣстенъ коренной антагонизмъ между Греціею и Турціею. Живымъ напоминаніемъ о немъ служитъ то, что происходитъ на островѣ Критѣ. Казалось бы, что тотъ, кто дружитъ съ греками, не можетъ быть искреннимъ другомъ турокъ и наоборотъ. Такъ думали и такъ поступали, склоняясь то на ту, то на другую сторону, въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Петербургѣ. Совсѣмъ иначе разсуждаютъ въ Берлинѣ. Тамъ знать не хотятъ кто правъ: турки ли, отстаивая свое господство надъ христіанами, греки ли, предъявляя притязанія на турецкое наслѣдство? Но тамъ желаютъ выяснить, кто изъ Турціи или Греціи можетъ служить Германіи наиболѣе полезнымъ и покорнымъ орудіемъ для достиженія собственныхъ ея политическихъ цѣлей? И за выясненіемъ этого вопроса Вильгельмъ II самъ ѣдетъ въ Аѳины и Царьградъ. Наслѣднику греческаго престола онъ отдаетъ руку сестры своей, но и султану оставляетъ прусскихъ инструкторовъ для обученія и устройства его арміи. Прямо изъ объятій короля Георга онъ переносится въ объятія Абдулъ-Гамида. Который же изъ двухъ долженъ вѣрить его лобзанію?

Хорошо сдѣлаютъ если не повѣрятъ ни тотъ ни другой. Оба могутъ не сомнѣваться, что Германія пальцемъ не шевельнетъ, ни чтобы задержать распаденіе оттоманской имперіи, ни чтобы ускорить осуществленіе завѣтныхъ вожделѣній эллинизма. Подчинивъ себя ея внушеніямъ, ея политическому руководству,

какъ Греція такъ и Порта станутъ лишь козырями въ ея рукахъ, предметомъ мѣны и торга въ переговорахъ съ другими державами, съ которыми Германская имперія ведетъ свою міровую игру. Можетъ впрочемъ случиться и еще хуже: обольщенные нѣмцами и турки и греки, чего добраго, подпадутъ въ ихъ непосредственную зависимость и лишь съ ярмомъ на шеѣ познаютъ слишкомъ поздно, что нѣтъ ничего въ мірѣ томительнѣе и невыносимѣе нѣмецкаго господства.

Спасительнымъ предостереженіемъ да послужитъ и королю Эллиновъ и султану примѣръ злополучныхъ Сербіи и Болгаріи, судьба коихъ тотчасъ послѣ берлинскаго свиданія подверглась обсужденію въ происходившей въ Монцѣ бесѣдѣ графа Герберта Бисмарка съ Криспи, и рѣшается нынѣ въ Фридрихсруэ на совѣщаніи между графомъ Кальноки и самимъ маститымъ имперскимъ канцлеромъ.

Мы не посвящены въ тайны всѣхъ этихъ переговоровъ и не знаемъ какую участь готовитъ князь Бисмаркъ обоимъ славянскимъ государствамъ. Помнимъ, однако, что любимою его мечтою было такъ называемое разграниченіе «сферъ вліянія» Россіи и Австро-Венгріи на балканскомъ полуостровѣ, причемъ за Россіею признавалось право на преимущественное значеніе въ Болгаріи, а Сербія обрекалась на съѣденіе австро-мадъярамъ. И вотъ естественное теченіе событій въ обѣихъ этихъ странахъ разстроило хитроумныя сочетанія, зародившіяся въ воображеніи нѣмецкаго канцлера. Болгарія, повидимому, отшатнулась отъ Россіи и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе поступается своею самостоятельностью въ пользу Вѣны и Пешта, Сербія же, напротивъ, какъ только обрѣла снова свободу распоряжаться своими судьбами, стала явно тяготѣть къ Россіи, признавая въ ней естественную защитницу и покровительницу всего славянскаго міра.

Неужели эта перетасовка не образумила князя Бисмарка, не раскрыла ему несостоятельности той политической системы, что распоряжается судьбами народовъ во вниманіе къ ихъ географическому распредѣленію, нимало не соображаясь съ ихъ историческимъ складомъ, съ собственными ихъ стремленіемъ и волею? Что же касается до Вѣнскаго двора, то онъ незамедлилъ подчиниться указаніямъ опыта. Положимъ, онъ еще не махнулъ рукой на Сербію, гдѣ клевреты его старательно поддерживаютъ

смуту и внутреннюю рознь, но все же преимущественныя усилія свои направилъ онъ на Болгарію, заботясь о поддержаніи въ ней порядка, при которомъ немыслимо примиреніе княжества съ освободительницею ея, Россіею. Таково значеніе согласія даннаго Императоромъ Австрійскимъ на бракъ принца Фердинанда Кобургскаго съ племянницею по женѣ, дочерью герцога Алансонскаго. Но еще знаменательнѣе ручательство австро-венгерскаго правительства за 30-ти милліонный заемъ, заключенной Болгаріею при посредствѣ вѣнскаго Лендербанка. Съ финансовою помощью, оказанною болгарамъ Австро-Венгріею не мѣшаетъ сопоставить необъяснимую снисходительность къ нимъ Россіи съ того дня какъ они дерзко порвали всѣ связи свои съ нею. Пока Болгарія соблюдала внѣшнія приличія по отношенію къ намъ, мы требовали съ нея и получали 2.000000 франковъ ежегодно въ уплату долга, признаннаго ею особою заключенною въ 1882 году конвенціею. Но какъ только произошелъ дипломатическій разрывъ, она, разумѣется, прекратила условленные взносы, а мы не сдѣлали ни малѣйшей попытки, чтобы ее къ тому понудить. Требовать уплаты отъ друзей и не взыскивать ея съ враговъ — пріемъ довольно странный и, во всякомъ случаѣ, мало способствующій устраненію существующихъ между нами и болгарами недоразумѣній, ибо они лишь до тѣхъ поръ обезпечены отъ нашей взыскательности, пока не возстановлены между нами нормальныя политическія сношенія, примиреніе же съ Россіей будетъ имъ снова стоить въ продолженіи двѣнадцати съ половиною лѣтъ лишнихъ 2.000000 франковъ въ годъ.

Въ виду такого оборота принятаго событіями, мы рѣшительно недоумѣваемъ, что можетъ означать слухъ, настойчиво распространяемый нѣмецкою оффиціозною печатью о намѣреніи князя Бисмарка выступить посредникомъ между Россіею и Австро-Венгріею для улаженія путемъ взаимныхъ уступокъ несогласій ихъ по болгарскому вопросу. Ужъ не хочетъ ли онъ предложить имъ помѣняться долями: предоставить вѣнскому двору произвольно распоряжаться въ Болгаріи, Россіи же—подчинить Сербію своему вліянію и политическому руководству? Такой чрезполозный раздѣлъ былъ уже однажды испробованъ имъ съ тою же Австріею посредствомъ Гаштейнской конвенціи, которою отдавалась ей въ управленіе сопредѣльная съ прусскими вла-

дѣніями Голштинія, а болѣе отдаленный Шлезвигъ Пруссія оставила за собой. Прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ помянутой сдѣлки была австро-нѣмецкая война 1866 года.

Впрочемъ, такъ или иначе, Россія не можетъ допустить и мысли о какомъ бы ни было дѣлежѣ съ монархіею Габсбурговъ балканскихъ земель, не измѣнивъ своему историческому призванію, во имя котораго она является щитомъ и опорою своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ противъ всякаго чужеземнаго насилія или захвата. Но именно этого значенія не хотятъ признать за нею въ Вѣнѣ. Разладъ, слѣдовательно, оказывается принципіальнымъ, и никакое нѣмецкое посредничество не въ состояніи устранить его.

Но, быть можетъ, князь Бисмаркъ и не задается такою недостижимою цѣлью и предложеніе имъ добрыхъ услугъ касается лишь установленія между Россіей и Болгаріей отношеній болѣе отвѣчающихъ ихъ взаимнымъ потребностямъ, равно какъ и тому участію, которое отечество наше приняло въ освобожденіи княжества и въ первоначальномъ его устройствѣ?

Допустивъ что нѣмецкій канцлеръ, вопреки основному правилу своей политики, дѣйствительно возымѣлъ бы намѣреніе уладить русско-болгарскую распрю во имя отвлеченнаго понятія высшей международной справедливости, такая задача оказалась бы ему не по силамъ. Даже въ настоящемъ ихъ разъединеніи не порвана еще живая органическая связь между державою-освободительницею и молодыми родственными государствами, обязанными ей существованіемъ. Счеты русскихъ съ болгарами—домашніе, семейные счеты. Чужой человѣкъ легко можетъ разсорить младшихъ братьевъ со старшимъ, разжигая въ нихъ недовѣріе, зависть или злобу, но примирить ихъ не въ его власти. Мы разумѣемъ, конечно, не одно лишь лицемѣрное наружное примиреніе, а такое, которое истекаетъ изъ сознанія племенной взаимности, солидарности родовыхъ интересовъ, то есть единственно искреннее и прочное, *братское* примиреніе, въ полномъ смыслѣ этого знаменательнаго слова.

Но когда же и гдѣ Пруссія, столько разъ въ теченіе двухъ столѣтій не только предлагавшая, но и навязывавшая Россіи свое посредничество, дѣлала это изъ одного желанія намъ добра, не помышляя прежде всего о собственныхъ своихъ выгодахъ, не подчиняя имъ съ возмутительною беззастѣнчивостью всѣ прочія

соображенія и разсчеты? Не она-ли въ эпоху великой сѣверной войны, посредничая между Карломъ XII и Петромъ Великимъ, успѣла выговорить себѣ присоединеніе знатной части Помераніи съ городомъ Штетиномъ, или въ царствованіе Фридриха II, также подъ предлогомъ посредничества, задумала и совершила первый раздѣлъ Польши, доставившій ей, безъ затраты одного гроша и безъ пролитія единой капли крови, давно желанныя соединительныя звенья между Восточною Пруссіею и наслѣдственными бранденбургскими землями? Въ началѣ нынѣшняго вѣка, она является посредницею между Россіей и Франціей, что̀ доставляетъ ей опять знатное приращеніе на счетъ медіатизованныхъ нѣмецкихъ духовныхъ владѣній. Воспоминаніе о томъ вдохновляетъ г. фонъ-Бисмарка-Шёнгаузена въ началѣ его дипломатической дѣятельности, а со времени вступленія его въ завѣдываніе прусскою, затѣмъ германскою политикой, онъ то и дѣло, что посредничаетъ между великими державами, и при томъ всегда въ свою исключительную пользу. Какъ понималъ онъ посредничество между Россіею съ одной стороны и Англіею и Австріею съ другой, должно быть памятно нашимъ дипломатамъ, обойденнымъ и на берлинскомъ конгрессѣ и, едва-ли не болѣе еще, послѣ него. Невольно вспоминаются вѣщія слова одного изъ послѣднихъ русскихъ государственныхъ людей съ чисто народнымъ направленіемъ, канцлера графа А. Р. Воронцова, яснымъ взоромъ провидѣвшаго традиціонные, прусскіе замыслы, но увы! ошибшагося въ выраженной имъ увѣренности «что ухищренія двора сего не вовлекутъ насъ болѣе ни въ какіе подвиги для выгодъ его, со вредомъ нашимъ нераздѣльныхъ» [1]).

Съ тѣхъ поръ прошло восемдесятъ шесть лѣтъ и неужели не настало еще время сознать великую истину, что въ особенности на Востокѣ, выгоды не только Германіи, но и всѣхъ прочихъ державъ Запада «нераздѣльны съ нашимъ вредомъ». А если такъ, то не слѣдуетъ ли намъ отречься разъ навсегда отъ всякаго иноземнаго содѣйствія или помощи и искать самимъ себѣ самостоятельный путь къ возможно полному и всестороннему удовлетворенію нашихъ государственныхъ и національныхъ потребностей?

---

[1]) Всеподданнѣйшая записка государственнаго канцлера графа А. Р. Воронцова, императору Александру I 5 (17) октября 1803 г.

Конечно — поспѣшаютъ соглашаться дипломаты, — но вотъ бѣда! Европа предвидѣла, что Россія не вѣчно будетъ ходить у нея на помочахъ, и на этотъ случай приняла заблаговременно свои предупредительныя мѣры. Не менѣе пяти разъ заставила она насъ утвердить нашею подписью обязательство, въ силу коего мы лишены права самостоятельно устраивать дѣла наши съ Портою Оттоманскою и съ государствами, народившимися изъ ея обломковъ, а всѣ несогласія съ ними должны обсуждать и разрѣшать не иначе, какъ сообща, по соглашенію со всѣми прочими великими державами, другими словами—отдавать ихъ на судъ Европы. Условіе это впервые занесенное въ лондонскую конвенцію 1840 года, для бо̀льшей вѣрности подтверждено конвенціею, подписанною въ Лондонѣ въ слѣдующемъ году, парижскимъ конгрессомъ 1856 года, лондонскою конференціею 1871 года, наконецъ берлинскимъ конгрессомъ. Такимъ образомъ, въ отношеніяхъ своихъ къ Востоку Россія несвободна; она связана по рукамъ и по ногамъ, и заранѣе принуждена покорно склоняться предъ рѣшеніемъ ею самою признаннаго судилища, такъ называемаго «Европейскаго концерта».

Такъ ли это?

Учрежденіе, извѣстное подъ именемъ «Европейскаго концерта»—русскаго происхожденія. Зародилось оно въ умѣ императора Александра I при самомъ началѣ его поединка съ Наполеономъ и осуществлено имъ же, на Вѣнскомъ конгрессѣ. Тамъ былъ установленъ верховный совѣтъ пяти великихъ державъ, вѣдавшій и рѣшавшій общія дѣла Европы, но кругъ дѣятельности его ограничивался христіанскими государствами. По настоянію Каподистріи, Александръ Павловичъ исключилъ Оттоманскую Порту изъ числа участниковъ европейской федераціи и, вѣрный преданіямъ своихъ предшественниковъ, выговорилъ право Россіи самостоятельно вершить дѣла свои съ Турціею, не допуская въ нихъ ничьего посторонняго вмѣшательства.

Первымъ отступленіемъ отъ этого мудраго правила было согласіе Благословеннаго на осужденіе греческаго возстанія Веронскимъ конгрессомъ, повлекшее за собою двукратный созывъ въ Петербургѣ обще-европейской конференціи по греческимъ дѣламъ. Но государь не замедлилъ убѣдиться, что на

этой почвѣ невозможно соглашеніе между Россіею и прочими державами Запада и, не задолго до кончины, прервалъ переговоры съ союзниками, заявивъ имъ, что возвращаетъ себѣ полную свободу дѣйствій по отношенію къ Востоку.

Также точно и преемникъ Александра, императоръ Николай I самостоятельно велъ въ 1828—29 годахъ войну съ Турціей и славный Адріанопольскій миръ заключилъ непосредственно съ Портою, устранивъ назойливое посредничество союзныхъ европейскихъ дворовъ. Далѣе, Ункіаръ-Искелесскій договоръ 1833 года, поставившій Турцію подъ охрану и защиту Россіи, состоялся внѣ всякаго участія Европы и оставался въ силѣ цѣлые восемь лѣтъ, не взирая на ярые протесты морскихъ державъ, которые императорскій кабинетъ «призналъ какъ бы несуществующими».

Но уже въ томъ же 1833 году конвенція заключенная между Россіею и Австріею предоставила послѣдней право голоса при разрѣшеніи восточныхъ замѣшательствъ, а семь лѣтъ спустя, на лондонской конференціи русская дипломатія впервые допустила и признала начало обще-европейскаго соглашенія по дѣламъ Востока, подтвердивъ оное въ слѣдующемъ 1841 году, особою конвенціею.

Въ книгѣ нашей, посвященной изученію внѣшней политики императора Николая, мы подробно изложили причины такого кореннаго перелома въ воззрѣніяхъ нашей дипломатіи и добровольнаго отреченія ея отъ правила, составлявшаго какъ бы краеугольный камень преемственной восточной политики русскаго двора. Для точнѣйшаго выясненія предмета позволяемъ себѣ привести изъ нея нѣсколько строкъ.

«Второю лондонскою конвенціею заключились переговоры великихъ державъ по Восточному вопросу. Они продолжались два года и далеко вышли за предѣлы узкихъ рамокъ турецко-египетскаго дѣла, послужившаго имъ первоначальнымъ поводомъ. Они обнимали всю совокупность отношеній великихъ державъ между собою и Востокомъ и результатомъ ихъ было коренное измѣненіе этихъ отношеній: европейское соглашеніе, принципъ, въ силу коего пять державъ, представляющихъ Европу, имѣли право обсуждать и рѣшать важнѣйшіе политическіе вопросы не иначе какъ сообща, тотъ самый принципъ, который оказался несостоятельнымъ на Западѣ и пришелъ тамъ въ

полное забвеніе, былъ торжественно и исключительно распространенъ на Востокъ... Нужды нѣтъ, что изъ второй лондонской конвенціи было исключено упоминаніе о цѣлости и независимости Оттоманской Имперіи и конвенція ограничена постановленіемъ о закрытіи Дарданеллъ и Босфора для военныхъ флаговъ всѣхъ націй. Слово не было произнесено, но дѣло сдѣлано. Европа не настаивала на узаконеніи своей опеки надъ Турціей, необходимымъ послѣдствіемъ чего было бы формальное упраздненіе принадлежавшихъ намъ правъ по отношенію къ послѣдней. Никому и въ мысль не приходило, чтобы возможно было исторгнуть добровольное согласіе императора Николая, стоявшаго въ глазахъ всего Запада на высшей ступени своего могущества, на такой порядокъ, который тридцать лѣтъ спустя вынуждена была признать на Востокѣ Россія, истекавшая кровью, послѣ тяжкой и неравной борьбы съ половиною Европы. Но за то созданъ былъ прецедентъ, который оправдывалъ вмѣшательство великихъ державъ во всѣ грядущія несогласія наши съ Портою, установилось судилище, предъ коимъ мы имѣли предстать со временемъ въ качествѣ не равноправныхъ судей, а подсудимыхъ. Обѣ Лондонскія конвенціи—прямыя родоначальницы договоровъ парижскаго и берлинскаго, до сего времени тяготѣющихъ надъ судьбами Россія на Востокѣ» [1]).

Дѣло начатое на совѣщаніяхъ въ Лондонѣ 1840—41 годовъ, было довершено въ 1856 году, парижскимъ конгрессомъ. Всѣмъ памятны унизительныя условія, навязанныя побѣжденной Россіи соединенною Европой. Болѣзненнѣе прочихъ отразились на нашемъ народномъ самолюбіи отторженіе части Бессарабіи и ограниченіе морскихъ силъ нашихъ въ Черномъ морѣ, но едва ли не чувствительнѣйшій ударъ значенію Россіи, какъ великой міровой державы, былъ нанесенъ изъятіемъ изъ подъ ея протектората Дунайскихъ Княжествъ и Сербіи, лишеніемъ ея права покровительства всѣмъ единовѣрнымъ намъ подданнымъ султана, а главное обращеніемъ въ положительное для нея обязательство признанія на будущее время «Европейскаго концерта» единственнымъ правоспособнымъ судьею отношеній ея къ Портѣ и ея вассаламъ. Безъ предварительнаго соглашенія со всѣми державами, подписавшими парижскій до-

---

[1]) *Внѣшняя политика императора Николая I* стр. 544 и 549.

говоръ 1856 года, намъ нельзя было и думать о какомъ либо измѣненіи нашихъ отношеній къ Турціи, не только въ Европѣ, но и въ Азіи.

Достойно замѣчанія, что въ то самое время когда «Европейскій концертъ» узаконивалъ, такъ сказать, свое распространеніе на Востокъ, на Западѣ онъ потерялъ всякое вліяніе и силу. Событія скоро доказали это самымъ неопровержимымъ образомъ. Франко-итальянская война и послѣдовавшее за нею объединеніе Италіи совершенно видоизмѣнили установленное на Вѣнскомъ конгрессѣ земельное устройство Аппенинскаго полуострова, и противъ этихъ перемѣнъ не протестовала ни одна изъ державъ, скрѣпившихъ своею подписью заключительный актъ помянутаго конгресса. Также точно обошлись безъ европейской санкціи: насильственное отторженіе отъ Даніи призльбскихъ герцогствъ, ниспроверженіе Германскаго Союза и захватъ у Франціи возсоединенною Германіею Эльзаса и Лотарингіи, не смотря на то, что всѣ эти перевороты составляли вопіющія нарушенія международныхъ договоровъ, въ обще-европейскомъ интересѣ заключенныхъ совокупностью великихъ державъ.

Послѣ этого позволительно было ожидать, что Европа въ молчаніи признаетъ возвѣщенное ей осенью 1870 г. рѣшеніе Россіи не считать себя болѣе связанной, во вниманіе измѣнившихся обстоятельствъ, однимъ изъ самыхъ оскорбительныхъ для нея постановленій парижскаго мира, а именно условіемъ объ ограниченіи ея державныхъ правъ на Черномъ морѣ. Не тутъ то было. Не взирая на ожесточенную борьбу, происходившую въ то время между Германіей и Франціей, раздался громкій протестъ дворовъ Лондонскаго и Вѣнскаго, оспаривавшихъ право Россіи самопроизвольно отречься отъ стѣснительнаго обязательства. Напрасно императорскій кабинетъ выразилъ согласіе передать вопросъ на судъ обще-европейской конференціи. Англія не иначе согласилась созвать ее въ своей столицѣ, какъ добившись отъ насъ торжественнаго признанія *за начало народнаго права*, «что ни одна изъ державъ-участницъ договора не можетъ отказаться отъ заключающихся въ немъ обязательствъ или измѣнить его постановленія иначе, какъ съ согласія всѣхъ прочихъ договаривающихся сторонъ, посредствомъ дружественнаго съ ними соглашенія». Объ этомъ составленъ былъ особый

протоколъ, съ которымъ ярко контрастовало послѣдовавшее въ слѣдующемъ же засѣданіи конференціи, заявленіе прусскаго уполномоченнаго, что государь его принялъ титулъ императора германскаго. Предъ такимъ заявленіемъ въ почтительномъ молчаніи склонились всѣ прочіе уполномоченные и никто изъ нихъ не посмѣлъ напомнить о только что подписанномъ протоколѣ, подъ который оно несомнѣнно подходило, заключая въ себѣ измѣненіе порядка, установленнаго Европою на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Нельзя было нагляднѣе доказать что «Европейскій концертъ» давно упраздненный въ дѣлахъ Запада, обязательную силу сохранялъ только для одной Россіи на Востокѣ. Въ этомъ мы не замедлили убѣдиться до, во время и послѣ русско-турецкой войны 1877—78 годовъ.

Необходимо замѣтить, что тогдашній руководитель нашей внѣшней политики князь А. М. Горчаковъ, задавшись цѣлью во чтобы ни стало отмѣнить условія парижскаго мира, касавшіяся упраздненія Черноморскаго флота и уступки части Бессарабіи, и не думалъ ополчаться противъ обязательнаго посредничества Европы въ восточныхъ дѣлахъ. Въ ослѣпленіи самообольщенія, оно представлялось ему, напротивъ, наилучшимъ средствомъ разрѣшенія Восточнаго вопроса мирнымъ путемъ. Вотъ почему онъ не только не устранялъ великія державы Запада отъ участія въ этихъ дѣлахъ, но всячески побуждалъ ихъ къ тому, постоянно взывая къ содѣйствію и помощи «Европейскаго концерта». Мечтою его было даже совокупное военное вмѣшательство Европы въ распрю Порты съ ея христіанскими подданными и, конечно, не его вина, если таковое не состоялось. Всю тяжесть войны понесла одна Россія, но ей не дозволено было собственною властью постановить условія мира, какъ это сдѣлала Франція въ 1859, Германія въ 1871 году. Задолго до начала военныхъ дѣйствій, нашъ государственный канцлеръ успокоивалъ великія державы заявленіемъ, что предоставитъ имъ сообща установить новый порядокъ на Востокѣ. Еще не былъ заключенъ Санъ-Стефанскій договоръ, какъ онъ уже обѣщалъ имъ, что онѣ будутъ призваны пересмотрѣть тѣ изъ его условій, что затрогиваютъ европейскіе интересы. Но Англіи этого было мало. Она требовала, чтобы конгрессу были переданы на разсмотрѣніе и утвержденіе *всѣ* безъ исключенія статьи

предварительнаго мирнаго трактата. Помирились на текстѣ нѣмецкаго приглашенія на конгрессъ. Оно гласило: «что *весь* Санъ-Стефанскій договоръ будетъ *свободно обсуждаться*» европейскимъ ареопагомъ. Берлинскій трактатъ не посвятилъ особой статьи опредѣленію права Европы продолжать служить верховнымъ судилищемъ для всѣхъ дѣлъ, относящихся до Востока, но подтвердилъ это право заключительной своей статьей, въ общемъ составѣ неотмѣненныхъ новымъ договоромъ постановленій парижскаго конгресса 1856 года и лондонской конференціи 1871 года.

Таково, на взглядъ нашей дипломатіи, нынѣшнее правовое положеніе занимающаго насъ вопроса. Она и по сію пору считаетъ Россію связанною обязательствами, сущность коихъ мы постарались разъяснить.

Мы еще вернемся къ обсужденію того, насколько подобный взглядъ оправдывается обстоятельствами. Теперь же мы спросимъ: согласно или несогласно съ пользами Россіи, не говоря уже о ея достоинствѣ, признаваемое ею за «Европейскимъ концертомъ» право вмѣшательства въ ея отношенія къ восточнымъ сосѣдямъ?

Отвѣчать на такой вопросъ можно только отрицательно. Любая держава въ Европѣ властна опредѣлять по своему усмотрѣнію отношенія свои къ сосѣднимъ государствамъ. Одна Россія лишена этого права. Или, что еще страннѣе: она можетъ объявить имъ войну, побѣдить ихъ, предписать имъ условія мира, но условія эти входятъ въ законную силу лишь съ утвержденія пяти другихъ державъ, не принимавшихъ въ войнѣ никакого участія. Наконецъ, безъ согласія тѣхъ же пяти державъ, она не въ правѣ вступать съ сосѣдями даже въ дружественныя соглашенія политическаго свойства, заключать съ ними, напримѣръ, союзы. Такое ограниченіе державныхъ правъ Россіи было бы оскорбительно для нея, еслибы не было просто нелѣпо. Навязанное силой, оно падаетъ само собою, какъ только сила его болѣе не поддерживаетъ.

«А вѣрность данному слову?» — возражаютъ дипломаты. «Какъ ни тяжко обязательство, великая держава не можетъ отъ него уклониться, не роняя себя въ общественномъ уваженіи». Разсмотримъ же въ какой мѣрѣ столь вредное для насъ условіе сохраняетъ понынѣ свою обязательную силу.

Рѣчь идетъ о правѣ совокупнаго вмѣшательства. Кому предоставлено оно договорами? «Европейскому концерту», иначе сказать всей Европѣ, въ качествѣ какъ бы юридическаго лица. Но такой сплоченной во едино Европы давно уже не существуетъ. Ея нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ три великія державы образовали союзъ, къ которому приступила четвертая, и который сталъ во враждебныя отношенія къ двумъ, также великимъ державамъ, не вошедшимъ въ его составъ. Вотъ этотъ самый союзъ и разрушилъ «Европейскій концертъ», съ коимъ онъ просто не совмѣстимъ, разрушилъ по крайней мѣрѣ въ видѣ верховнаго судилища, призваннаго вѣдать и рѣшать дѣла касающіяся Востока. Какой справедливости можно ожидать отъ «Ареопага», въ которомъ четыре судьи въ стачкѣ противъ остальныхъ двухъ, изъ нихъ же одинъ является притомъ и стороною въ дѣлѣ? Пусть остаются неотъемлемыми и даже неоспоримыми права предоставленныя «Европейскому концерту» международными договорами. «Концерта» этого нѣтъ, не можетъ быть, и нѐкому, слѣдовательно, пользоваться принадлежащими ему правами.

Но пойдемъ дальше. На чемъ основаны эти права? На Берлинскомъ трактатѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что отдѣльныя постановленія каждаго договора обязательны для сторонъ лишь до тѣхъ поръ, пока соблюдаются всѣми, въ своей совокупности. Такъ ли относятся къ Берлинскому трактату державы подписавшія его?

Ни для кого не тайна, что большинство державъ не одинъ разъ нарушали, и не одну статью этого основнаго закона современнаго, международнаго устройства Востока. У насъ не хватитъ ни времени ни мѣста, чтобы привести здѣсь всѣ эти правонарушенія. Напомнимъ только о главнѣйшихъ. Не былъ еще подписанъ Берлинскій трактатъ, какъ уже Англія, такъ сказать, заблаговременно нарушила его, наложивъ свою хищную руку на Кипръ, а вскорѣ послѣ того и на весь Египетъ. Примѣру ея послѣдовала: Франція, самовольно занявъ Тунисъ, Италія—Массову, двѣ составныя части Оттоманской имперіи, цѣлость которой гарантирована конгрессомъ. Австрія ни мало не стѣснялась постановленіями послѣдняго, привязывая къ себѣ Сербію, цѣлымъ рядомъ тайныхъ конвенцій военныхъ, политическихъ и хозяйственныхъ, въ бытность Милана на

престолѣ и напредняковъ во главѣ правительства. Наконецъ, не самымъ ли вопіющимъ нарушеніемъ порядка, установленнаго Берлинскимъ трактатомъ на Балканскомъ полуостровѣ, является похищеніе власти въ Болгаріи принцомъ Фердинандомъ Кобургскимъ, болѣе года терпимое, если не поощряемое средне-европейскими державами и союзницею ихъ Англіею?

Всѣ вышеизложенные факты и соображенія даютъ Россіи несомнѣнное право торжественно объявить, что она не считаетъ себя болѣе связанною направленными противъ нея статьями Берлинскаго трактата и, въ частности, обязательствомъ признавать и впредь притязаніе Европы на вмѣшательство въ ея отношенія къ Портѣ и къ прочимъ балканскимъ государствамъ. Только такого рода заявленіе возвратитъ ей полную свободу дѣйствій на Востокѣ, подобно тому, какъ, по манію Самодержца, выходъ ея изъ состава трехдержавнаго союза возвратилъ ей три года назадъ таковую же на Западѣ.

Все ли это? Нѣтъ не все. Это только первый или вѣрнѣе второй шагъ на пути вполнѣ самобытной, народной, исторической политики. Дальнѣйшіе шаги зависятъ отъ степени умственной бодрости и нравственной твердости русской дипломатіи. Ясно намѣтить себѣ цѣль и стремиться къ ней неуклонно—такова предлежащая ей не легкая задача.

Что же нужно для успѣшнаго разрѣшенія ея во славу русскаго Царя, на благо русскаго народа? Напряженіе ума, возбужденіе чувства, непоколебимость воли, эти три непремѣнныя условія творчества, которое въ дипломатическомъ искусствѣ, какъ и во всякомъ иномъ, одно имѣетъ созидательную силу.

Сказали бы мы гдѣ, по крайнему нашему разумѣнію, слѣдуетъ почерпнуть ее почтеннымъ нашимъ сверстникамъ, бывшимъ товарищамъ и сослуживцамъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, но опасаемся, какъ бы голосъ нашъ не остался «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». А потому, послѣднее слово обращаемъ къ вамъ, молодое дипломатическое поколѣніе, къ вамъ, кому на долю выпалъ завидный и почетный жребій стоять на стражѣ пользъ и достоинства дорогой нашей Россіи, «*разумомъ* и *твердостью*» оберегать ее отъ посягательствъ тайныхъ недоброжелателей и явныхъ враговъ. Именемъ отечества заклинаемъ васъ: ищите эту живительную, благодатную струю, ищите—и обрящете.

Смотрите: вотъ она бьетъ живымъ ключемъ изъ нѣдръ родной земли. Обильны и неизсякаемы ея источники: русская общественная мысль, русское народное чувство, преданія и завѣты предковъ, основанное на строгомъ и внимательномъ изученіи пониманіе великаго прошлаго Россіи, согрѣтая любовью къ ней глубокая вѣра въ ея грядущія судьбы. Прильните устами къ «живой водѣ» и просвѣтлѣетъ вашъ умъ, взыграетъ чувство, сами вы удивитесь, какою преисполнитесь крѣпостью.

Тогда станете вы воистину представителями вашей родины, бодрыми, стойкими и неодолимыми, какъ она сама. Но помните также, что съ однимъ «благонравіемъ» нельзя выиграть партіи даже на простой шахматной доскѣ, тѣмъ паче на всемірномъ ристалищѣ, гдѣ ставкою служитъ величіе Россіи; гдѣ въ случаѣ проигрыша платиться придется историческими правами, пріобрѣтенными въ многовѣковой упорной борьбѣ, потомъ и кровью предшедшихъ поколѣній, платиться къ тому же за счетъ не только настоящаго, но и будущаго.

XII.

Рѣчь Государя Императора на пятисотлѣтнемъ юбилеѣ русской артиллеріи.— Миролюбіе Россіи.—Два способа сохраненія мира: безусловная уступчивость притязаніямъ четвернаго союза или борьба съ нимъ на дипломатической почвѣ.—Посредничество Германіи въ Болгарскомъ вопросѣ. — Устраненіе недоразумѣній съ Болгаріею путемъ прямаго объясненія съ нею.—Историческій опытъ—основаніе разумной дипломатической дѣятельности.—Внутреннее положеніе Германіи, Австро-Венгріи, Италіи и Англіи.—Возрожденіе Франціи.— Броженіе на Востокѣ.—Приближающаяся развязка Восточнаго вопроса.

Парижъ, 19 ноября (1 декабря) 1889 г.

Въ одной изъ нашихъ бесѣдъ мы назвали державное Слово русскаго Царя высшимъ выраженіемъ русской правды. Таково именно значеніе краткой, но знаменательной рѣчи, произнесенной Государемъ Императоромъ въ достопамятный день пятивѣковой годовщины русской артиллеріи. Миролюбіе верховнаго вождя могущественнѣйшей арміи въ свѣтѣ сказалось въ ней съ неотразимою убѣдительною силой, тайна которой кроется въ ея величавой простотѣ, искренности, задушевности. Въ кругу военной семьи своей, исполненный довѣрія къ ея преемственной доблести, Государь все же отозвался о войнѣ, какъ о величайшемъ бѣдствіи, и изъ глубины царственной души вырвалось восклицаніе: «да избавитъ насъ Господь отъ этого тяжкаго испытанія!»

Благую и желанную вѣсть возвѣщали царскія слова Россіи и Европѣ. Съ восторгомъ откликнулось на нихъ русское общество, свидѣтельствуя о полномъ единомысліи земли съ самодержавнымъ руководителемъ судебъ ея. Казалось бы, что и за нашимъ рубежемъ они должны были бы вызвать то же сочувственное и признательное одушевленіе, разсѣевая одно изъ наиболѣе распространенныхъ на Западѣ опасеній: нарушенія покоя вселенной со стороны Россіи. Но такое значеніе признала за

ними одна французская печать, воспользовавшаяся случаемъ, чтобы лишній разъ выразить чувства глубокаго благоговѣнія къ великодушному Монарху, сильнѣйшему и надежнѣйшему оплоту мира Европы. Средне-европейскіе оффиціозы, заодно съ англійскими газетами, либо вовсе прошли рѣчь Государя молчаніемъ, либо отнеслись къ ней скептически, заподозрѣвая если не искренность, то воздѣйствіе ея на ходъ и направленіе политическихъ событій.

Мы, русскіе люди, хорошо знаемъ, что слово, раздающееся съ высоты царскаго престола, равносильно дѣлу, тождественно съ нимъ; знаютъ это и заграницею, но признать не хотятъ, по весьма простой и всѣмъ понятной причинѣ. Если допустить, что Россія не только не грозитъ европейскому миру, но сама служитъ ему щитомъ и опорою, то пришлось бы сознаться, что громадныя вооруженія державъ-участницъ четвернаго союза ровно ничѣмъ не оправдываются, что самый этотъ союзъ не имѣетъ благовиднаго предлога къ существованію, а и того менѣе—права именоваться «Лигою Мира». Распаденіе четвернаго союза и общее разоруженіе—таковы бы должны были быть естественныя послѣдствія признанія миролюбивыхъ чувствъ и намѣреній русскаго Царя.

Между тѣмъ, союзъ этотъ продолжаетъ существовать и ежедневно, едва-ли не ежечасно, умножаетъ и развиваетъ свои боевыя средства на сушѣ и на морѣ. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы «Лига Мира» имѣла непремѣнно цѣлью войну, желала ее, стремилась къ ней. При современныхъ военныхъ условіяхъ, война такое страшное зло, что ни одно правительство не рѣшится легкомысленно вызывать ее, тѣмъ болѣе, что ея исходъ не можетъ быть заранѣе ни предопредѣленъ, ни обезпеченъ. Дѣло въ томъ, однако, что война, какъ и миръ, никогда сама по себѣ не служитъ цѣлью въ политикѣ, а только средствомъ къ достиженію политическихъ цѣлей. Охотно допускаемъ, что четверной союзъ предпочитаетъ достигнуть своихъ цѣлей мирными средствами, но если это окажется невозможнымъ, то едва-ли задумается онъ прибѣгнуть къ силѣ, чтобы осуществить свою программу. Иначе вооруженія его не имѣли бы никакого смысла, были бы просто безразсудствомъ, нелѣпостью. А такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что вожделѣнія «Лиги Мира» на Западѣ, какъ и на Востокѣ, прямо противны

государственнымъ пользамъ Россіи, то и не слѣдуетъ никогда терять изъ виду необходимость въ крайнемъ случаѣ воспротивиться имъ вооруженною рукою. «Не дай Богъ, чтобы это случилось скоро»,—повторимъ мы вслѣдъ за Государемъ, но вмѣстѣ съ нимъ будемъ увѣрены,—«что наша храбрая артиллерія, какъ и всѣ другіе роды оружія, постоятъ за честь и славу нашего дорогаго отечества».

Есть два способа, если не къ совершенному устраненію, то, по крайней мѣрѣ, къ болѣе или менѣе продолжительной отсрочкѣ этой кровавой развязки.

Первый способъ состоитъ въ безусловной уступчивости притязаніямъ «Лиги Мира». Ясно, что, соглашаясь на все, чего только она отъ насъ ни потребуетъ, мы избѣжимъ столкновенія съ нею. Но это значило бы, другими словами: предоставить ей въ мирное время всѣ тѣ преимущества, которыя она могла бы пріобрѣсти лишь рядомъ побѣдъ въ продолжительной и кровопролитной войнѣ. Не станемъ останавливаться на этомъ способѣ, что въ концѣ концовъ неминуемо привелъ бы къ разрыву, ибо существуетъ предѣлъ, который великая держава, великій народъ, не могутъ перейти безъ ущерба своей чести и достоинства, не подвергая смертельной опасности свою цѣлость, независимость и самое существованіе.

Гораздо дѣйствительнѣе и безвреднѣе другой способъ, заключающійся въ томъ, чтобы, не доводя дѣло до войны, бороться съ противниками мирными дипломатическими средствами, стараясь превзойдти и одолѣть ихъ умомъ, изобрѣтательностью, твердостью и непреклонностью воли, искусствомъ и послѣдовательностью въ дѣйствіяхъ. Успѣхъ этого втораго, вполнѣ безкровнаго способа, зависитъ, какъ мы уже неоднократно имѣли случай замѣтить, отъ степени боевой готовности русской дипломатіи.

Предлежащая ей задача можетъ быть опредѣлена въ нижеслѣдующихъ немногихъ словахъ: проникнувъ враждебные замыслы явныхъ враговъ и тайныхъ недоброжелателей Россіи,—противодѣйствовать имъ, во что бы ни стало воспрепятствовать ихъ осуществленію.

Возьмемъ для примѣра болгарскій вопросъ, какъ самый важный для насъ, самый, такъ сказать, насущный. Вотъ уже скоро два года, какъ русское вліяніе не только окончательно

утрачено въ этой странѣ, но состоялось полное отчужденіе ея отъ Россіи. Болгарія—отрѣзанный ломоть отъ насъ, отъ всего тяготѣющаго къ намъ славянскаго міра. Вопреки явно выраженной волѣ Россіи, въ противность тырновской конституціи и даже постановленіямъ берлинскаго договора, въ ней царитъ самозванецъ-князь, похититель власти, католикъ, ставленникъ Австро-Венгріи, князь, не признанный ни Портою, ни великими державами. Между державою-освободительницею и молодымъ княжествомъ порваны всѣ связи. Болгарія какъ бы не существуетъ для Россіи, Россія—для Болгаріи.

Спрашивается: такой порядокъ угоденъ или не угоденъ четверному союзу?

Праздный вопросъ, если припомнимъ, что всячески содѣйствовали его установленію четыре державы, входящія въ составъ пресловутой «Лиги Мира». Главная цѣль этой лиги не есть ли устраненіе вліянія Россіи на всемъ пространствѣ Балкинскаго полуострова? Та самая Болгарія, что̀ должна была служить преградой наступательному движенію Европы въ направленіи къ Царюграду и Проливамъ, обращающаяся въ передовой постъ заговорщиковъ Берлина и Вѣны, Лондона и Рима противъ Россіи, ратующей за самобытность и неприкосновенность православнаго Востока—это ли не сочетаніе, какъ нельзя болѣе благопріятствующее цѣлямъ и стремленіямъ четвернаго союза? Что же удивительнаго, что онъ до сего времени болѣе или менѣе открыто принималъ ее подъ свой покровъ?

И вдругъ теперь, по истеченіи двухъ лѣтъ, нѣмецкій канцлеръ увѣряетъ насъ, что этотъ самый порядокъ ему не по душѣ, что онъ-де страстно желаетъ возстановленія въ Болгаріи *законнаго* вліянія Россіи; мало того: что онъ готовъ всѣми мѣрами содѣйствовать намъ къ водворенію этого вліянія за Дунаемъ и за Балканами. А Австро-Венгрія? На нее не стоитъ обращать вниманія. Она-де не можетъ не подчиниться безпрекословно внушеніямъ своей могущественной союзницы, Германіи, и волей или неволей согласится на условленныя между Берлиномъ и Петербургомъ уступки.

Какія же это уступки? Ужъ не идетъ ли рѣчь о низложеніи Кобурга, объ избраніи въ князья Болгаріи указаннаго Россіею кандидата, о возстановленіи живой, органической связи между арміею нашею и болгарскою, посредствомъ возвращенія въ кня-

жество русскихъ офицеровъ-инструкторовъ и назначенія русскаго генерала болгарскимъ военнымъ министромъ?

Ничуть не бывало. Все сводится къ тому, что, по настоянію Германіи, Австро-Венгрія соглашается не требовать отъ Порты немедленнаго признанія принца Фердинанда Кобургскаго законнымъ и наслѣдственнымъ княземъ Болгаріи.

Внѣ этой оговорки все остается по-старому. Beati possidentes, могутъ повторить съ голоса Фридриха Великаго или князя Бисмарка, принцъ Фердинандъ и его покровители въ Вѣнѣ и Пештѣ. Что бы ни напѣвали намъ болгарскіе эмигранты, нынѣшній порядокъ упрочивается въ княжествѣ, новый заемъ въ Лендербанкѣ наполняетъ опустѣвшую казну, болгарская армія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утверждается въ духѣ, враждебномъ Россіи, и подготовляется къ роли застрѣльщиковъ въ предстоящей, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, борьбѣ съ нею Средней Европы.

Да и чего инаго могли мы ожидать отъ вмѣшательства Германіи, которая подкапывалась подъ насъ въ Болгаріи даже пять лѣтъ назадъ, когда Россію связывали съ нею и Австро-Венгріею узы общаго союза, и которая, конечно, не измѣнитъ своего образа дѣйствій нынѣ, послѣ того какъ русскій дворъ освободился отъ узъ и возвратилъ себѣ полную свободу дѣйствій относительно бывшихъ союзниковъ. Нужды нѣтъ, что насъ увѣряютъ изъ Берлина, будто Австро-Венгрія не слушаетъ совѣтовъ Германіи. Кто намъ поручится, что не сами нѣмцы подстрекаютъ австрійцевъ къ сопротивленію? Мы имѣемъ основаніе предполагать, что такъ и происходило дѣло между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Кальноки въ Фридрихсруэ и, нѣсколько дней спустя, въ Инсбрукѣ, на свиданіи императоровъ Вильгельма II и Франца-Іосифа.

Пора отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какія цѣли преслѣдуютъ средне-европейскія державы въ Болгаріи и что разумѣютъ онѣ подъ независимостью балканскихъ государствъ вообще? Уяснивъ себѣ ихъ политику, авось потеряемъ мы злополучную привычку то и дѣло обращаться къ ихъ *содѣйствію* и попытаемся, напротивъ, сами *противодѣйствовать* ихъ проискамъ, путемъ самостоятельнаго устраненія существующихъ нынѣ между нами и болгарами недоразумѣній?

Мы твердо убѣждены, что на однихъ недоразумѣніяхъ по-

коится нынѣшнее противуестественное отношеніе Болгаріи къ Россіи. Въ доказательство сошлемся на послѣднюю рѣчь, произнесенную г. Стамбуловымъ по этому вопросу въ Софійскомъ Собраніи. Въ чемъ укоряетъ насъ болгарскій министръ? Въ желаніи вмѣшиваться во внутреннія дѣла Болгаріи, подчинить правительство ея нашимъ внушеніямъ, править и распоряжаться ею, какъ русскою областью. Того ли дѣйствительно хочетъ русскій дворъ? Очевидно, не того, какъ свидѣтельствуетъ десятилѣтняя исторія русско-болгарскихъ отношеній, хотя съ другой стороны, нельзя не признать, что подобныя опасенія болгаръ до извѣстной степени оправдываются сбивчивыми и туманными выраженіями нашихъ оффиціальныхъ сообщеній, а въ былое время и неловкими дѣйствіями многихъ изъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ и представителей. Умалчиваемъ о личныхъ счетахъ послѣднихъ съ различными партіями въ Болгаріи. Умалчиваемъ и о наговорахъ и навѣтахъ чужеземной дипломатіи. Сдается намъ, что нужно только ясно истолковать болгарамъ, въ чемъ состоитъ державная воля русскаго Царя, чтобы они склонились предъ нею не только покорно, но и съ признательностью. Для внушенія имъ вящаго довѣрія, необходимо также предварительно прервать всякія сношенія съ болгарскими выходцами, устранить посредничество ихъ между нами и людьми, которые находятся у власти и которые, удержавъ ее въ продолженіе трехъ лѣтъ, доказали, что они не самозванцы, не лже-правители, какъ принято называть ихъ у насъ, а дѣйствительные,—хорошіе или дурные—это другой вопросъ—политическіе вожди и руководители болгарскаго народа.

Съ той минуты какъ разсѣяно будетъ недоразумѣніе—нормальныя отношенія между Россіей и Болгаріей установятся сами собою, на единственно твердой и разумной почвѣ обоюдной пользы обоихъ государствъ. Тогда окажется одно изъ двухъ: или болгарское правительство признаетъ солидарность интересовъ княжества съ нуждами великой Имперіи, вызвавшей его къ жизни, или, напротивъ, проявитъ упорство въ своемъ нынѣшнемъ взглядѣ на Россію, какъ на злѣйшаго врага Болгаріи. Въ первомъ случаѣ все устроится просто и легко, ко взаимному удовольствію обѣихъ сторонъ; во второмъ — мы будемъ вправѣ поднять брошенный намъ вызовъ и дать почувствовать болгарамъ тяжесть нашей руки. Око за око, зубъ за зубъ—та-

ковъ неумолимый законъ здравой политики. Въ силу его, отношенія наши къ болгарамъ должны непремѣнно либо улучшиться, либо ухудшиться. Въ настоящемъ положеніи они оставаться не могутъ безъ явнаго и существеннаго ущерба пользамъ Россіи и ея достоинству.

Впрочемъ, чтобы достигнуть желанной цѣли, нужно прежде всего уяснить ее себѣ, знать, въ чемъ она заключается, чего собственно мы хотимъ? Выше мы сказали, что Россія не помышляетъ о подчиненіи Болгаріи своему господству; но сложились ли у насъ точныя и опредѣленныя представленія о томъ порядкѣ, при которомъ государственные интересы Россіи нашли бы себѣ въ этой странѣ возможно полное удовлетвореніе? Частный этотъ вопросъ обусловливается другимъ, общимъ вопросомъ: выработана ли у насъ цѣльная система внѣшней политики, намѣчены ли задачи, къ разрѣшенію коихъ мы должны стремиться за предѣлами нашего отечества, обдуманы ли и соображены ли наиболѣе цѣлесообразныя средства и способы дѣйствія?

Не будучи посвящены въ тайны Императорскаго кабинета, мы не имѣемъ возможности прямо отвѣчать на эти вопросы. Но смѣемъ увѣрить дипломатовъ, что въ нихъ не заключается ничего нескромнаго. Жестоко ошибаются тѣ, кто полагаютъ, что внѣшняя политика великой державы есть дѣло случайное, зависящее вполнѣ отъ произвола или усмотрѣнія. Совершенно наоборотъ: она есть результатъ всей предшедшей исторіи государства и только тогда бываетъ плодотворна и успѣшна, когда вдохновляется и руководится поученіями, почерпнутыми изъ многовѣковаго историческаго опыта. Внѣ этой связи съ исторіей, она обращается въ политику либо празднаго застоя, либо легкомысленныхъ и опасныхъ приключеній. Такимъ образомъ, выясненіе законовъ, управляющихъ внѣшними отношеніями государства — непремѣнно требуетъ тщательнаго изученія политическихъ явленій въ настоящемъ и прошедшемъ, и вѣрнаго ихъ пониманія, словомъ — долгаго и упорнаго труда. Назначеніе исторіи совершать эту подготовительную работу, класть широкое и крѣпкое основаніе зданію, воздвигать которое призваны государственные дѣятели, коимъ верховная власть ввѣряетъ руководство внѣшнею политикою страны. Только усвоивъ эту истину, дипломатія становится дѣйствительною силой, спо-

собною вести съ успѣхомъ борьбу съ противниками вполнѣ цѣлесообразными средствами, проникать ихъ ухищренія, расторгать ковы и, смѣло переходя въ наступленіе, одерживать надъ ними рѣшительныя и безкровныя побѣды. Само собою разумѣется, что достигаемые ею такимъ образомъ результаты удаляютъ, если не вовсе устраняютъ, необходимость прибѣгать къ мечу, какъ къ ultima ratio rerum.

Настоящая минута представляется какъ нельзя болѣе благопріятною для такого перехода изъ состоянія созерцательнаго покоя къ трудовой дипломатической дѣятельности.

Возбужденіе и тревоги, вызванныя недавними передвиженіями монарховъ, царственными посѣщеніями въ Берлинѣ и торжественнымъ путешествіемъ императора Вильгельма на Востокъ, нѣсколько поулеглись и поуспокоились. Къ концу года вниманіе и заботы западно-европейскихъ правительствъ сосредоточены по преимуществу на внутреннихъ дѣлахъ, на сведеніи счетовъ съ домашними противниками или обличителями.

Нѣмецкій рейхстагъ, выразивъ покорное согласіе на потребованные отъ него военные кредиты, обнаруживаетъ неожиданную и вовсе ему несвойственную строптивость, отказываясь утвердить законъ объ обузданіи соціалистовъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выработанъ имперскимъ союзнымъ совѣтомъ. Въ преніяхъ этого покладистаго собранія замѣчается давно уже не проявлявшееся раздраженіе, и самому сыну канцлера пришлось испытать на себѣ язвительную силу слова вождя свободомыслящей партіи, которая, въ отместку за союзъ націоналъ-либераловъ съ консерваторами, не задумалась вступить въ стачку съ соціалъ-демократами, и тѣмъ доставила послѣднимъ побѣду на городскихъ выборахъ въ Берлинѣ. Сочетаніе это грозитъ непріятнымъ для правительства исходомъ предстоящихъ будущею весною общихъ выборовъ въ рейхстагъ и немало, конечно, вліяетъ на мрачное настроеніе духа нѣмецкаго канцлера, вопреки многолѣтнему обычаю, остающагося понынѣ въ своемъ деревенскомъ уединеніи, вмѣсто того, чтобы принимать личное участіе въ трудахъ имперскаго сейма.

Еще худшій для правительства оборотъ принимаютъ дѣла въ союзной Германіи, двойственной австро-венгерской монархіи. Въ австрійской ея половинѣ борьба разноплеменныхъ народностей обостряется съ каждымъ днемъ, и съ новою силою

проявляются центробѣжныя стремленія отдѣльныхъ областей. Въ Чехіи исчезла послѣдняя надежда на примиреніе нѣмцевъ съ кореннымъ славянскимъ населеніемъ королевства св. Вячеслава и съ предоставленіемъ ему преобладающаго вліянія на управленіе страною. Въ Тиролѣ обнаружился полный разрывъ между сѣверными нѣмецкими, и южными, итальянскими округами, выразившійся въ постановленіи областнаго сейма объ административномъ отдѣленіи ихъ другъ отъ друга. Въ Вѣнѣ отказались, однако, утвердить это постановленіе изъ опасенія, какъ бы итальянскіе ирредентисты не усмотрѣли въ немъ перваго шага къ отторженію Трентино изъ состава монархіи Габсбурговъ и къ сліянію его съ объединенною Италіею. По ту сторону Лейты, въ засѣданіяхъ Пештскаго парламента, происходятъ безобразія, не поддающіяся описанію и свидѣтельствующія о томъ, что политическія страсти не стѣсняются никакими соображеніями достоинства или даже приличія. Ожесточенныя нападки мадьярской оппозиціи на главу министерства превосходятъ всякую мѣру и вѣроятіе, и безсильнымъ оказывается защитить его отъ личныхъ вызововъ и оскорбленій большинство нижней палаты, доселѣ признающее въ немъ своего вождя и руководителя. Самъ г. Тисса, вступивъ на путь уступокъ своимъ рьянымъ противникамъ, быстро скользитъ по его наклонной плоскости и едва-ли успѣетъ долго удержать въ ослабѣвшихъ рукахъ власть, которою пользовался и располагалъ въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ. Хуже всего то, что ища себѣ поддержки въ личномъ авторитетѣ императора Франца-Іосифа, онъ тѣмъ самымъ подрываетъ обаяніе въ народѣ «короля», вѣнчаннаго короною св. Стефана, и низводитъ его съ той высоты, на которой привыкли видѣть его всѣ политическія партіи, какъ безпристрастнаго судью и посредника ихъ несогласій и споровъ.

Третья участница «Лиги Мира»—Италія переживаетъ тяжкій хозяйственный кризисъ, вызванный непосильнымъ обремененіемъ населенія налогами, которыхъ все же оказывается недостаточно для чрезмѣрныхъ вооруженій, снова водворившихъ дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ молодаго, но тщеславнаго и честолюбиваго королевства. Въ пышной и широковѣщательной рѣчи при открытіи парламентской сессіи король Гумбертъ, хотя и провозгласилъ, что все-де обстоитъ какъ

нельзя болѣе благополучно, но повсемѣстный голодъ и нищета слишкомъ явно и открыто противорѣчатъ его хвастливымъ заявленіямъ. Вообще неудовольствіе растетъ и обращается уже не на министерство или парламентъ, а противъ самой династіи, которую итальянцы считаютъ главною виновницею приступленія ихъ родины къ австро-нѣмецкому союзу, не доставившему ей пока ни малѣйшихъ выгодъ, но уже стоившему неисчислимыхъ жертвъ и приведшему ее къ полному истощенію. Въ Италіи гораздо чувствительнѣе, чѣмъ во Франціи, устраненіе отъ участія въ правленіи охранительныхъ силъ страны, немирящихся съ похитителями державныхъ правъ папскаго престола, а потому и неудивительно, что, не находя себѣ въ нихъ противовѣса, радикальные элементы пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе значенія, а слѣдовательно, и притязательности, и конечной цѣлью гласно выставляютъ ниспроверженіе конституціонной монархіи.

На политической поверхности Англіи замѣчается болѣе спокойствія, но въ глубинѣ ея зіяетъ незалѣчимая язва: Ирландскій вопросъ, раздѣляющій на два противуположные лагеря государственныхъ людей этой страны и толпы ихъ приверженцевъ и послѣдователей. Старецъ-Гладстонъ далеко еще не считаетъ себя окончательно побѣжденнымъ и неустанно трудится надъ осуществленіемъ Home-rule, завѣтной мечты своей. Судя по исходу недавнихъ частныхъ выборовъ въ парламентъ, число его сторонниковъ пріумножается; во всякомъ случаѣ, предводимая имъ оппозиція настолько сильна, что причиняетъ торійскому кабинету немало безпокойства и тревоги. Для насъ, русскихъ, это важно потому, что возвращеніе виговъ къ власти было бы равносильно отреченію Великобританіи отъ всякой солидарности со скопомъ средне-европейскихъ державъ и съ цѣлями, преслѣдуемыми ими какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ.

Съ мрачною и неприглядною картиной внутренняго состоянія перечисленныхъ четырехъ великихъ державъ Запада яркій и утѣшительный контрастъ представляетъ Франція. Она тоже пережила продолжительный и бурный кризисъ, подвергшій опасности самыя основы ея государстеннаго существованія. Но, какъ обыкновенно бываетъ послѣ грозы, наступившее вёдро мигомъ преобразило внѣшность этой дружественной намъ

страны. Миръ и согласіе водворились между французами. Новоизбранная палата удивляетъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, съ коими производитъ она повѣрку полномочій своихъ членовъ. Правительственное большинство уважаетъ права меньшинства, которое, въ свою очередь, прекратило ярыя нападки на основные законы государства. Положеніе правительства президента Карно упрочилось не въ одномъ парламентѣ, но и въ средѣ населенія. Съ устойчивостью пріобрѣтаетъ оно и нравственное вліяніе, необходимое для успѣшнаго управленія дѣлами республики. Нельзя не воздать справедливости проявляемой имъ умѣренности во всѣхъ щекотливыхъ вопросахъ, такъ недавно еще разъединявшихъ французовъ. Очевидно, оно вполнѣ сознаетъ необходимость искренняго и прочнаго единенія внутренняго, какъ вѣрнѣйшаго залога внѣшняго могущества Франціи. Миролюбіе его стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, но тѣмъ болѣе ревности проявляетъ оно въ развитіи оборонительныхъ силъ государства, при дружной поддержкѣ обѣихъ палатъ и при полной готовности населенія приносить всевозможныя жертвы надежному огражденію политической самостоятельности и земельной цѣлости отечества.

Въ общей сложности, нынѣшнее внутреннее состояніе западно-европейскихъ державъ несомнѣнно благопріятствуетъ мобилизаціи боевыхъ силъ русской дипломатіи. Но едва-ли не болѣе еще вызывается оно положеніемъ дѣлъ на Востокѣ.

Тамъ замѣтно усиленное броженіе на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова, отъ Нижняго Дуная и береговъ Адріатики, до отдаленнѣйшихъ островов Архипелага.

Отмѣтимъ прежде всего недавній министерскій кризисъ въ Румыніи. Въ немъ сказалась новая попытка австро-нѣмецкихъ доброхотовъ возвратить себѣ утраченное вліяніе на направленіе внѣшней политики Дакійскаго королевства. Дворъ короля Карла въ заговорѣ съ горстью политическихъ дѣльцовъ, обозначающихъ себя прозвищемъ «юнимистовъ» и силящихся противодѣйствовать народнымъ стремленіямъ громаднаго большинства населенія.

Въ Сербіи народники удерживаютъ за собою власть и съ похвальнымъ мужествомъ продолжаютъ дѣло очищенія страны отъ всѣхъ остатковъ многолѣтняго господства Милана и душою и тѣломъ преданныхъ Австріи напредняковъ. Въ дву-

смысленномъ отношеніи къ министрамъ - патріотамъ стоитъ, однако, регентство, связанное съ бывшимъ королемъ какими-то таинственными обязательствами. И тутъ, по всѣмъ признакамъ, дѣло не обойдется безъ борьбы, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, такой борьбы, что̀ рѣшитъ споръ между исторически-народнымъ теченіемъ и усиліями средне-европейской дипломатіи включить Сербію въ сферу мощи австро-мадьярской монархіи.

Мы уже упоминали о нынѣшнемъ состояніи Болгаріи и выражали убѣжденіе, что въ основѣ его лежитъ недоразумѣніе между нами и младшими нашими братьями, намъ, и только намъ однимъ обязанными своею независимостью и свободой. Но какъ бы то ни было, недоразумѣніе это даетъ уже горькіе плоды. Отшатнувшіеся отъ Россіи болгары преклоняютъ слухъ къ льстивымъ и заискивающимъ рѣчамъ, раздающимся изъ Вѣны и Пешта. Вѣнская биржа усчитываетъ облигаціи болгарскаго займа, австро-мадьярская армія привлекаетъ въ ряды свои ищущихъ военнаго образованія болгарскихъ офицеровъ. Такимъ образомъ, создается между Дунайскою монархіею и Болгаріею, быть можетъ и противоестественная, но все же осязательная, вещественная связь, завязываются матеріальные узлы, которые можно еще развязать сегодня, а завтра уже придется разрубить.

А Турція? Болѣе чѣмъ когда-либо она въ рукахъ нѣмцевъ, обучающихъ ея армію, завѣдующихъ финансами и администраціею, руководящихъ дипломатіею. Конечно, они не спасутъ ея отъ неминуемаго разложенія, но цѣль ихъ не въ томъ. Наложивъ хищную руку на Оттоманское наслѣдство, они постараются сами завладѣть имъ и притомъ безъ особаго напряженія силъ, безъ всякихъ жертвъ или риска, путемъ такъ называемаго мирнаго завоеванія. А что близокъ часъ паденія мусульманскаго господства на европейскомъ материкѣ, на это указываютъ намъ несомнѣнные признаки, гніеніе внутри и грозныя тучи извнѣ. Развѣ мы не видимъ, не чувствуемъ тлѣющій подъ пепломъ огонь на островѣ Критѣ, во Ѳракіи, въ Македоніи? Долго ли до пожара при такомъ накопленіи горючихъ и взрывчатыхъ матеріаловъ, и неужели пожаръ этотъ въ непосредственномъ нашемъ сосѣдствѣ снова долженъ насъ застать врасплохъ?

ГИЗ № 32
Пок.
1